

Страна вайнахов — это Чечня и Ингушетия. В переводе «вайнах» означает «наш народ». Так чеченцы и ингуши называют себя, чтобы отличить от других народов Северного Кавказа.

Большую часть страны вайнахов составляют горы, которые вплотную примыкают к Главному Кавказскому хребту. Бурные потоки рек Чанты-Аргун, Шаро-Аргун, Асса и Фортанга с многочисленными притоками разрезают горы, образуя глубокие ущелья. В котловинах между хребтами и в речных долинах в средние века жила основная часть вайнахов. Здесь до сих пор сохранились многочисленные памятники архитектуры: средневековые башенные постройки, святилища и храмы, склеповые некрополи, образующие целые города мертвых. Каждый сохранившийся памятник средневековья неразрывно связан с историей вайнахов, вписавших свои страницы в своеобразную каменную летопись народов Кавказа. О памятниках старины Чечни и Ингушетии и рассказывает эта книга.

The Land of Vainakhs includes Chechnya and Ingushetia. The word «vainakh» means «our people». This is how the inhabitants of the land, the Chechens and Ingushi, call themselves in order to distinguish from other people populating the Northern Caucasus.

Mountains adjoining the Central Caucasian Ridge occupy the larger part the area. Rapid streams of the rivers Chanta-Argun, Sharo-Argun, Assa and Fortanga joined by numerous tributaries cut into the mountains and form deep canyons. In the Middle Ages the majority of Vainakhs lived in hollows between ridges and in the river valleys. Many architectural monuments came down to us from that time, including medieval towers, shrines and temples, and burial necropolises, which made the whole towns of the dead. Every preserved monument is inseparably connected with Vainakh history adding a glorious chapter to the peculiar stone history of Caucasian peoples. The book the publishers are offering for their readers' consideration is telling of these ancient monuments in Chechnya and Ingushetia.

КАМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ СТРАНЫ ВАЙНАХОВ

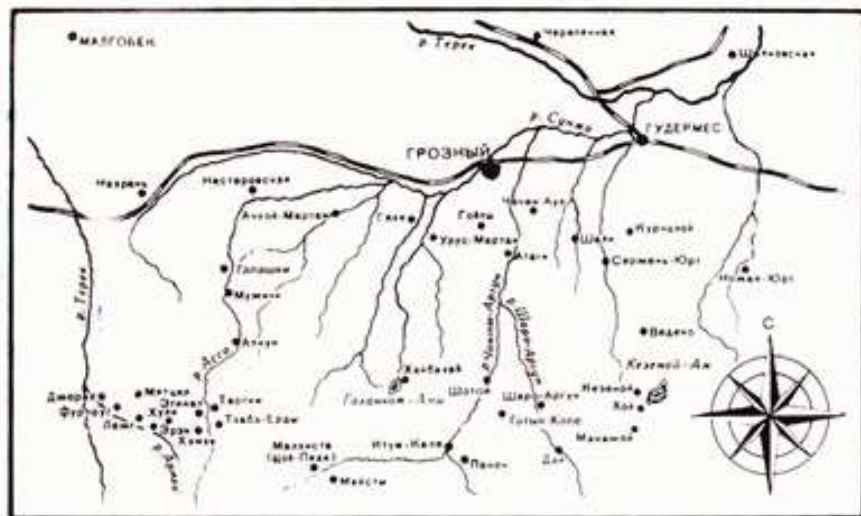

Каменная летопись страны вайнахов

Шумга
© Б.М. 2007

Каменная летопись Страны Вацнахов

Памятники архитектуры
и искусства
Чечни и Ингушетии

Москва
«Русская книга»

Составители М. А. Азиев, Д.
Ю. Чахкиев
Автор текста В. И. Марковин
Макет и оформление А. Г.
Свердлова
Фотосъемка Н. А. Самсоненко,

к 4911010000-037 инф. 94
ML05 (03) 94
ISBN 5—268 — 01387—4

© М. А. Азиев, Д. Ю. Чахкиев,
составление, 1994.
© В. И. Марковин, текст,
1994.

В северо-восточной части кавказского массива расположены Чечня и Ингушетия. Это и есть страна вайнахов. Местные жители называют себя «вайнах», что в переводе означает «наш народ». Этим словом объединяются родственные по языку и культуре чеченцы и ингуши, хотя и те и другие имеют еще собственные самоназвания: чеченец — «нахчо», ингуш — «галгай» (гIалгай). Обще-принятые сейчас русские названия этих народов происходят от селений Чеченаул и Ангушт. Их жителей русские купцы хорошо знали уже в XVII веке.

Страна вайнахов не очень велика по своей площади, но ее территория весьма разнообразна и простирается от прикаспийских степей, усыпанных мелким желтоватым песком, до пустынных районов, представляющих собой останцы того же моря с барханами классической полудунной формы. Здесь беспрерывно дуют ветры, играют звонкими песчинками, наметая новые барханы и сглаживая старые. В прибрежьях Терека и Сунжи можно видеть участки полынных, голубовато-сизых степей. Их оживляют только всхолмления древних курганов и едва проглядываемые сквозь воздушную дымку легкие контуры гор.

Но вот и горы. Сухие и безлесные со стороны равнины, они затем на территории Ичкерии, заселенной чеченцами, поражают обилием лесов. Огромные буки тянутся к небу, шумят кронами, разбрызгивая сотни солнечных зайчиков по темно-зеленому подлеску. Лесные гиганты, отмирая, падают, ломая кусты кизила и орешника, а затем медленно гниют в сыром, замшелом сумраке. При рубке леса рука дровосека не касается грушевых деревьев. Груши в этих местах священны, и стоят они разбросанными по горным склонам, приглашая путника отдохнуть под своей сенью.

По мере движения в горы пейзаж меняется. Теперь горы прорезают узкие скалистые ущелья, по дну которых грохочут реки. Их множество, поэтому назовем только главные. Горную часть Чечни пересекают два мощных потока — Чанты-Аргун и Шаро-Аргун. Уже у равнины они, соединяясь, образуют широкую реку Аргун — приток Сунжи. В Ингушетии более всего известны две полноводные реки — Асса и Фортанга, которые, сливаясь, также впадают в Сунжу. Реки с многочисленными притоками текут по ущельям или лощинам, которые, расширяясь, превращаются в котловины. По их склонам обычно и расположены села вайнахов. Это районы частых дождей, а в ясные, безоблачные дни — тихой, ласковой прохлады. Среди скалистых громад, что возвышаются над селениями, преобладает мрачноватая, дымчато-серая тональность. Ее придают местному ландшафту выходы сланца.

Этот край не очень богат озерами. Более всего известно Кезе-ной-Ам, лежащее на высоте 1870 метров, на границе Чечни и Дагестана, близ перевала Харамы. Его изумрудно-зеленая ледяная вода удивительно прозрачна. Подъем к озеру со стороны чеченского селения Харачой затруднен крутизной склонов и тяжелыми, почти всегда лежащими здесь туманами.

Горы Чечни и Ингушетии поражают своим колоритом — сочетанием изумрудной зелени, желто-фиолетовых скал и перламутрового блеска далеких заснеженных вершин, что плотными кулисами замыкают ущелья и лоцины. Именно в горах, защищающих от постороннего вмешательства, и создавалась своеобразная, неповторимая и исключительно многогранная культура вайнахов. Она включает и вознесенные к небу башни, и таинственные склеповые постройки, образующие целые «города мертвых», и напевные мелодии, предания и легенды, которые передаются из поколения в поколение.

Культура и образ жизни вайнахов весьма своеобразны и вызывают искреннее уважение. Здесь строго соблюдается кодекс чести, этикет в поведении и подчеркнута уважительное отношение к старшим по возрасту людям, к женщинам и детям. Вайнахи — темпераментный народ, легко отзывающийся на шутку, острое слово. Далеко не легкую жизнь чеченцев и ингушей всегда скрашивали певцы и умелые рассказчики. Духовный мир народа прочными нитями связан с прошлым. Вайнахи всегда помнят о предках и не пытаются искусственно отстраниться от них.

Своеобразие культуры чеченцев и ингушей, языка и фольклора, бытовых построек, как и сама природа этих земель, издавна привлекали внимание российских ученых. Уже в 1770—1771 годах страну вайнахов посетил видный ученый Антон Иоганн Гюльденштедт. Кроме «горячих вод и нефтяных ключей», его заинтересовал язык горцев и его отражение в местной культуре. В 1807—1808 годах страну обследовал Генрих Юлий Клапрот. Он оставил не только лингвистические заметки, но и ценнейшие описания местного быта. Мимо его глаз не прошли многие детали костюма горцев, колорит их поселков и особенности архитектуры. Собственно эти ученые да еще Петр Симон Паллас (путешествие 1773 года) заложили фундамент в изучении этнографии народов северо-восточной части Кавказа.

Конечно, в научном смысле более плодотворен XIX век. Прежде всего необходимо назвать историка А. П. Берже. В своей неустаревшей до сих пор книге «Чечня и чеченцы» (1859 г.) он упоминает все виденные им башенные постройки по рекам Шаро-Аргун и Чанты-Аргун. Однако первое воспроизведение рисунков башен, расположенных у селения Шатой, можно найти в статье А. П. Ипполитова, помещенной в первом выпуске «Сборника сведений о кавказских горцах» (1868 г.). Эти здания показались автору настолько гармоничными, что он, не сомневаясь, приписал их деятельности «мидов» (иранцев). Не будем удивляться. Башенные постройки вайнахов связывали с мастерством «джел-тов», татар и других мифических и реальных народов, что было данью неверия в творческие силы местного населения.

Огромный интерес к памятникам горского зодчества проявил русский археолог Всеволод Федорович Миллер. В июне 1886 года он обследовал многие районы Чечни и Ингушетии, итогом чего стала солидная книга с описанием средневековых построек (башен, склепов, святилищ и храмов). Это было открытие миру почти неизвестной архитектуры, и многие ученые в конце XIX и начале XX века стремились попасть в ущелья, где жили вайнахи, чтобы все это увидеть своими глазами. Появилось множество статей и небольших очерков, в которых содержались сведения о местных памятниках старины (работы археологов — графини П. С. Уваровой,

В. И. Долбежева, Н. К. Зейдлица, Г. А. Вертепова и др.). В эти же годы в исследование культуры вайнахов активно включились первые представители местной интеллигенции — этнографы ингуши Чах Ахриев и чеченцы Башир Далгат и Умалат Лаудаев. Их труды и сейчас имеют первостепенное значение.

После 1917 года на Кавказе обострилась политическая жизнь. Это вызвало у местных народов особый интерес к своему прошлому, тем более что многие из них практически не имели письменности. Горцам, в том числе и вайнахам, хотелось знать свою историю. В 1925—1932 годах большие исследования в Ингушетии вели ученые Л. П. Семенов, Н. Ф. Яковлев и И. П. Щерблякин. Каждая деталь местного быта, все встреченные археологические находки описывались ими с неизменной тщательностью. И. П. Щерблякин, будучи художником, делал по ходу работ зарисовки средневековых построек. В 1929 году интересную книгу о чеченцах издал австрийский ученый Бруно Плечке. В ней большое внимание уделено памятникам зодчества и петроглифам — средневековым рисункам, выбитым на строительных камнях. К этому же времени можно отнести и большие историко-краеведческие очерки известного чеченского писателя Халида Ошаева, человека уникальных знаний и большой культуры.

С 1935 года в Чечне и Ингушетии начала работать Северокавказская археологическая экспедиция. Ею руководил видный ученый Е. И. Крупное. На основе собранных материалов он написал книгу «Средневековая Ингушетия», которая до сих пор является хорошим пособием для изучения культуры ингушей.

Великая Отечественная война принесла огромные бедствия всем народам нашей страны. Двойным горем обернулась она для чеченцев и ингушей. Они были незаконно репрессированы и на долгие годы (1944—1957) высланы с родных земель. Об их культуре нельзя было даже говорить. Только антрополог В. В. Бунак не побоялся в 1953 году издать статью о материалах, происходящих

из склепов вайнахов. В ней чеченцев и ингушей он называл их самоназваниями — «нохчо» и «галгай». Естественно, автор изрядно рисковал, взявшись за подобный труд.

К моменту возвращения вайнахов на родину, в 1957 году, в Северокавказской экспедиции был создан специальный Горный (Аргунский) отряд, одной из задач которого являлось изучение памятников горской архитектуры. За десятилетие удалось обмерить и описать многие постройки в разных районах республики. К 70-м годам в исследование зодчества вайнахов включились этнографы А. И. Робакидзе, В. П. Кобычев, историк архитектуры А. Ф. Гольдштейн, местные специалисты В. Б. Виноградов, М. Б. Мужухоев, А. А. Исламов, Р. А. Даутова, С. Ц. Умаров, М. Х. Ошаев, Д. Ю. Чахкиев — преподаватели и бывшие студенты Чечено-Ингушского университета имени Я. Н. Толстого.

Далеко не простое дело — изучение средневековых сооружений. Самое главное здесь — тщательная фиксация их в виде фотографий, зарисовок и обязательно в обмерных чертежах. Делаются они непосредственно с натуры, в определенном масштабе, что позволяет в дальнейшем уже в кабинетных условиях тщательно изучить собранный материал.

Скудны письменные источники о жизни чеченцев и ингушей в средние века. Купцов в то время интересовали местные товары и цены на них, мусульманские и христианские миссионеры думали о душах горцев, обращаемых в свою веру, вот и приходится историкам

находить недостающие звенья в цепи истории вайнахов. И памятники местного зодчества становятся для них своеобразной каменной летописью. Башни, склепы, мавзолеи и петроглифы на них — надежные источники для воссоздания картин прошлой жизни. Археологические предметы, сопутствующие местной архитектуре и привлекаемые для той же цели, существенно уточняют и дополняют полученные факты. С некоторыми из них мы познакомим читателей. Хотелось бы, чтобы эта книга явилась своеобразным пособием для знакомства с культурой чеченцев и ингушей — двух древних народов Северного Кавказа.

БАШЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ

В местных горах на путешественника самое большое впечатление производит не природа, хотя она прекрасна, а памятники архитектуры. Особенно красивы вознесенные к небу боевые башни. Они настолько естественно вписаны в пейзаж, что без них трудно себе представить горные поселки вайнахов. Сейчас, к сожалению, башенные постройки сохранились лишь в отдаленных горных районах. Однако и у подножий гор, или, как принято говорить на Кавказе, на плоскости, также некогда возвышались башни. Известно, что в Ханкальском ущелье, то есть в районе города Грозного, еще во время Кавказской войны стояла башня. Башни имелись и у селения Старый Юрт (ныне Толстов-Юрт) близ Терека, возле селения Бамут — у реки Ассы и напротив селения Балан-Су (на правом берегу реки Яман-Су). Эта последняя называлась Навраз-гала (Наураз-г1ала). Время или люди не пощадили их.

В средние века чеченцы и ингуши с уважением относились к человеку только в том случае, если он мог назвать свой род (тейп) и принадлежал к определенному племени (тукхуму—«семени»). При этом своеобразными показателями древности рода, человеческого благородства и достоинства являлось наличие постройки башенного типа. Ингуши так и говорили: «Человеку при жизни нужна башня, после смерти склеп».

Известны два вида башен — жилые и боевые. Довольно редко, но встречаются башни, сочетающие в себе особенности обоих видов. Назовем их «полубоевыми». Наиболее архаичны жилые башни—«гала» (Нала). Считают, что они возникли из циклопических построек, на которые еще в 30—40-х годах нашего столетия обратили внимание археологи Леонид Петрович Семенов и Евгений Игнатьевич Крупное. Это были остатки стен, некогда сложенных из огромных камней. Ученые видели их в ингушских селениях Дошхакле, Эгикал и Хамхи и отнесли к VII— V векам до н. э.— к так называемому «скифскому времени». Они же назвали эти кладки «циклопическими», прибегнув к общепринятому названию подобных сооружений. Восходит оно к греческому мифу об одноглазых циклопах, которые якобы строили себе жилье из гигантских камней. Для вайнахских памятников это название по своей сути также близко, так как в сказаниях чеченцев и ингушей упоминаются великаны — вампалы, а среди них встречаются и одноглазые гиганты. Неимоверной силой обладали и нарты — орстхойцы — персонажи широко распространенного в местной среде героического эпоса. Только им и было бы под силу ворочать подобные камни.

Циклопические руины у селений Цеча-ахк, Никарой и Баулой (Чечня) были сложены из глыб до 170 сантиметров в поперечнике. Археолог С. Ц. Умаров считает, что это были дома-крепости. Их строили в XI—XII веках и использовали под жилье вплоть до XVII века¹. Во время раскопок в селениях Карт и Дошхакле среди огромных камней — остатков от древних стен найдены обломки глиняной посуды эпохи бронзы². Когда же создавалось жилье, достойное легендарных вампалов? В средние века, в эпоху раннего железа («скифское время») или же в эпоху бронзы — за четыре-пять тысячелетий до наших дней? Наверно, прав будет любой исследователь, утверждающий любую из приведенных версий, тем более что надежных критериев для определения времени постройки этих сооружений у нас пока нет.

¹ См.: Умаров С. Ц. Средневековая материальная культура горной Чечни XIII—XVIII вв.: Автореф. канд. дис.— М., 1970.—С. 6, 7, 16, 17.

² См.: Мужухоев М. Б., Бекбузаров Х. Т. Циклопические постройки у селений Карт и Дошхакле в горной Ингушетии//Новые памятники эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии.— Грозный, 1982.— С. 47—61.

По многим местам Кавказа встречаются остатки зданий циклопического типа, и вполне можно считать, что именно они явились основой для возникновения башенных построек средневековья. Есть мнение, что башенная архитектура возникла у многих народов мира, живущих в горах. Вот как об этом пишут историки архитектуры: «Связь с природой, масштабность в сочетании с монументальностью, соразмерность всех элементов приводят к созданию высокохудожественных ансамблей башенной архитектуры во многих странах мира»³.

Жилые башни часто встречаются в местных горных поселках. Некоторые и сейчас используются для жилья. Для этого в стенах пробиты широкие окна, сделаны двускатные крыши, покрытые черепицей. Стоят башни всегда на удобных местах, недалеко от воды — ручьев и родников. По внешнему виду это приземистые здания прямоугольного плана, кверху всегда несколько суживающиеся, что делает их более устойчивыми. Отмеченный наклон создавался не за счет нависания стен над внутренним пространством здания, а лишь постепенным уменьшением их толщины (у основания она достигает одного метра). Массивное основание зданий для древности и средневековья является характерной чертой. Как видно, строители жилых башен обладали прекрасным чувством меры, что и позволило им создать такие сооружения, которые смогли сохраниться до наших дней.

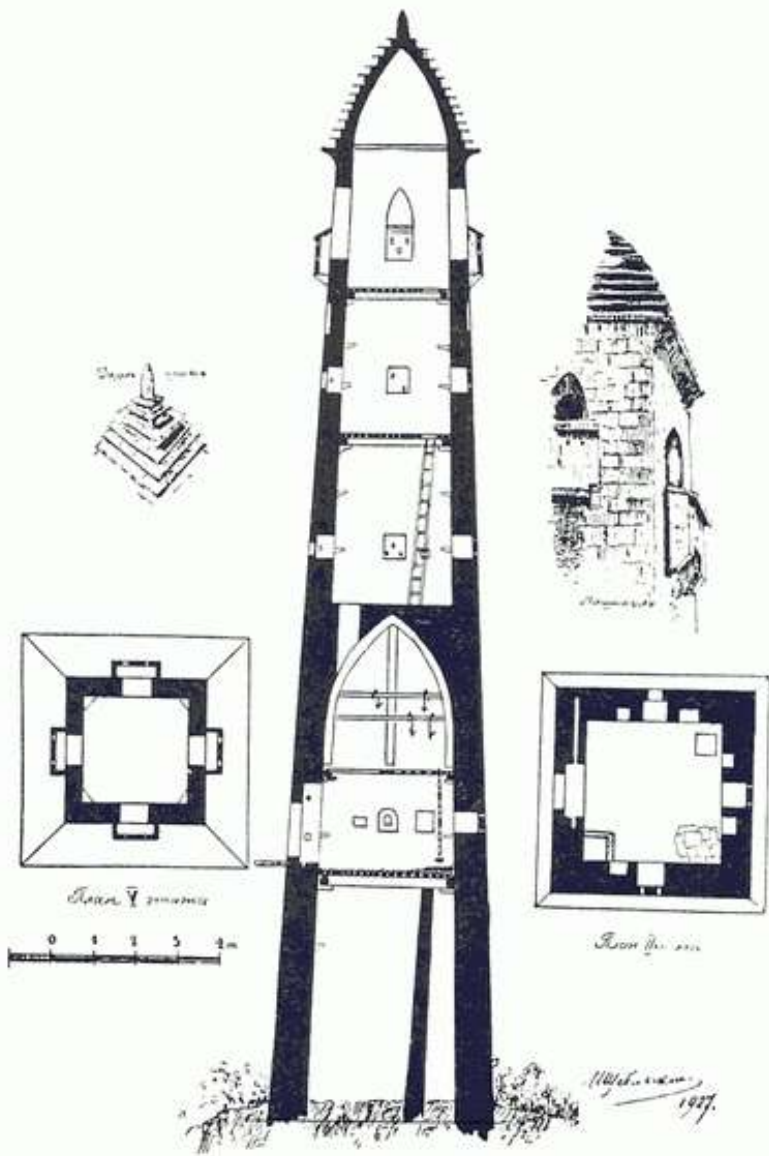
Жилые башни хорошо сочетаются с окружающим пейзажем и по цвету почти не отличаются от ближайших скал. Стены сложены из хорошо подогнанных камней — известняка, мергелевых пород и песчаника. Квадры кладки обычно обработаны крупными раковистыми сколами и слегка заглажены. В Чечне камни скреплены небольшим количеством глинисто-известкового раствора, в Ингушетии заметно более обильное его применение. Иногда массивная кладка переслоена тонкими пластинками камня. Особенно эффектно выглядит башня, стоящая у реки Терлой-ахк (изучена М. Х. Ошаевым). Издали она кажется сложенной из полосчатого благородного материала наподобие яшмы, а это всего лишь дело рук мастера-строителя.

Обычно жилые башни строили в два-три этажа высотой до 12 метров. Довольно большую трудность представляло конструирование внутренних межэтажных перекрытий. Для их крепления служили специальные выступы стен и гнезда, в которые вставлялись балки. В центре башни обычно устанавливалась колонна, скорее опорный четырехгранный столб с массивным основанием и каменными подушками, расположенными на разной высоте для опоры на них балок перекрытий. Столб завершался капителью в виде перевернутой усеченной четырехгранной пирамиды. Перекрытия этажей — деревянные балки с настилом из пластин сланца и хвороста — опирались на выступы и гнезда в стенах и на подушки опорного столба.

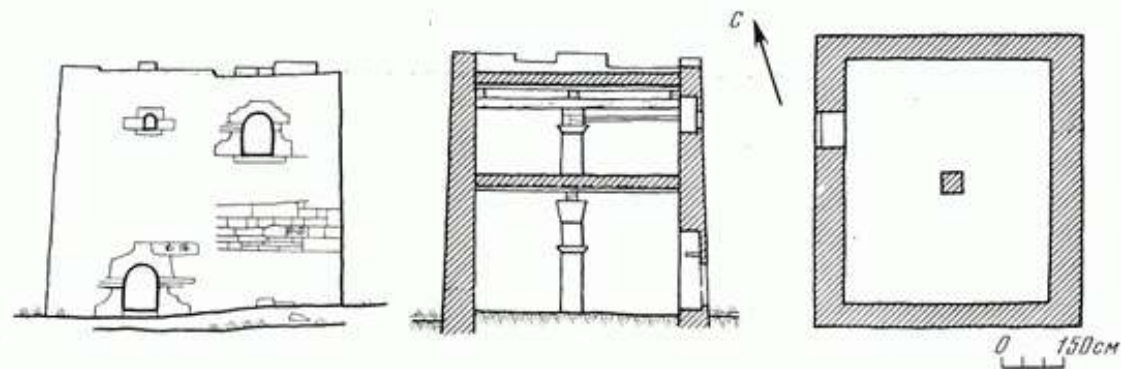
Кровля жилых башен была плоской. Профессор Л. П. Семенов видел их целыми еще в 1928—1930 годах. Кровля представляла собой бревенчатый накат, покрытый хворостом. Сверху насыпалась земля и утрамбовывалась. Для этого употреблялись специальные цилиндрические катки из прочных пород камня. Стены башни часто возвышались над кровлей в виде парапета, что делало более удобным наблюдение вокруг.

На каждый этаж жилой башни вела отдельная дверь. Попасть на второй-третий этаж можно было только по приставной лестнице. Для этой цели употреблялось бревно со ступенеобразными зарубками, и без особой сноровки подняться по нему было не так-то легко.

³ Джандиери М. И., Лежава Г. И. Народная башенная архитектура.— М., 1976.— С. 120.

2 Боевая башня (разрез, планы 2-го и 5-го этажей, детали)
Рисунок И. П. Щерблыкина, 1927 г.

3. Жилая башня у селения Верхний Кокадой.
XVI—XVII вв.
Обмеры Э. П. Химина, 1960 г.

Дверные проемы башен невысоки, без наклона головы, пожалуй, не войдешь. Но сделаны они самым тщательным образом. Дверные и оконные проемы обычно завершаются полукруглыми арками довольно правильной формы. Их высекали или в целых камнях-монолитах, или в двух массивных камнях, придвинутых друг к другу. Арочные камни часто украшены выбитыми петроглифами. Встречаются и арки, сложенные из нескольких клинчатых блоков с примитивным замковым камнем в центре. Стоит вынуть такой камень — и вся

конструкция может рассыпаться. Иногда арки разных видов можно видеть на одном и том же здании, что очень оживляет его внешний облик. Над дверями и окнами некоторых башен устроены карнизы в виде козырьков.

С внутренней стороны дверные и оконные проемы расширяются по типу ложных стрельчатых арок, выполненных напуском приостренных камней. В холодную пору и на ночь двери и окна прикрывали дощатыми щитами, которые вращались в специальных гнездах. Возможно, на окна натягивали какие-либо просвечивающиеся материалы. Первый этаж, как правило, был без окон, для вентиляции в стенах устраивались небольшие продухи. Дверь имела запор в виде засова. Снаружи через специальное отверстие его можно было отодвинуть «ключом» — угловатой палкой с обрубками веток или особыми зарубками. Пользовались вайнахи и металлическими замками в виде цилиндра с дужкой, которые в XVII — XVIII веках, по-видимому, приобретались у русских купцов (подобный замок найден в склепе селения Фалхан).

Таково устройство жилых башен. Первый этаж служил хлевом, в верхних этажах размещались хозяева и хранились запасы. Для того чтобы перейти из нижнего помещения в верхние, не выходя наружу, в башнях устраивались специальные люки.

Каменные постройки прогревались плохо, даже летом в них всегда сохранялась прохлада. Особенно нелегко было в зимнюю стужу. Иногда для отопления в башне устраивали камины. Один из них сохранился в жилой башне селения Фуртоуг. Это сооружение округлой формы с полками для разных мелочей. Внутри на очажной цепи над огнем подвешивался котел для варки пищи.

Интерьер жилых башен был достаточно просторным. По стенам могли быть развешаны двусторонние аппликационные ковры, пол покрыт кошмами. Особенно красивы ковры вайнахов, выполненные в два-три цвета. Их узор довольно лаконичен — это стилизованные листья и едва угадываемые фигуры и головы животных. Комбинации орнаментальных мотивов почти всегда подчинены законам зеркальной симметрии, а их краски не очень яркие, но контрастны по своим сочетаниям (красная — зеленая, синяя — красная, черная — зеленая и т. д.).

Шкафов в башнях не было. Одежда развешивалась на жердях и веревках, протянутых вдоль стен. В многочисленных нишах хранилась домашняя утварь и посуда. Часть жилья занимали нары в виде широкого помоста, на них спали и там же складывали постельные принадлежности. На колышках, вбитых между камней, висело оружие — луки, ружья, сабли. На видном месте красовалась кольчуга хозяина дома.

Центр жизни — очаг или камин. К нему были придвинуты деревянные скамьи, покрытые резьбой. На них восседали старшие в семье мужчины и пришедший в дом гость, которому всегда были рады. Его национальность здесь, как правило, не имела значения. От гостя узнавали новости, сдержанно радовались его радостям и преклоняли голову при разговоре о печальном. Поодаль на маленьких трехногих скамеечках могли сидеть более молодые домочадцы.

Бесшумно, этому приучали с детства, передвигались женщины, хлопочущие об угощении. По вечерам зажигали лучины, вставляя их в специальные высокие подставки. Пользовались также светильниками, по форме похожими на античные: в сосуд наливали жир, фитилек выводили через носик и зажигали. Реконструкция бытовых деталей может быть очень интересной, ведь в жилых башнях вырастали

целые поколения вайнахов. Здесь они рождались, осознавали свое «я» и определяли свое место в этом мире, здесь умирали. Башни помнят смех и игры детей, горячие молитвы и скорбный плач, песни сказителей и неспешные беседы...

Отсутствие узких бойниц и специальных амбразур, низко расположенные входные двери позволяют считать, что жилые башни не предназначались для того, чтобы выдерживать долгие осады и отражать внезапные нападения. Они вполне оправдывают свое мирное название. Судя по циклопическим остаткам, такие башенные постройки могли появиться задолго до нашествия кочевников в XIII—XIV веках. Наиболее древние известные археологам руины жилых башен можно отнести к XI—XII векам (в селениях Цеча-ахк, Орсой и других). Со временем конструктивные особенности этих башен совершенствовались, приобретали новые черты и воплотились в том виде зданий, за которыми закрепилось традиционное название жилых башен (гIала).

Однако вопросы войны и мира в средние века были не менее острыми, чем в наше время. Для предотвращения стычек тогда имелось намного меньше сдерживающих начал. Жилые башни приходилось приспособлять к возможным столкновениям. Появляются постройки, которые имеют не только оконные и дверные проемы, но и бойницы для стрельбы из лука и специальные «балкончики» — машикули (чIерх). С них осажденные могли защищать входы в свою башню. С машикулей, практически не имевших пола, можно было не только стрелять, но также сбрасывать камни и лить кипяток. Жилые башни с машикулями вошли в научную литературу под названием «полубоевых». Они несколько выше обычных жилых башен (могли иметь до четырех этажей), более изящны, вытянуты в высоту. В них нет центрального столба для межэтажных перекрытий, которые поддерживались лишь выступами стен и крепились в специальных гнездах.

Подобных башен обнаружено довольно много. Их можно видеть в селениях Эгикал, Бейни, Верхний Алкун, Хайбахой, Никарой, Кяхк и других. Целая серия полубоевых построек украшает село Эгикал. Можно заметить, что все проемы в них устроены без подчинения законам симметрии, но двери расположены одна под другой, а над самой верхней нависает машикуль, предназначенный для их охраны.

Постройками полубоевого типа также можно считать убежища, сложенные в скальных нишах. Одно из них, у селения Нихалой, почти разрушилось, а другое — в районе Ушкалоя — прекрасно сохранилось. От средневековых и современных непрошенных гостей его отделяет мощный поток Чанты-Аргуна. Третье убежище, не менее неприступное, находится в скальной выемке горы Нахшой-лам по дороге к озеру Галанчож-Ами, на высоте 12—13 метров от подножия обрыва. Попасть в него можно было только по лестницам, которые привязывались к специальным каменным тумбам, расположенным несколько ниже постройки, у края скалы. Это была надежная крепость.

Находки монет, обломки посуды, характерной для XIII — XIV веков в Ингушетии и Чечне, позволяют думать, что именно в это время, в период наступления монголо-татар, и началось интенсивное строительство полубоевых башен. Конечно же, строили их и позже, хотя создание полноценной боевой башни было по силам далеко не всем.

Если мы несколько упростим эволюционный процесс, то полубоевые постройки можно будет считать переходным звеном от жилых башен к боевым — «вою». Их, по-видимому, стали строить уже к XV веку. Обычно принято считать временем расцвета башенной архитектуры XV—XVII века, когда воздвигались все виды построек.

Особенно величественны боевые башни в селении Эрзи. Здесь они замыкают жилые строения со всех сторон, а одна стоит у входа в аул. Башни «вою» сливаются с горным пейзажем и прекрасно дополняют его. Их охристо-серые массы гармонично сочетаются с фиолетовыми выходами сланца, далекими скалами горы Мат-Лам и серо-пепельной дымкой горных кряжей. Поселок Эрзи давно покинут, и только башни чутко сторожат его вечный покой. Сейчас это место паломничества туристов, своеобразный заповедник. И от этого немного грустно — старина не любит, когда ее выставляют напоказ.

Боевые башни являются вершиной зодчества вайнахов. В высоту они достигают 25—30 метров (хотя отдельные постройки могут быть и выше) при ширине стен у подножия до 6 метров. Иначе говоря, строителям пришлось решать нелегкую задачу — суметь возвести прочное, вполне устойчивое здание значительной высоты при довольно малом его основании. И она была блестяще выполнена!

Кверху башни сильно суживаются, что придает им не только необходимую прочность, но и рикошетирующее свойство, то есть при осаде не попавшая в цель пуля, камень или стрела, отражаясь от стены, могла попасть в осаждавших. Факт немаловажный при боевых стычках.

Обычно боевая башня завершается пирамидально-ступенчатым покрытием. Издали оно кажется чешуйчатым из-за того, что в «ступеньки» кровли вмонтированы выступающие пластины черного сланца. Вершину этой пирамиды украшает выпуклый пристроенный камень (цлурку). Он светлого тона и резко контрастирует со сланцевыми «чешуйками» и желтоватым колоритом всей постройки, что придает сооружению дополнительный эффект. Зрительно оно кажется еще выше, что подчеркивает строгую стройность здания. Немного реже встречаются башни, которые завершаются плоским покрытием с выступами по углам или же окруженные сплошным парапетом.

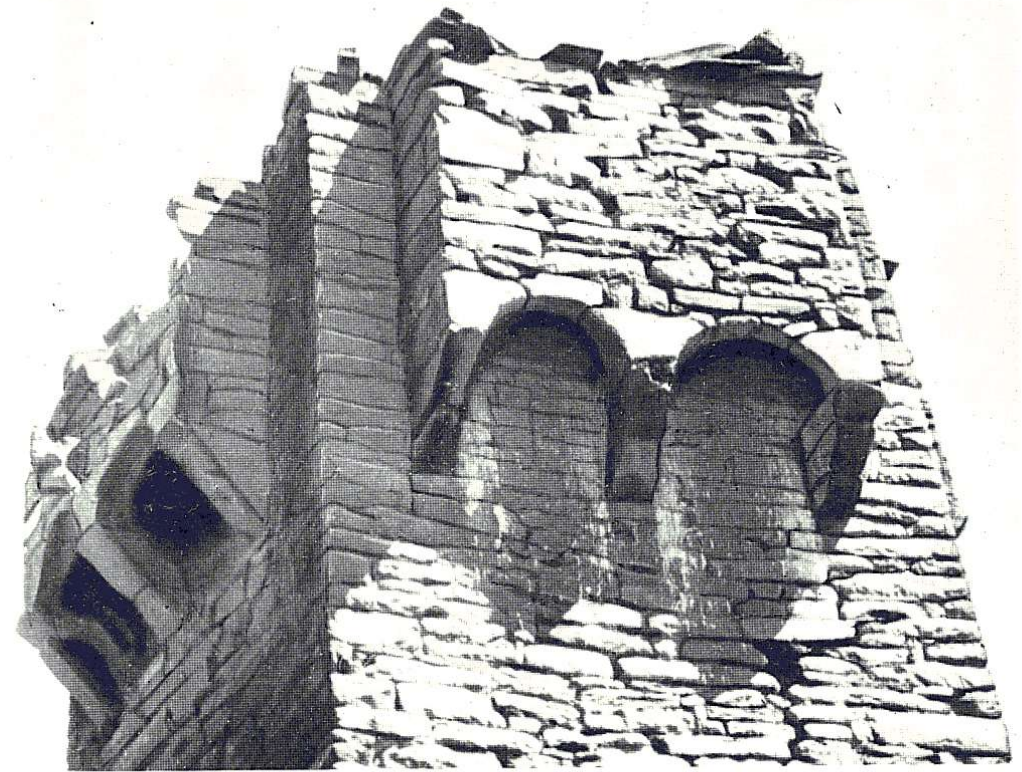
Башни «вою» строились четырех- и пятиэтажными. Они имеют один входной проем, реже два, которые сразу же ведут на второй и третий этажи, что делалось в целях обороны — балку с зарубками можно было поднять в любой момент. Внутри башни переходы устраивались по углам и располагались зигзагообразно. Для этого в межэтажных настилах делались специальные люки. Подобные люки имелись и в ложнокупольных перекрытиях с гуртами (кхозар). Такие перекрытия создавались из клинчатых камней, уложенных концентрическими кругами, а уже у самого верха их укрепляли выпуклые перекрещивающиеся ребра,— это и есть гурты. В Грузии такого рода купола строились уже в VII—IX веках (храмы Самцевриси, Кабени и др.). Вполне возможно, что у вайнахов это своеобразная дань влиянию грузинской архитектуры.

Боевые постройки вайнахов хорошо приспособлены для обороны. Они снабжены массой бойниц — узких щелей (топъан 1уьргиш), а у самого верха — машикулями, нависающими на все четыре стороны. Бойницы с внутренней стороны расширяются и удобны для стрельбы из луков и кремневых ружей. Интересно, что у вайнахов и дагестанцев имелись луки не только для метания стрел, но и для небольших камней — своеобразные пращи.

К машикулям вели специальные боевые выходы со стрельчатым завершением. Отсюда можно было обзирать окрестности, в тревожное время здесь выставлялись специальные посты.

6. Верхняя часть башни Дёре I (ущелье Тазбичи)
Фото 1960 г.

7. Верхняя часть башни Дёре II (Дёре-Ахк, ущелье Тазбичи)
Фото 1960 г.

Башни «воу» в отличие от жилых и полубоевых зданий построены с соблюдением зеркальной симметрии. Дверные проемы, небольшие окна, машикули и даже амбразуры бойниц членят их стены строго по центральной оси. Этим подчеркивается завершенность башенной архитектуры. Сходство боевых построек между собой обусловлено и близостью их пропорций. Надо думать, местные зодчие имели

представление о модуле — мере, с помощью которой выдерживалась пропорциональность частей постройки. Такой мерой могла быть ширина самого маленького окна. Однако здесь не может быть и речи о стандартности башен. Каждая «воу» обладает индивидуальными чертами, к которым можно отнести разнообразие форм арочных камней и конструкций, увенчивающих двери и окна, а также их количество, ширину и высоту, а главное, декор, украшающий почти каждую башню и далекий от какой-либо однотипности. Здесь, пожалуй, более всего заметна раскрепощенность мастерства строителя, богатство его фантазии, своеобразие и изысканность вкуса.

Декор на башнях всех видов мы рассмотрим вместе. Это прежде всего чисто архитектурные элементы, которыми членятся стены построек, что придает им нарядность и разбивает монотонность. Особенно оживляют кладку башен выступающие плитки. Они образуют

длинные горизонтальные тяги и часто опоясывают постройку со всех сторон. Красивы участки из небольших камней, иногда пестрых речных голышей, поставленных на ребро. Но особенно характерен для вайнахского зодчества выемчатый узор, когда камни в шахматном порядке углублены в плоскость стен. Так получались симметрично расположенные треугольники, ромбы, кресты и пояски, протянувшиеся в один-два горизонтальных ряда. Они хорошо оживляются светотенью и видны издалика.

К архитектурному декору можно также отнести скульптурные головки овец и других животных, вмонтированные в стены башен (на горе Бекхайла над селением Верхний Кокадой и др.). Это не только украшения, но и детали, несущие смысловую нагрузку. Сейчас такие вставки лишь приятно оживляют фасады зданий.

Совершенно особое место в декоре башен, а иногда и склепов занимают крупные крестообразные изображения. Они напоминают человеческую фигуру, у которой расставлены ноги и раскинуты руки. На старых постройках Северной Осетии и Дагестана подобные «распятия» неизвестны, однако в Грузии (Картли) углубленные и выпуклые кресты такого типа можно видеть на храмах XII — XVI вв. (в селениях Пца, Корди, Греми и др.).

Нижняя часть изображения («ноги»), судя по грузинским рельефам, памятникам Сирии и России (также с XII века и позже), является не чем иным, как сильно упрощенным изображением Голгофы — горы, на которой был распят Иисус Христос. Она трактуется обычно в виде пьедестала (подиума) в несколько ступеней. Под ним на старинных крестах изображается череп — «голова Адама», уже прощенного в «жизнь вечную». На башнях вайнахов такой крест, который для краткости назовем «Голгофой», несколько переосмыслен, и подиум у него приобрел форму расставленных ног человека. Интересно, что на боевой башне в Цой-Педе (Малхиста) подобное изображение выполнено мозаикой из хорошо подобранных кусков белого и серого камня. Она четко выделяется на темном сланце стены. На округлом камне, служащем головой, еще сохранились черты лица — рот, нос и выпуклые глаза (размер всей фигуры около 1X1 м).

Конечно же, вайнахи по-своему переосмыслили христианскую символику «Голгофы», сохранив к ней несомненное уважение. Этот знак на боевых башнях всегда занимает видное место, он обозрим издалика, и вполне возможно, что «Голгофа» у вайнахов являлась всеильным оберегом, способным помочь жителям охраняемой им башни во всех случаях жизни. Умершим, если «Голгофу» изображали на склепах, обеспечивался безмятежный покой.

Когда ходишь между башенных построек, то невольно взгляд привлекают обычные строительные и арочные камни, на которых высечены рисунки — петроглифы. Вот круг с отходящими от него «ресничками», а на камне, вмонтированном у входа в башню, изображена кисть руки с очень условно переданными суставами пальцев. Видимо, каменщик обвел контуры своей левой ладони и затем высек их небольшим зубилом. Петроглифы разбросаны по стенам здания без особой системы и симметрии. Их нельзя считать простым декором, они и не предназначались для украшения постройки. Вероятно, это были записи каких-то неясных для нас мыслей, знаки, необходимые жителям дома. Часто можно видеть тщательно исполненные петроглифы в таких местах, на которые не всегда может бросить взгляд сторонний человек.

Петроглифы нельзя считать характерными только для Чечни и Ингушетии. Большие серии их обнаружены на постройках в горной части Дагестана и Северной Осетии. И везде они имеют свои отличия. Очевидно, создававшие их мастера вкладывали в изображения

вполне определенный смысл, несколько отличный от представлений соседних народов. Даже петроглифы в Чечне немного разнятся с теми, что можно увидеть в Ингушетии.

При изучении петроглифов нужно помнить, что все стороны жизни людей средневековья были до предела насыщены верованиями, подчинялись национальным обычаям, правилам этикета, установлениям рода и т. д. Это лишь частично нашло отражение в фольклоре, а если к петроглифам подходить как к своеобразным записям жизненных ситуаций, пожеланий и молений, то со временем можно будет наметить подходы к их пониманию.

Среди петроглифов страны вайнахов легко обнаружить знаки, напоминающие буквы, рисунки в виде крестов, спиралей, «завихрений» (свастик), солярных кружков («солнечных» символов), фигур людей и животных, изображений рук и ног, предметов быта и вооружения, тамгообразные знаки (тамга — родовой и фамильный знак), всевозможные орнаментальные мотивы. Известны одиночные петроглифы, но чаще, их можно видеть в разных комбинациях.

Буквенные знаки напоминают простейшие начертания грузинской и арабской письменности. Это вполне возможно, так как грузины издавна являются соседями вайнахов, а элементы арабской вязи могли попасть в состав петроглифов с проникновением мусульманства. Знаки в виде крестов, спиралей, свастик и других близких им изображений встречаются очень часто. Кресты могут быть связаны с былым христианством, но это и вполне «языческий» оберег, предохраняющий от всяких неожиданностей со всех четырех сторон. В мусульманстве крест — символ обширности Вселенной. Различных трактовок много.

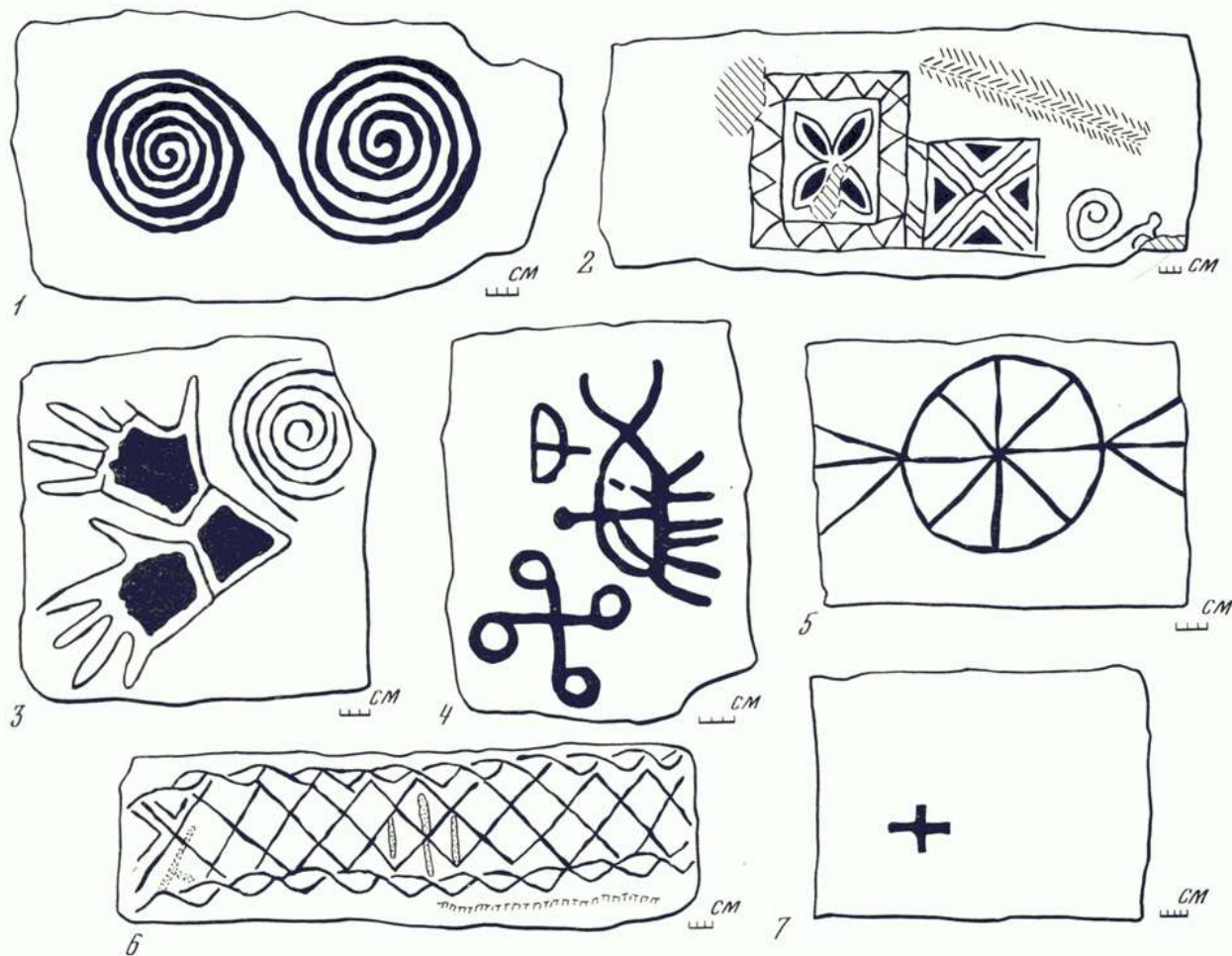
Спирали, как считал известный этнограф А. С. Башкиров, «имеют за собой силу магического апотропея (оберега.— В. М.), отгоняющего все злое от жизни человека»⁴. Спирально-свастический узор ученые сопоставляют также с солнечно-огненной символикой, хотя Солнце, как светило, изображалось в виде круга с «ресничками», концентрических окружностей и других круговых композиций. Еще и сейчас в среде вайнахов можно услышать клятву, скрепленную традиционным обращением к Солнцу. Солнцу поклонялись и чеченцы, жившие в обществе Малхиста. Как считает лингвист Ю. Д. Дешериев, оно было у них тотемом, иначе говоря, малхистинцы относились к нему как к своему родоначальнику. При восходе солнца вайнахи просили его дать им «благодать» свою.

Человеческие фигуры на петроглифах встречаются не так часто. У людей подчеркнуты признаки пола, их сопровождают не совсем понятные знаки (зигзаги, спирали, кружки и проч.), наводящие на мысль, что это изображения божеств, мифических персонажей или героев. Вполне возможно, ведь человеческим обликом наделены «мать людей» — богиня плодородия Тушоли, особенно почитавшаяся ингушами, а также бог Дэла и другие.

Редко встретишь башню, чтобы на ней где-либо у входа не было изображения ладони — руки мастера, возводившего здание. Оно являлось своеобразной гарантией его прочности, что и подтверждено временем — многие башни пережили своих создателей на несколько веков.

---

⁴ Башкиров А. С. Петроглифика Аварии//Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук,—Т. V.— М., 1930,—С. 128.

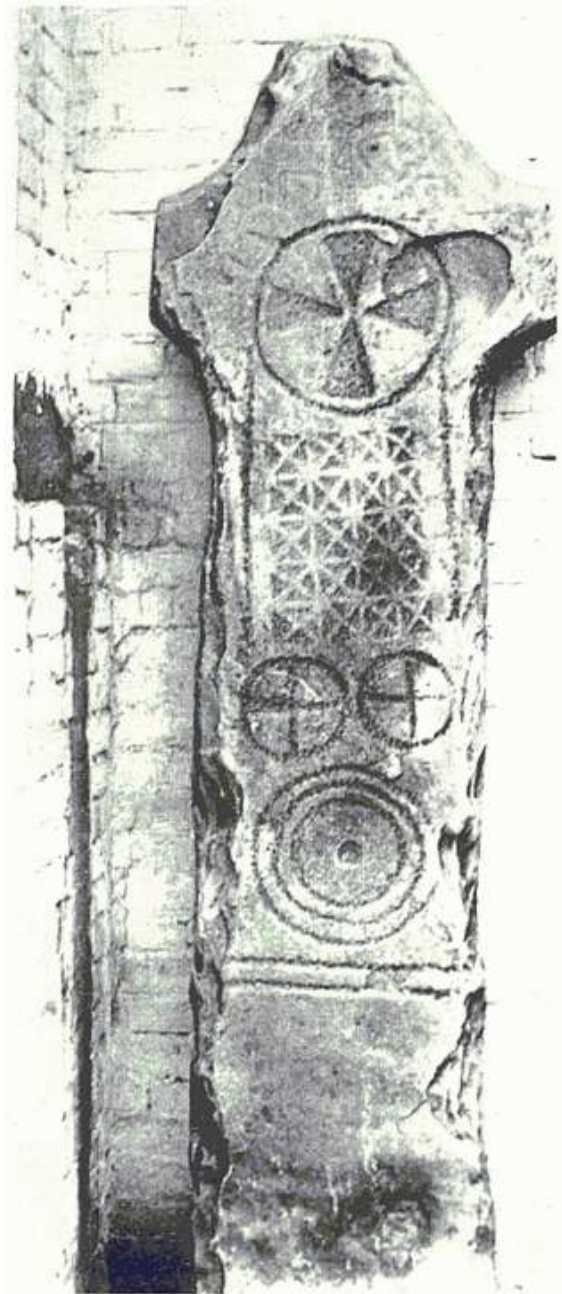
8. Петроглифы башенных построек:
1— селение Верхний Кокадой
2—7— селение Пакоч

В селении Хайбахой (близ озера Галанчож-Ами) возвышается красивая боевая башня. Зарисовка ее украшает труд В. Ф. Миллера, посетившего эти места в 1886 году. На одном из камней, образующих арку двери, высечен петроглиф — рука по локоть, опущенная ладонью вниз. Скорее всего, это рисунок «длани» поверженного врага. Еще в первой половине XIX века почти у всех горцев Кавказа бытовал обычай: в виде «трофея» прибывать к стене своего дома руку убитого врага. Не будем удивляться— война всегда жестокость. Такой петроглиф должен был вполне зримо укреплять авторитет хозяина дома как храброго воина.

Не исключено, что некоторые из рисунков на строительных камнях обозначают определенные даты. Этнограф С. А. Хасиев считает, что части человеческого тела и фигуры животных могли входить в графические изображения народного календаря⁵.

Петроглифы вайнахов являются интересным материалом для исследователя. А об уважительном отношении к ним местных жителей свидетельствует хотя бы тот факт, что при ремонтах в более позднее время камни с рисунками не выбрасывали, а снова включали в кладку, даже если это нарушало ее ряды.

⁵ См.: Хасиев С. А. К традиционному отсчету времени у вайнахов // Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период.— Грозный, 1981.— С. 10.

9. Тундухой (район озера Кезеной-Ам)
Стела эла Халча. Середина XVII в.
Чечено-Ингушский объединенный государственный музей. Грозный

10. Пакоч (ущелье реки Чанты-Аргун)
Стела с петроглифами (в верхней части по-арабски выбито имя «Мухаммад»). XVIII в.
Фото 1960 г.

11. Цой-Педе (Малхиста)
Петроглиф на боевой башне. XVI—XVII вв.
Фото 1960 г.

Обычно башенные здания не имеют фундамента, а поставлены на прочную скальную основу. У строителей существовал обычай — место, подобранное под башню, поливать молоком. Если оно «стояло» как в блюде, не просачивалось в землю,— значит, участок считался надежным и начинались работы. Прежде всего заготавливали камень. Его шло много. Недаром в горах говорили, что из камней разрушенного села башни не построишь, но из одной разрушенной башни можно построить целое село.

В основание укладывали самые крупные камни. В башне «Шула» (ущелье Тазбичи, район Итум-Кале) они превышают рост человека. Поражаешься, сколько же надо было приложить усилий, чтобы работать с такими глыбами! Большие и хорошо обработанные камни ставились по краям стен. Это были самые ответственные участки работы. И все же кладку башен нельзя назвать регулярной. Дело было не столько в размере строительного материала, сколько в его форме. И бутовый камень, и речной булыжник тщательно

пригонялись друг к другу, зазоры заполнялись тонкими пластами породы. Главная цель мастера — прочность возводимых стен. Со временем недостатки самого камня, просчеты в характере кладки и раствора приводили к падению зданий. Вайнахи говорят: башню трудно разрушить, она от своего камня падает.

Строительство обставлялось торжественно. Первые ряды камней обагрялись кровью жертвенного барана. В обязанности заказчика входило хорошо кормить мастера, а тот должен был в полной мере показать свои строительные способности. Во время работы каменщики не пользовались наружными строительными лесами, все делалось изнутри со специальных настилов, которые могли упираться в ниши, гнезда для будущих перекрытий и угловые плиты, что ребрами выступают по углам построек. Наиболее тщательно воздвигались боевые башни. Тут, когда дело доходило до создания пирамидальной кровли, мастер работал снаружи, поддерживаемый веревками. Закончив кладку, он требовал «спускную» плату и затем у входа в башню оставлял отпечаток своей ладони на сыром еще растворе или обводил ее контуры зубилом по камню.

Строительство башни должно было продолжаться не более года. Срок обычно выдерживался. Говорят, недостроенные башни являются следствием неумелости мастера, но иные видят социальную подоплеку, объясняя это тем, что не все фамилии имели право на собственную башню, но желание самоутвердиться заставляло наиболее тщеславных начинать строительство, которое тем не менее

нельзя было завершить. Так ли это? Дальнейшие исследования могут дать ответ на этот интересный вопрос. Как считал архитектор И. П. Щерблыкин, причиной прекращения работ могла также явиться смерть мастера.

Строительные секреты передавались от отца к сыну. Предания сохранили имена некоторых зодчих. Это Деци Льянов, Дуго Ахриев, Хабзи Дуров, Беркинхоевы (мастера из аула Беркин), Беки из Харачоя, Таратой Тарханов из Никароя и другие. Некоторые из них работали не только в своей стране, но и в соседних Осетии и Хевсуретии.

Башенные постройки вайнахов часто образуют целые замки, занимающие обособленные участки. Над жилыми башнями возвышаются боевые, уязвимые участки замыкают прочные стены. Таков, например, замок у селения Вовнушки. Он труднодоступен, а стены построек и скалы служат дополнительным препятствием для неприятеля. По-видимому, позже к главному замковому комплексу были пристроены здания, расположенные ниже вздыбившегося массива скал.

Замком можно считать село Эрзи. Здесь множество жилых башен, еще в 20-х годах нашего века их «охраняли» 16 боевых башен. О возникновении замка ходит интересное предание. В переводе его название означает «орел». Как-то жители старого аула Кербите пришли в лес и срубили дерево. Среди его веток оказалось орлиное гнездо с птенцами. Эта находка была воспринята как хорошее предзнаменование, и новый замок так и назвали — Эрзи. В местном святилище Эрдзели долго хранилась бронзовая курильница в виде орла. Сделана она была в VIII веке, о чем свидетельствует куфическая (древнеарабская) надпись с молитвенной формулой: «Во имя Бога милостивого, милосердного». В Ингушетию она могла попасть со стороны Дарьяльского ущелья, по которому с древних пор двигались купеческие караваны. Не эта ли вещь породила легенду о создании села Эрзи?

Большие замки сохранились в селениях Мецхал, Таргим и в других местах Ингушетии. В Чечне, в районе озера Кезеной-Ам (общество Чеберлой-Шебирла), у селения Кезеной известен замок Алдам-Гези (Алдам-ГІкзин). Он представляет собой цитадель, которая расположена на огромной скале, обнесенной стеной. Внутри цитадели стояла боевая башня. Из укрепленной части замка по едва заметной тропе можно было уйти в горы. Под скалой с цитаделью были различные постройки, сейчас сохранилась лишь одна жилая башня (башня Дауда).

В замковых комплексах и отдельных башнях жизнь сохранялась вплоть до последнего времени, хотя к концу XVIII века их уже перестали строить. Башенные постройки, созданные чеченцами и ингушами, обладают своеобразным архитектурно-строительным стилем. Каждое здание этого стиля монументально, очень живописно и вполне соответствовало экономическим потребностям средневекового жителя гор. Ученым еще предстоит выявить чисто чеченские и чисто ингушские черты в местной архитектуре. Это приблизит решение вопроса об эстетических канонах каждого из этих народов. Интересная задача!

Конечно, башенные комплексы, приспособленные к обороне, возникли не из отвлеченного понятия о войне. Распри с соседними народами, настоящие сражения с людьми «в юртах и кибитках» (XIII—XIV века) заставляли возводить прочные постройки, способные выдержать долгую осаду. В боевых башнях жители укрывались в периоды недоразумений между местными фамилиями, главной причиной которых являлась кровная месть («доу», «дов»). В средние века ценой крови (пхъа) была только кровь. Однако внутрисемейные убийства (отец убил сына, брата или наоборот) не вызывали «доу». О таких случаях ингуши говорили с иронией: «Собака сожрала свое собственное молоко». Но если убийца и убитый не были родственниками, то родичи погибшего должны были уничтожить или убийцу, или кого-либо из его ближайшей родни. Потерпевшие собирались воедино, образуя своеобразное войско — «бо», а затем двигались «войной» («тлом») к дому убийцы. Так начиналась осада башни. При этом осажденные боялись убить кого-либо из осаждавших, это бы еще более ухудшило их положение. Наоборот, убийство кого-либо из осажденных могло привести к относительно примирению. Не будем останавливаться на этом вопросе, а отошлем читателя к книге «Гибель вендетты»⁶.

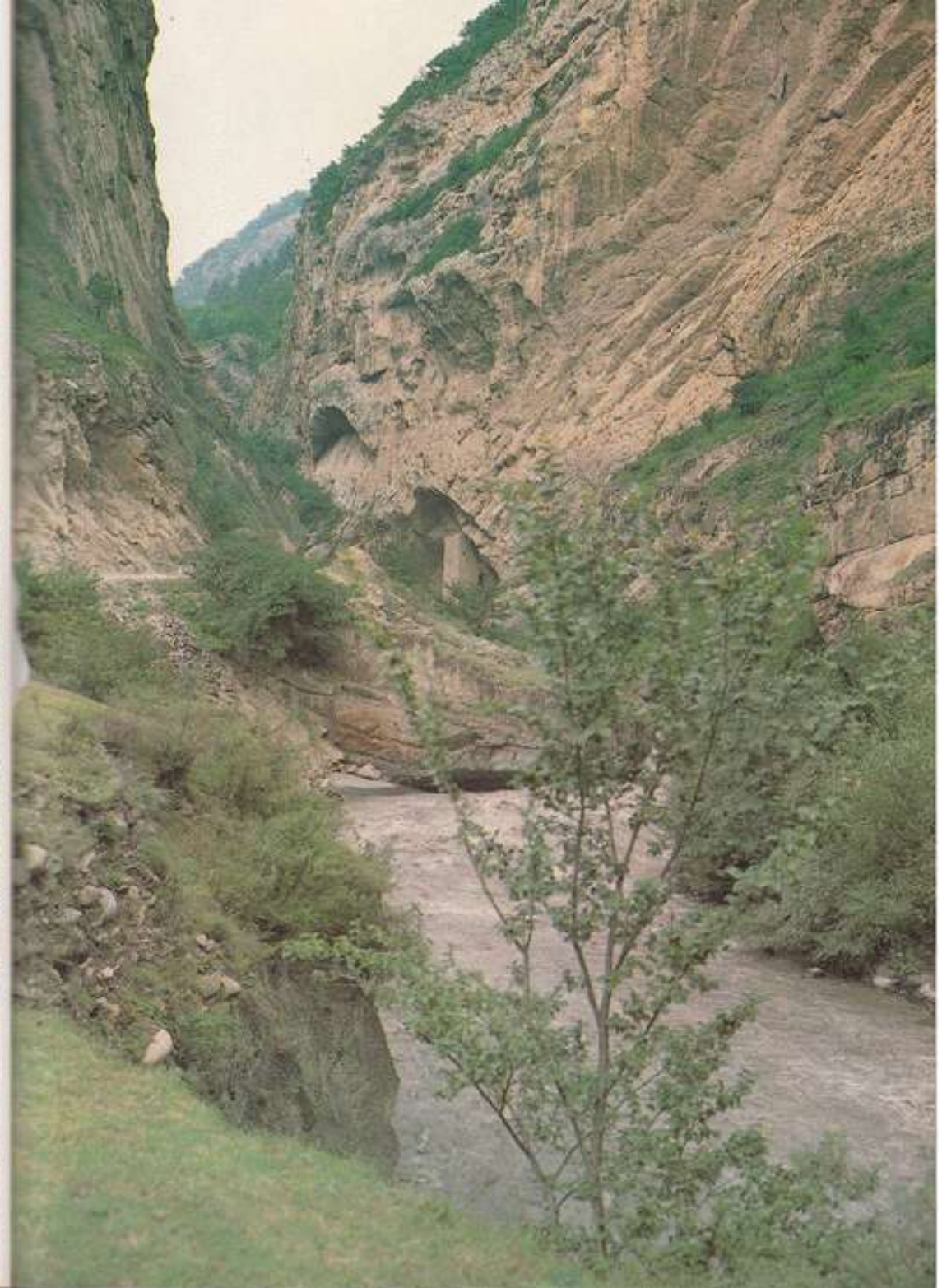
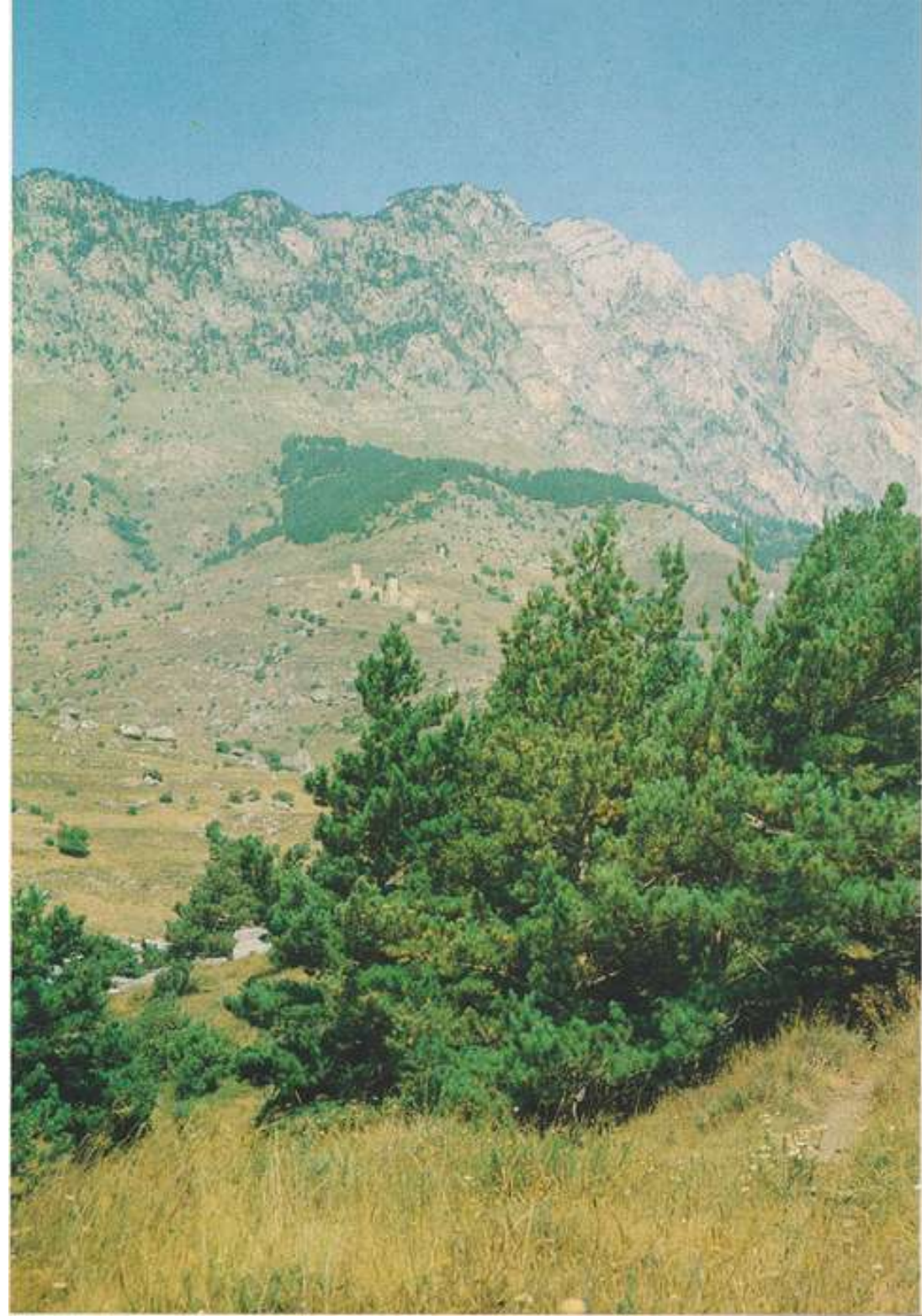
Башенные постройки и особенно боевые башни, да и стычки, которые происходили возле их стен, породили массу рассказов, полуполюгендарных преданий, песен и сказок. Героико-эпические песни вайнахов — «илли» также содержат отголоски нелегкого быта горцев. Даже в названиях местностей до сих пор сохраняются отзвуки былых житейских событий и драм. Большое число таких топонимов собрал Ахмад Сулейманов⁷. Вот башни в Шатое — с ними связан рассказ о вражде братьев-соперников. Башня Гатын-Кале в Аргунском ущелье — и снова целое повествование о ее строительстве и происхождении рода Сатто (Саьтта). Три башни над селением Верхний Кока-дой послужили поводом для создания целого драматического повествования об их жестоком владетеле и боевых действиях возле них.

Подобные предания можно слышать и в Ингушетии. Скупы слова этих рассказов, но они позволяют глубже проникнуть в душу горцев, понять законы их жизни. И постройки местной архитектуры это не только реальные свидетели прошлого, но и своеобразные памятники давно прошедших дней. Они напоминают о далеких, порой легендарных страницах истории вайнахов.

---

⁶ См. гМамакаев М. А., Ошаев Х. Д., Щеп от ев В. А. Гибель вендетты.— Грозный, 1963.

⁷ См.: Сулейманов А. С. Топонимия Чечено-Ингушетии.— Ч. I— IV,— Грозный, 1976, 1978, 1980 и 1985.

15. Селение Харачой на реке Худхулау

16. Селение Эгикал

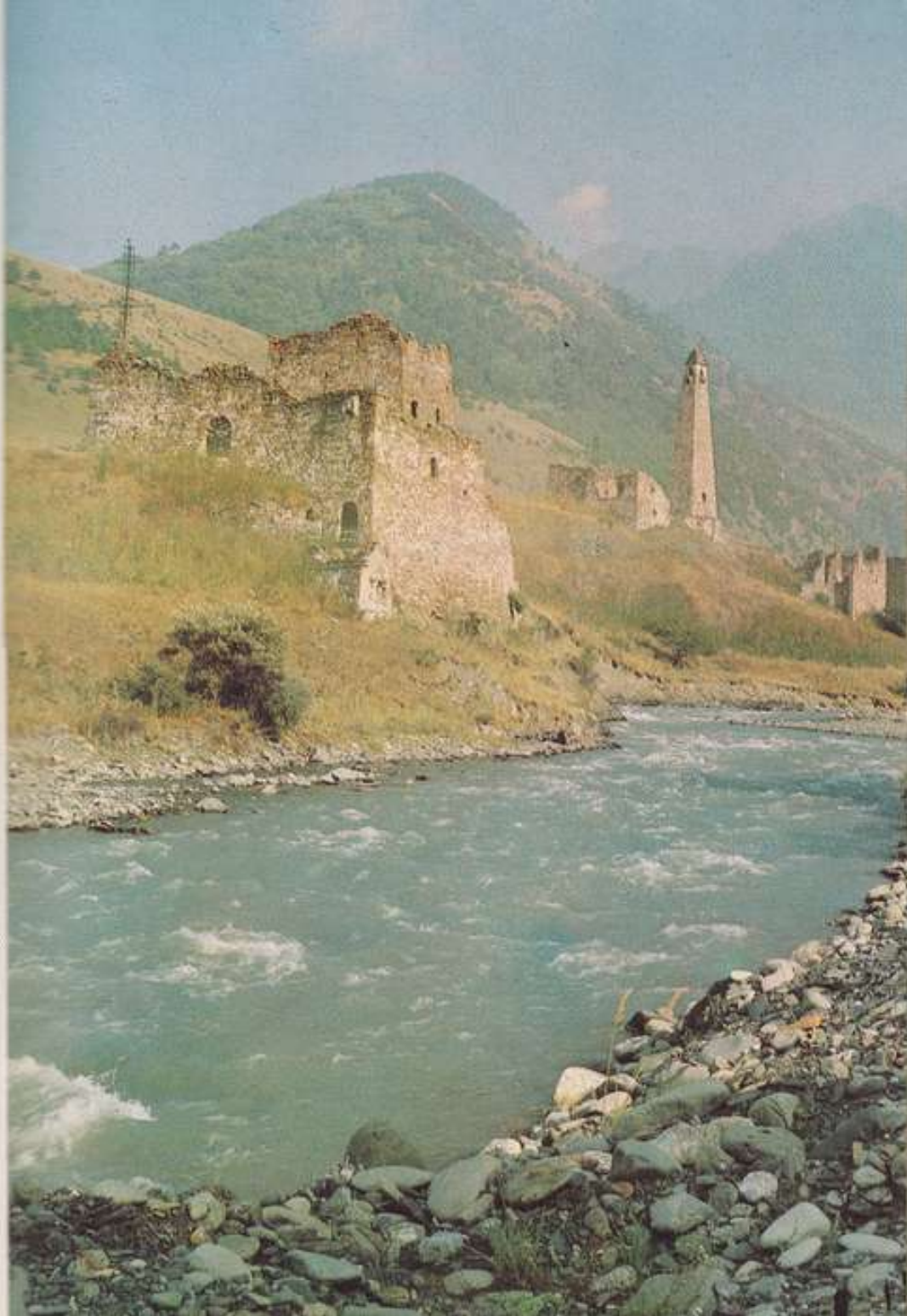
12. Башенный комплекс у горы Цей-Лам в Ингушетии

13. Ущелье реки Чанты-Аргун. Башня-убежище у селения Ушкалой, XVII в.

14. Ущелье реки Чанты-Аргун в горах Чечни

17. Ущелье реки Шаро-Аргун

18. Башенные постройки селения Пуй XVI—XVII вв.

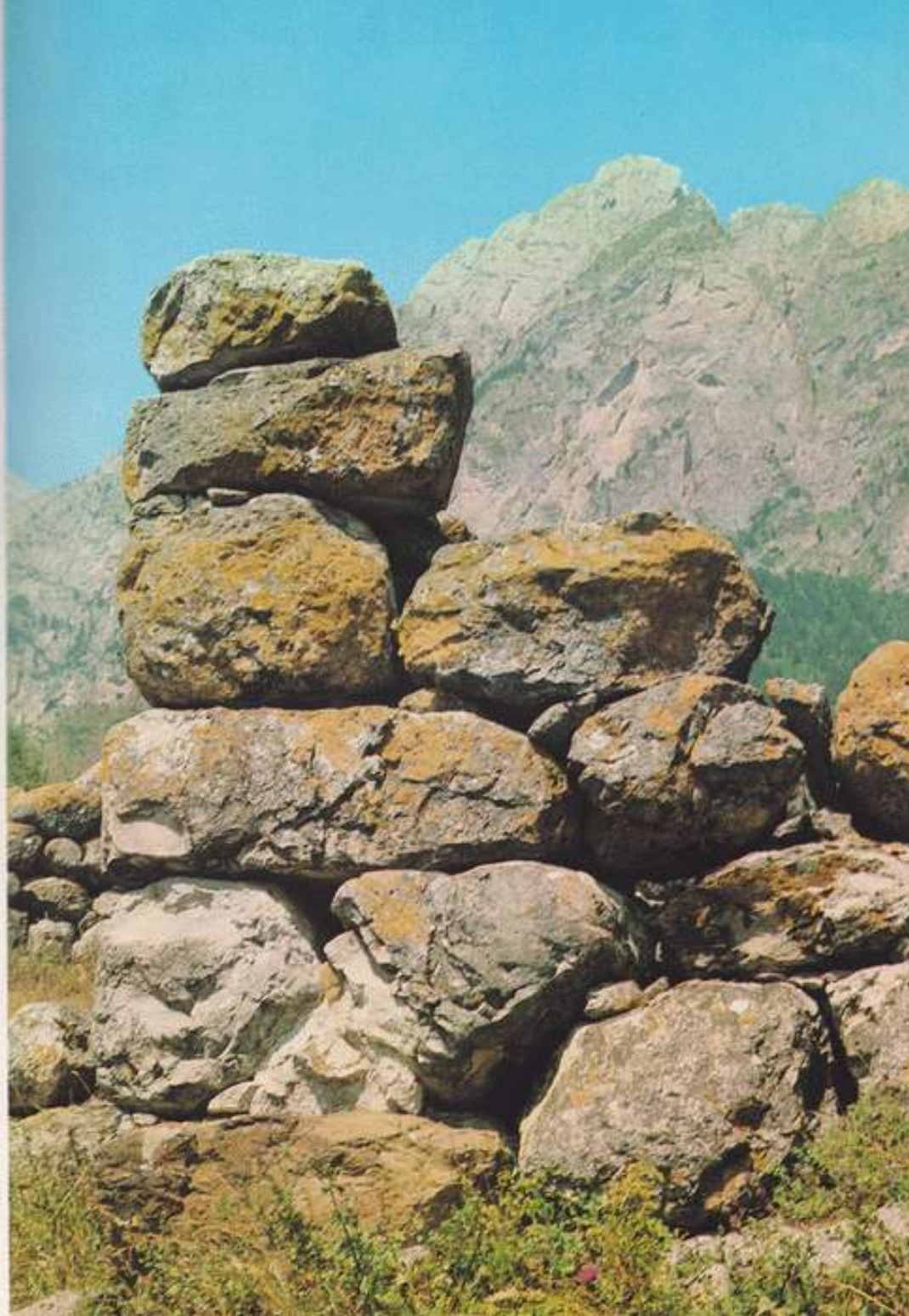

19. Остатки циклопических построек раннего средневековья возле селения Нижний Лейми

20. Селение Нижний Лейми
Кладка циклопической постройки раннего средневековья

21. Башенное селение Эгикал
В центре — жилье и полубоевые башни, справа — боевая башня. XV—XVIII вв.

22. Лялах — селение замкового типа. XVI—XVIII вв.

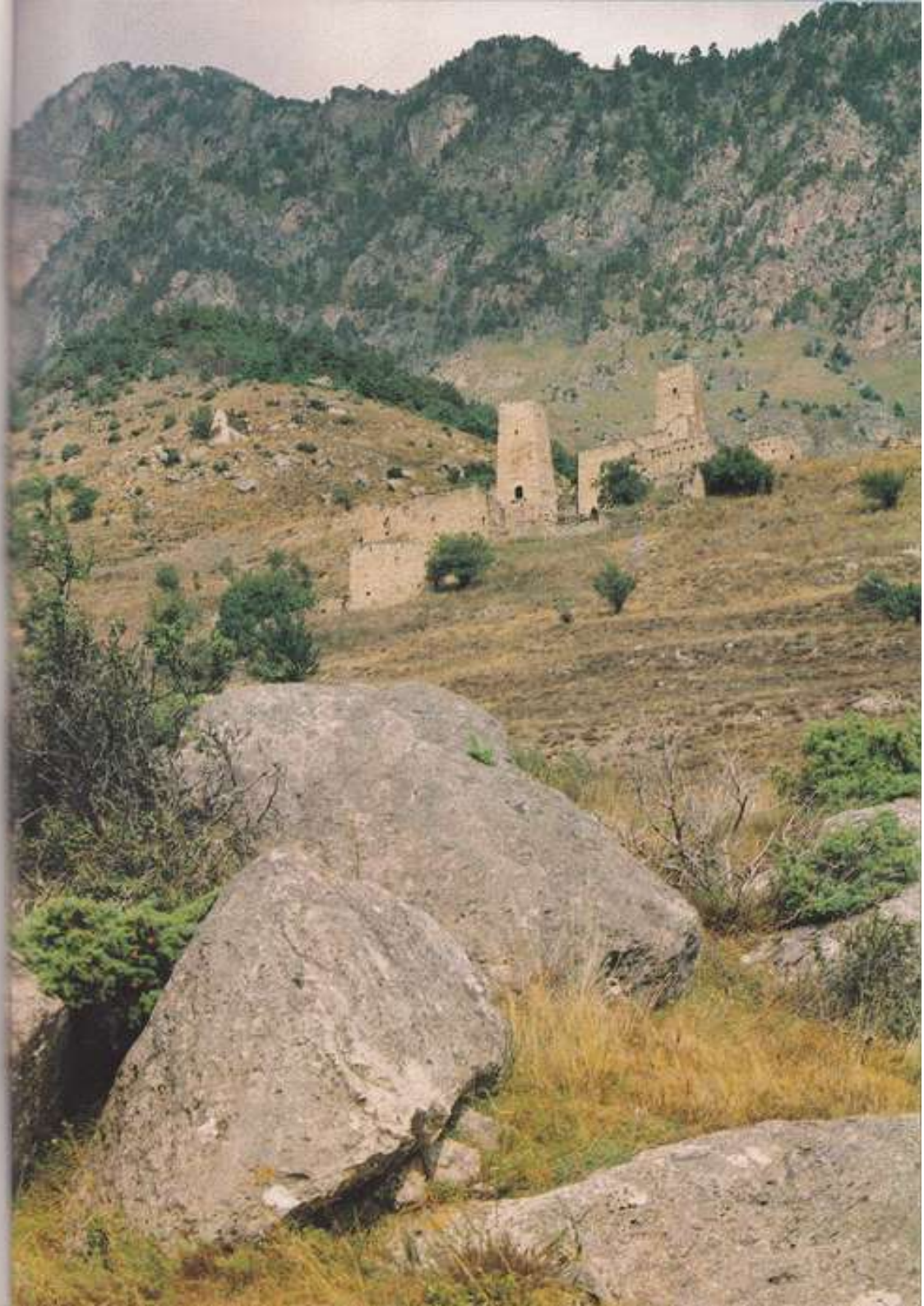
23. Общій вид селения Этикал

24. Селение Шарой с остатками башенных построек

25. Селение Барюги
Постройки XVII—XVIII вв.

26. Башенный комплекс в окрестностях селения Верхний Ковалдой

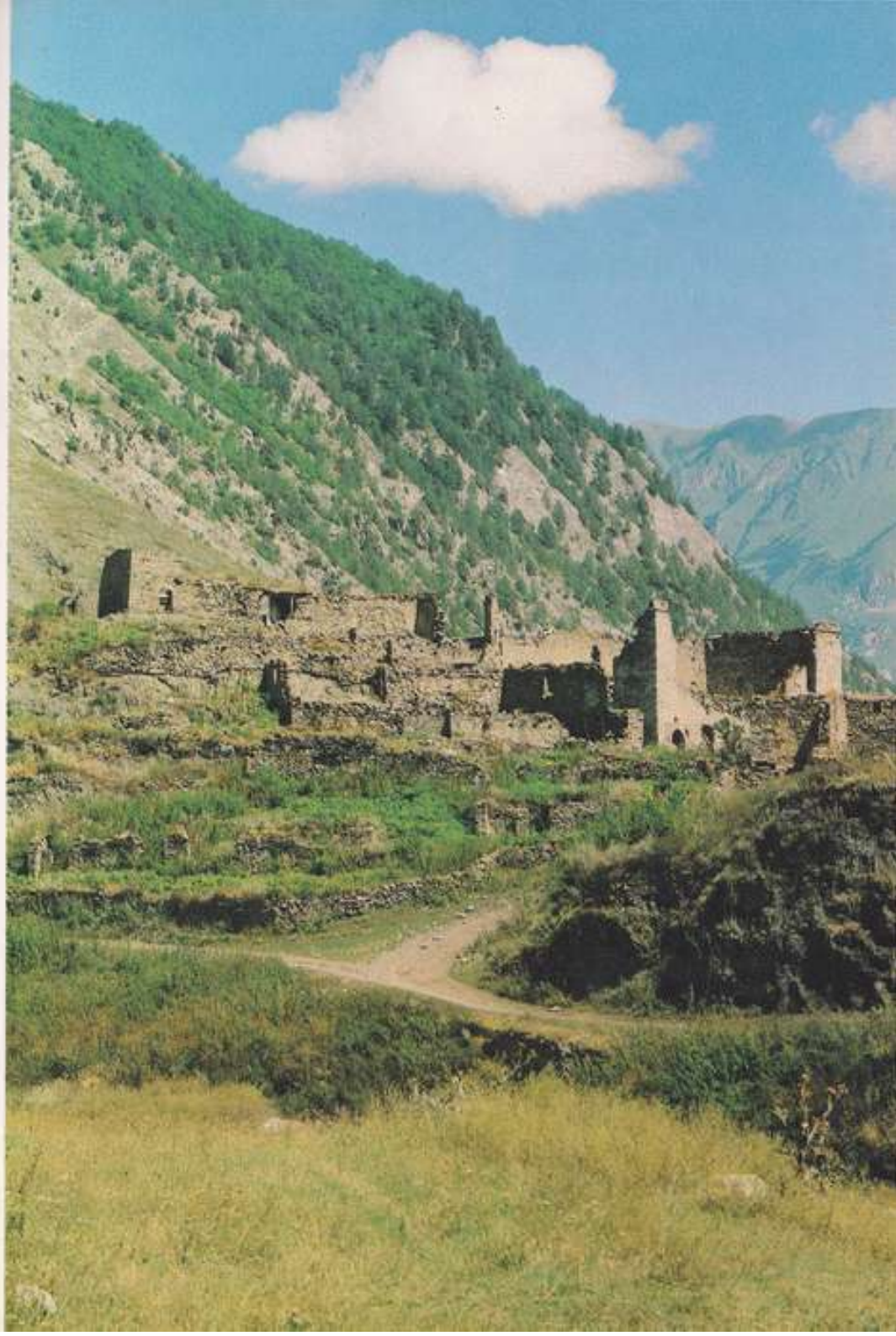

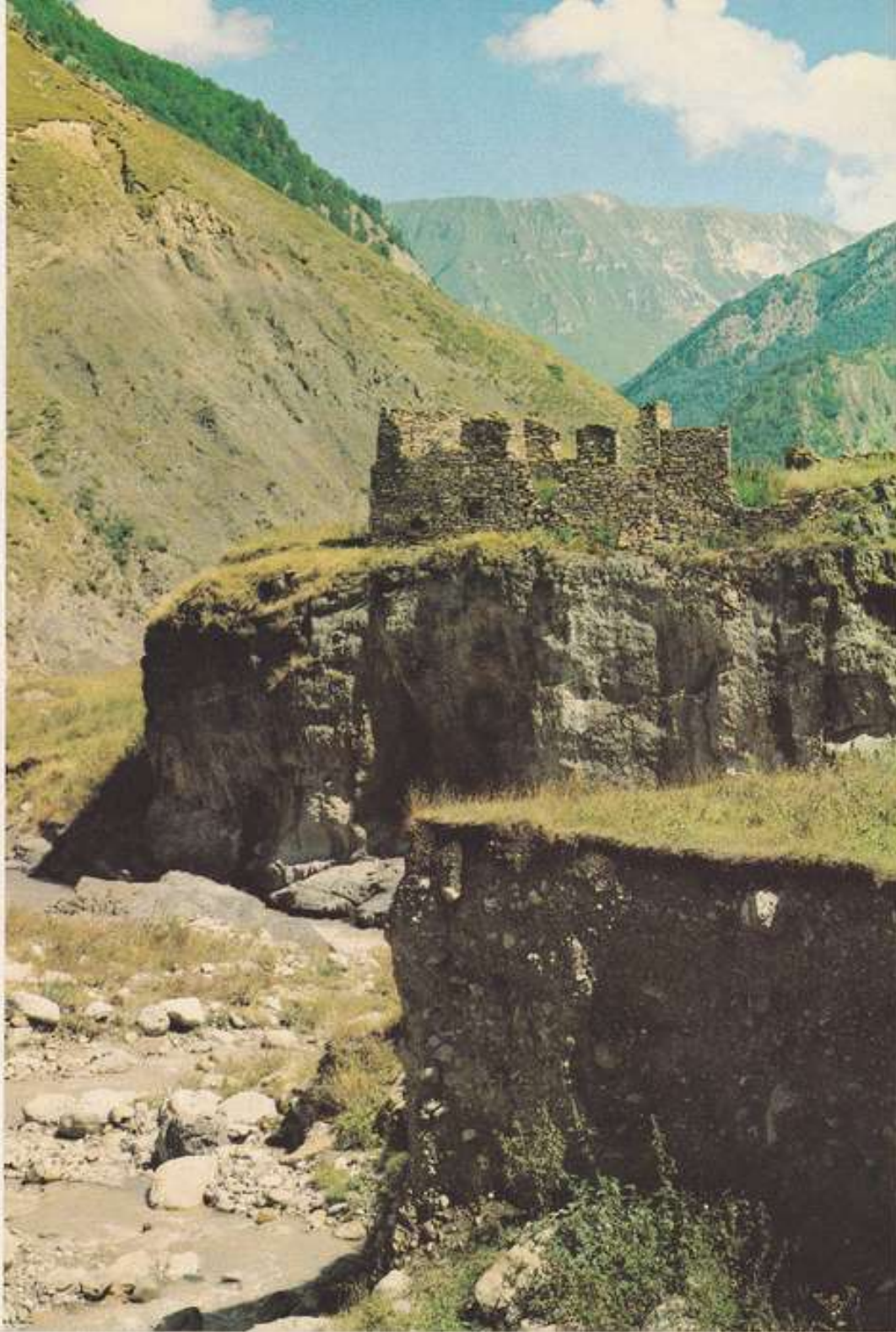
27. Жилая башня в селении Верхний Кокадой.
XVI—XVII вв. Фото 1964 г.

28. Местечко Шулгаг (ущелье Тазбичи)
Руины жилых башен. XVII в. (?)
Зарисовка В. И. Марковина, 1963 г.

29. Башенное селение Химой
Постройки XVI—XVIII вв.

30. Средневековый жилой комплекс в селении Химой. XVI—XVIII вв.

31. Селение Шоан
Оконный проем полуразрушенной жилой башни
(вид изнутри)

32. Селение Пуй
Хозяйственная ниша в стене жилой башни

33. Селение Этикал
Дверной проем второго этажа жилой башни

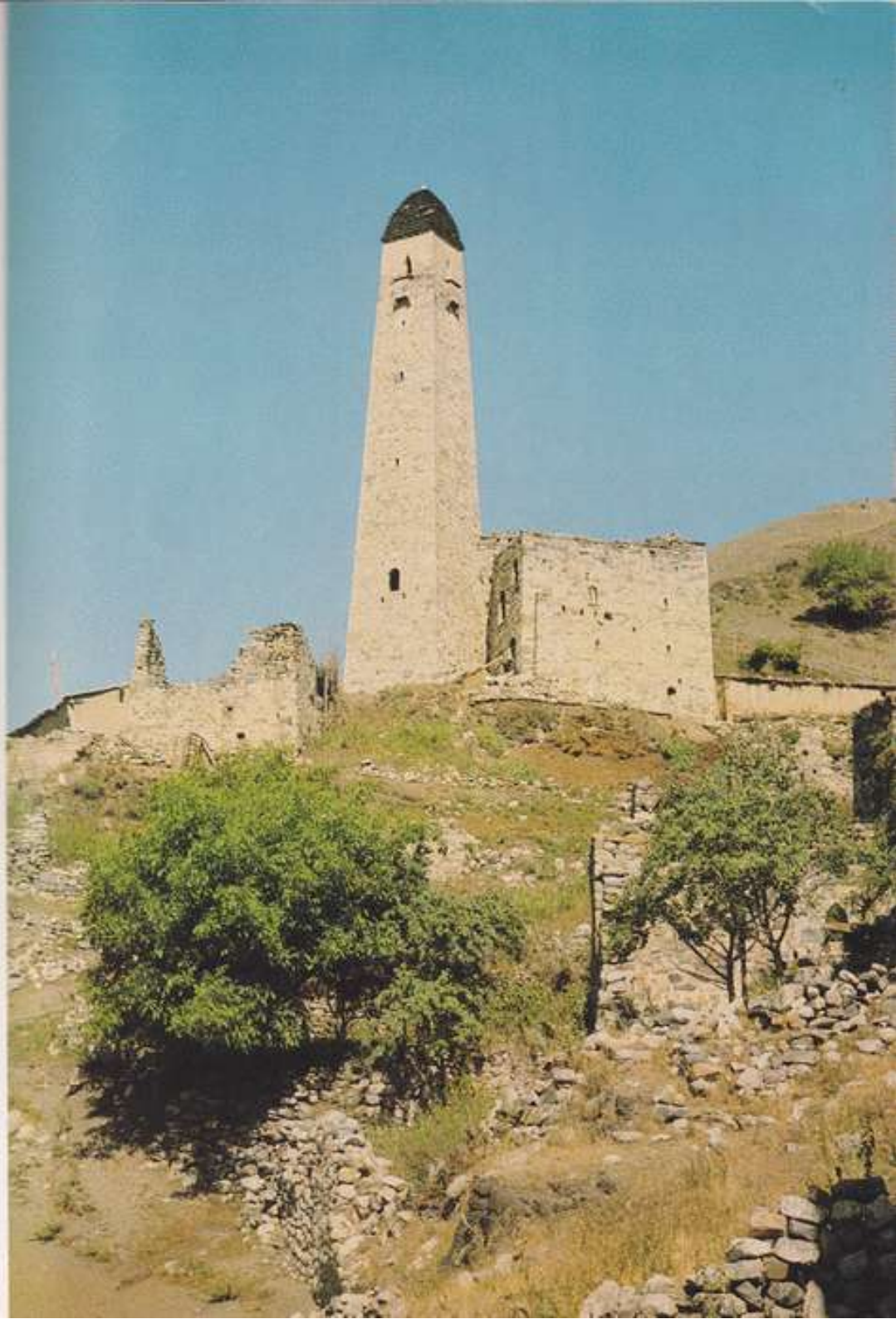
34. Селение Лежги
Центральный опорный столб (ког) жилой башни

35. Селение Таргим
Остатки межэтажных перекрытий жилой башни

36. Замок (гап, галан) в селении Лежги.
XVI—XVIII вв.

37. Селение Эгикал
Полубоеные башни. XV—XVI вв. ▷

38. И. П. Щерблякин (1884—1947) Чечено-Ингушский объединенный
 Башни в горах. 1926.
 Картон, масло. 32×25 см Чечено-Ингушский объединенный
 государственный музей. Грозный

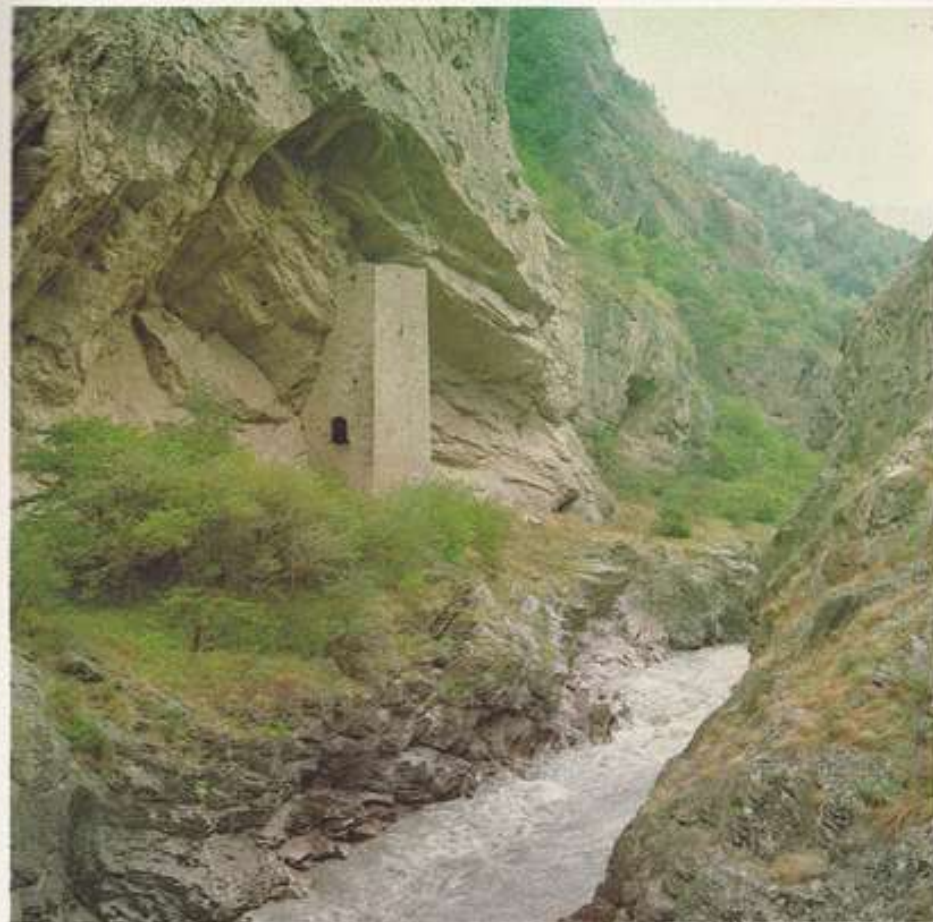

39. Местность Мизир-Кала
 Подубовая башня с декоративной кладкой в
 верхней части. XVI—XVII вв.

40. Седзене Пуй
 Дверной проем башни с нависающим над ним
 машикулем

43. Башня-убежище у селения Ушкалой (ущелье реки Чаггы-Аргун), XVII в.

41. Селение Эгикал
Общий вид хорошо сохранившейся полубоевой башни, XV—XVII вв.

42. Полубоевая башня в местности Мизир-Кала, XVI—XVII вв.

44. Селение Верхний Озлик
Башенные постройки XVI—XVIII вв.

45. Крупнейший башенный комплекс в селении Эрзи («Орел»), XVI—XVIII вв.

◁ 46. Селение Эри
Одна из боевых башен (влов, блов). XVII—
XVIII вв.

47. Селение Падиг
Замковые постройки. XVI—XVIII вв.

48. Башни в селении Хайбахой
Литография из книги В. Ф. Миллера, 1888 г.

49. Башня-убежище Магой-Джел (пастушья башня) по дороге в селение Лядях. XVII—XVIII вв.

50. Селение Хамхи
Полубоевая башня. XV—XVII вв.

52. Ущелье Тазбичи
Боевая башня Дёре I до реставрации.
XVI—XVII вв.
Фото 1960 г.

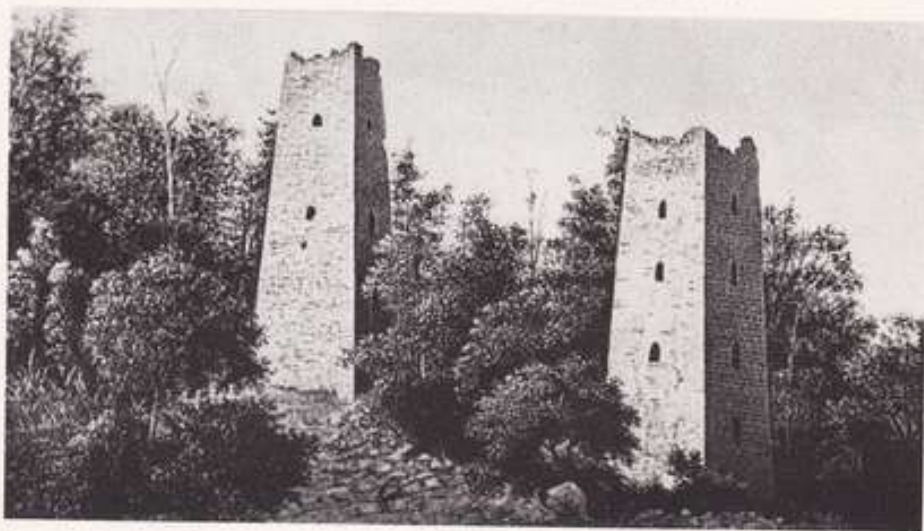
53. Башня Дёре I (внутренняя часть)
Угловые камни и ниши
Фото 1960 г.

51. Башня Шула у селения Эткали
(ущелье Тазбичи), XVI—XVII вв.
Фото 1960 г.

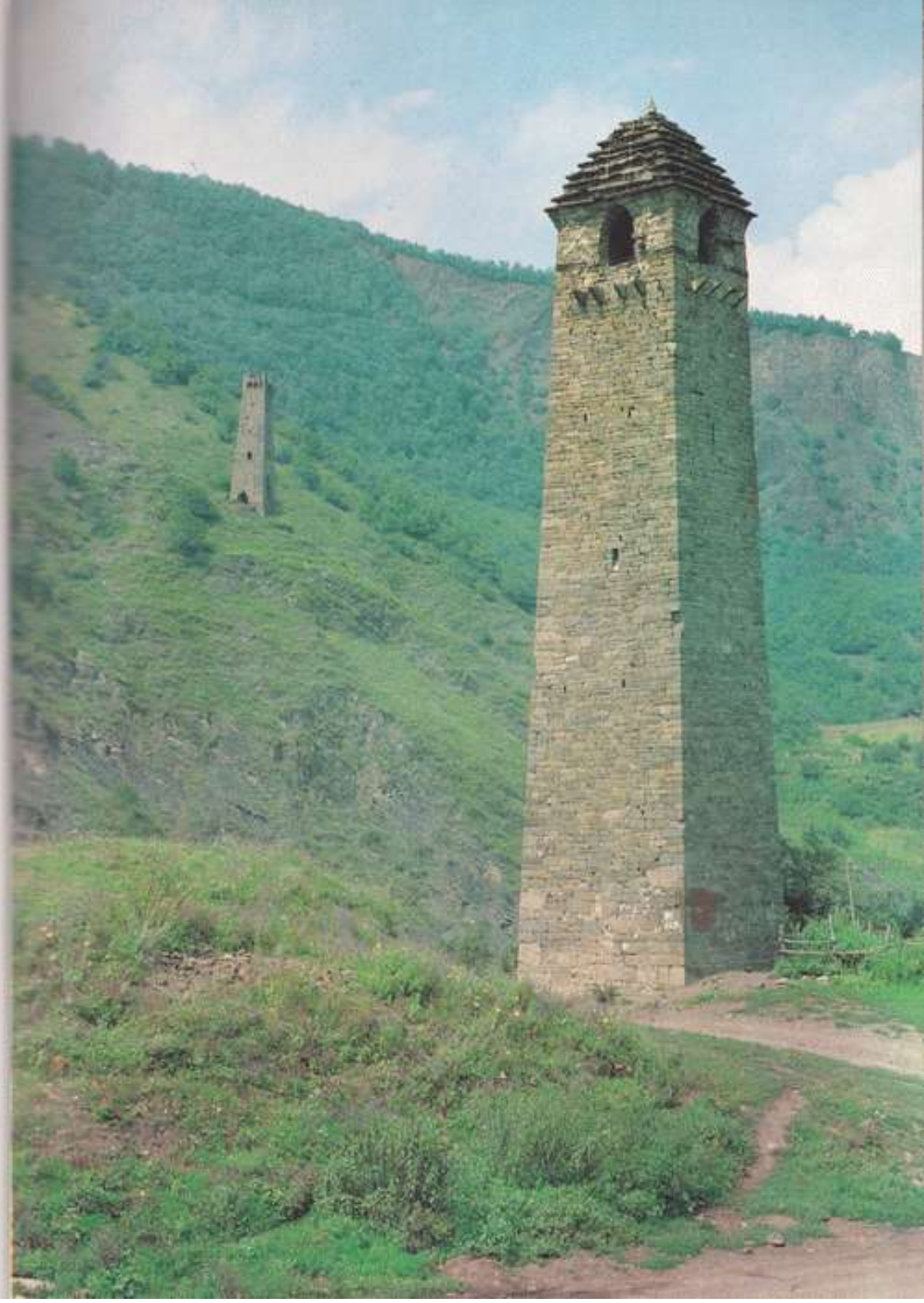

54. Малхиста
 Башенный комплекс в ущелье реки Мешхо.
 XVI—XVII вв.
 Фото 1964 г.

55. Башни у селения Шатой
 Рисунок Дюстердика (по книге А. П. Ипполитова,
 1868 г.)

56. Ущелье Талбиен
 Башни Дёре I и II (Дёре-Ахк). XVI—XVII вв.

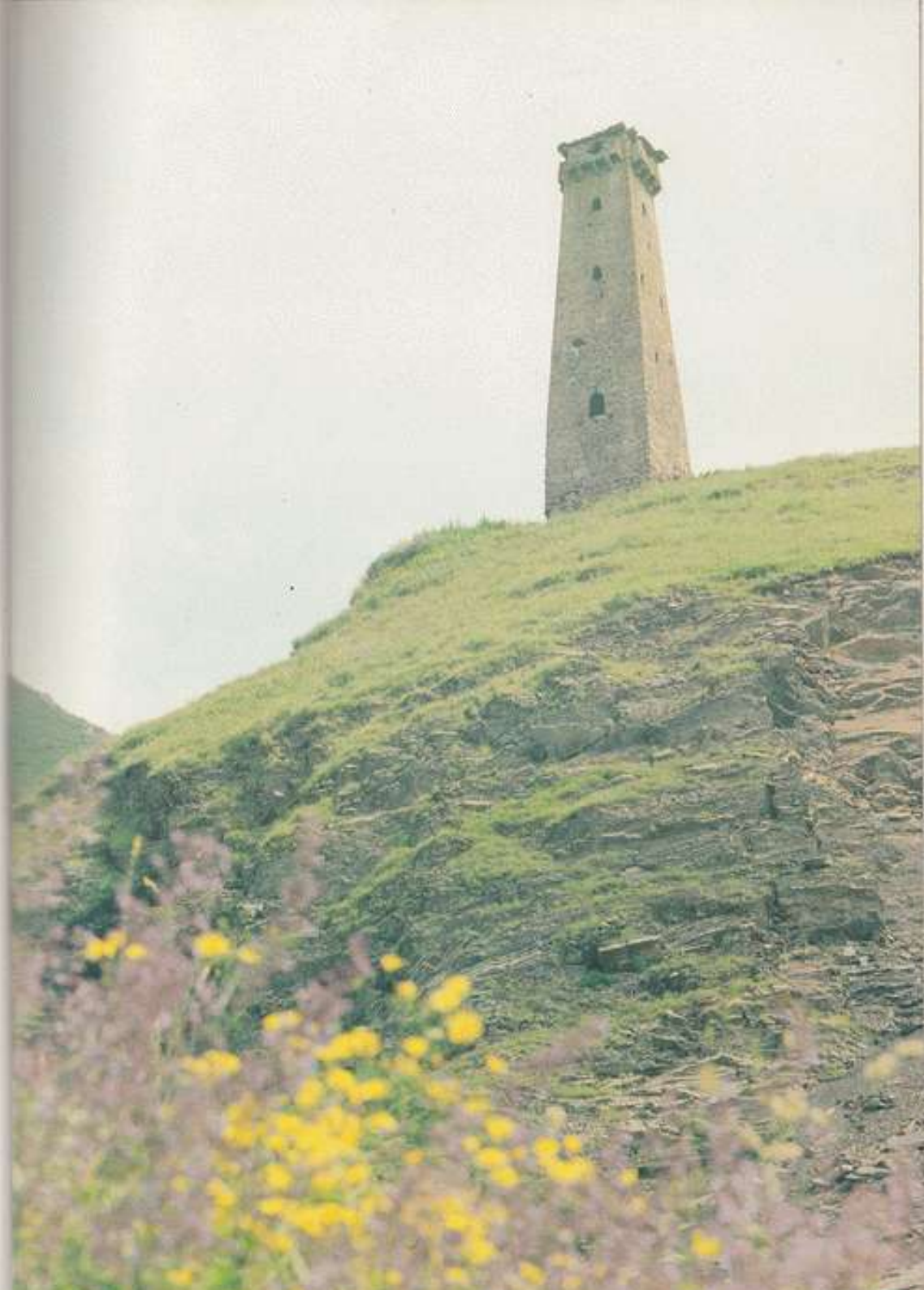
57. Селение Хяни
Башенные постройки. XVI—XVIII вв.

58. Селение Хяни
Верхняя часть боевой башни

59. Боевая башня у селения Хаскали. XVII в.

60. Ущелье реки Чангы-Аргун
Боевая башня Гучав-Кале. XVII в.

61. Замок в селении Верхний Лейми. XVII—XVIII вв.

62. Руины боевой башни на реке Кенохой-Ахк. XVI—XVII вв.
Фото 1963 г.

63. Селение Верхний Лейми
Верхняя часть боевой башни замка с изображением креста — голгофы

64. Селение Карт
Верхняя часть боевой башни с машикулем

65. Селение Мешт
Вид на замковый комплекс (на переднем
плани — два склена), XVI—XVII вв.
Фото 20-х годов XX в.

66. Замковый комплекс в селении Карг.
XVII в.

67. Замковый комплекс в селении Пядинг.
Фото 1928 г.

68. Боевая башня в селении Озми.
Фото 1928 г.

70. Башенные постройки в селении Пого.
XVI—XVII вв.
Фото 20-х годов XX в.

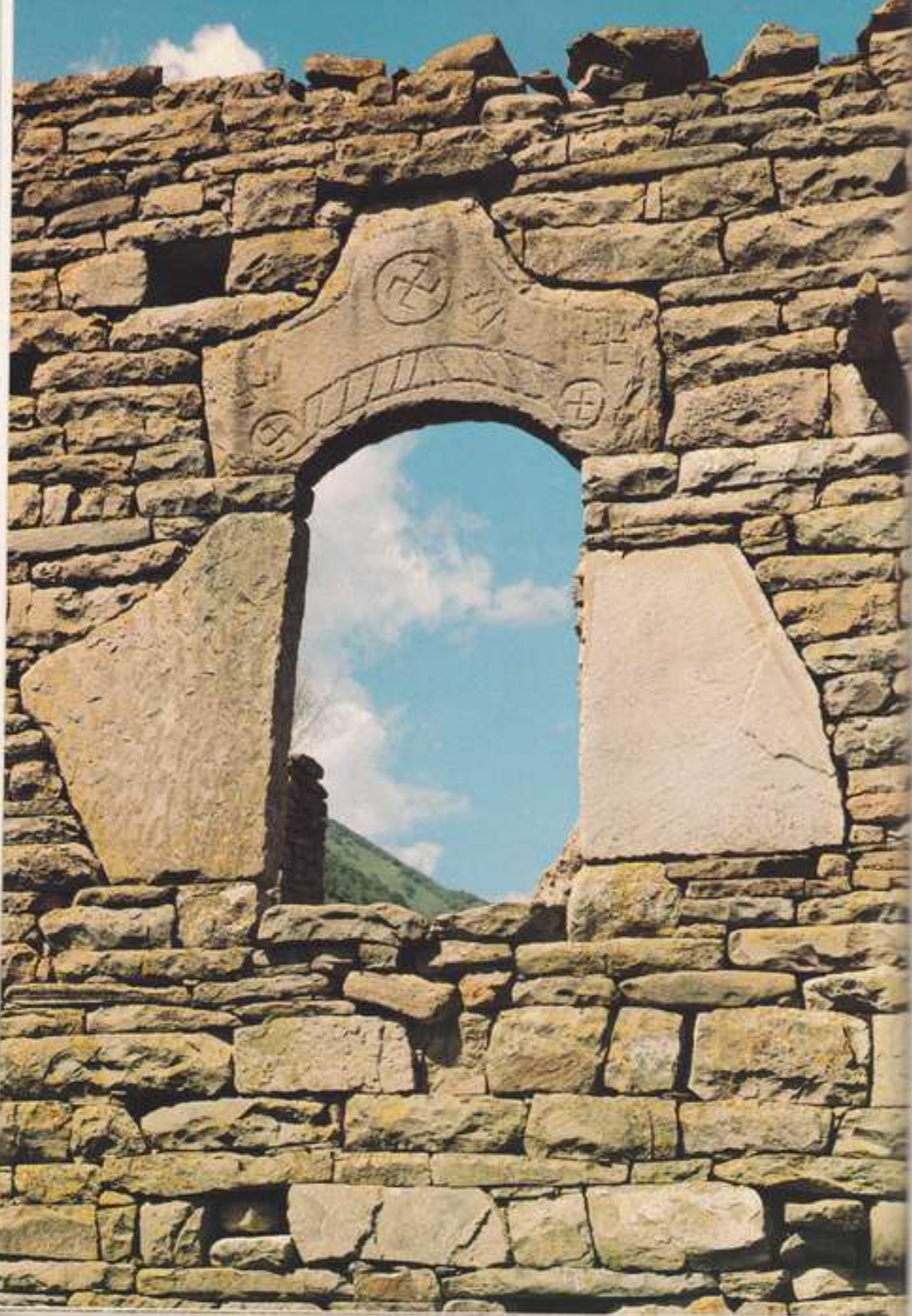
72. Селение Химой.
Стилизованное изображение головы барана в
стене жилой башни

71. Приостренный камень, завершавший по-
крытие боевой башни

69. Селение Хой.
Боевая башня после реставрации 70-х годов
XX в.

74. Селение Шарой
Камень с петроглифами в кладке жилой башни.
XVI—XVII вв.

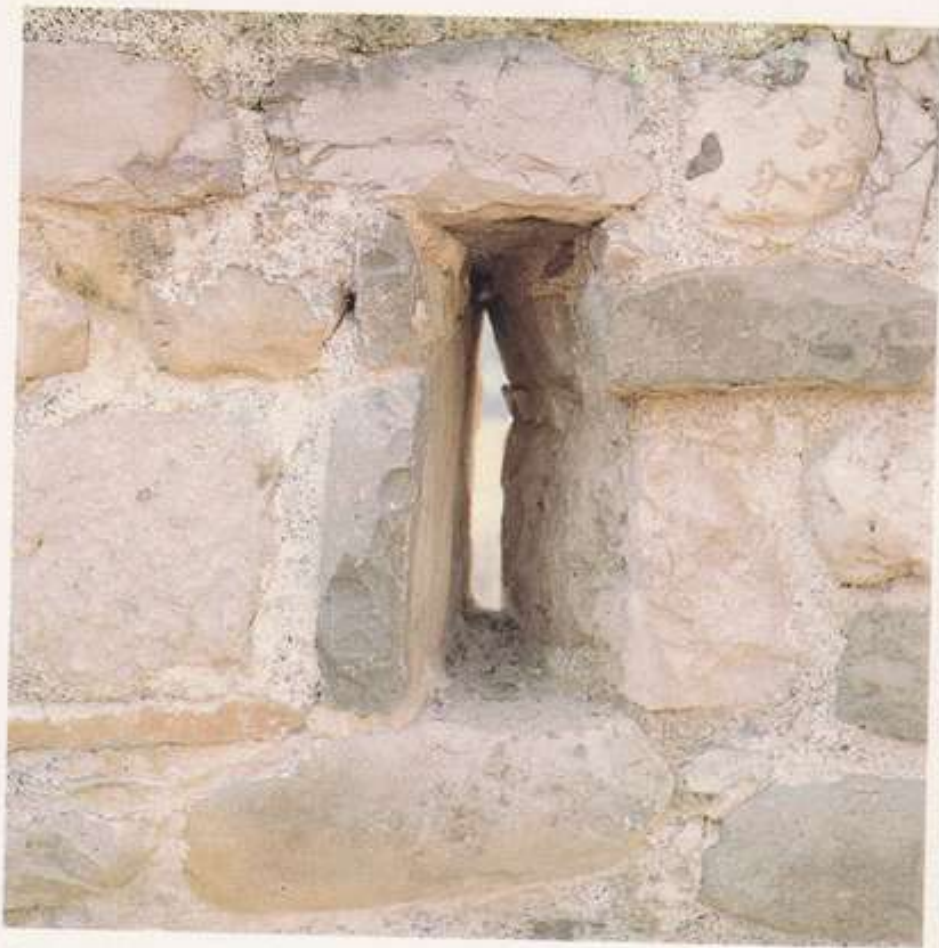
73. Селение Хитмой
Петроглифы на арочном камне жилой башни.
XVI—XVII вв.

75. Купольное перекрытие боевой башни с гуртами
Вид изнутри

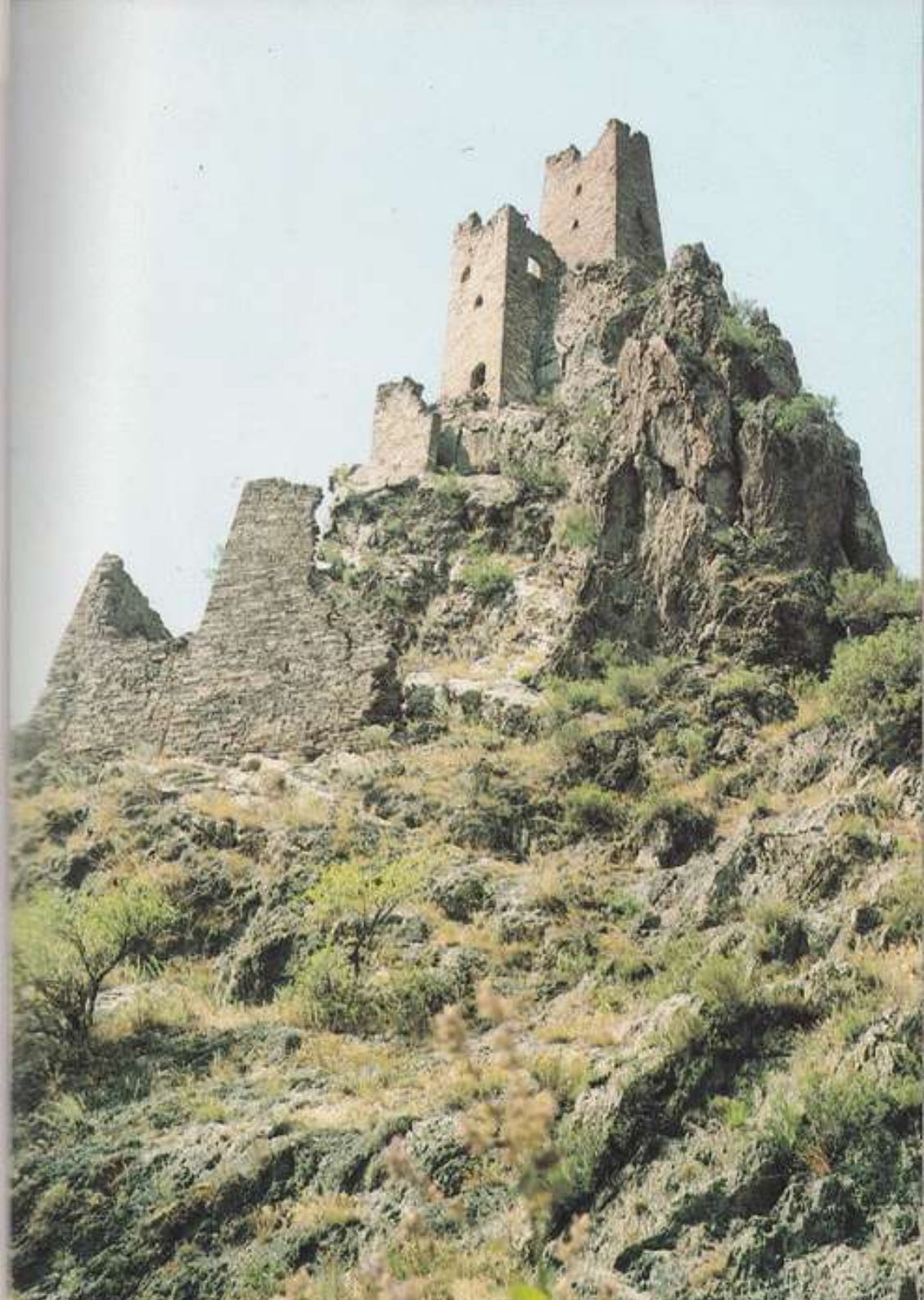
76. Селение Шарой
Петроглифы в стене боевой башни. XVI—
XVII вв.

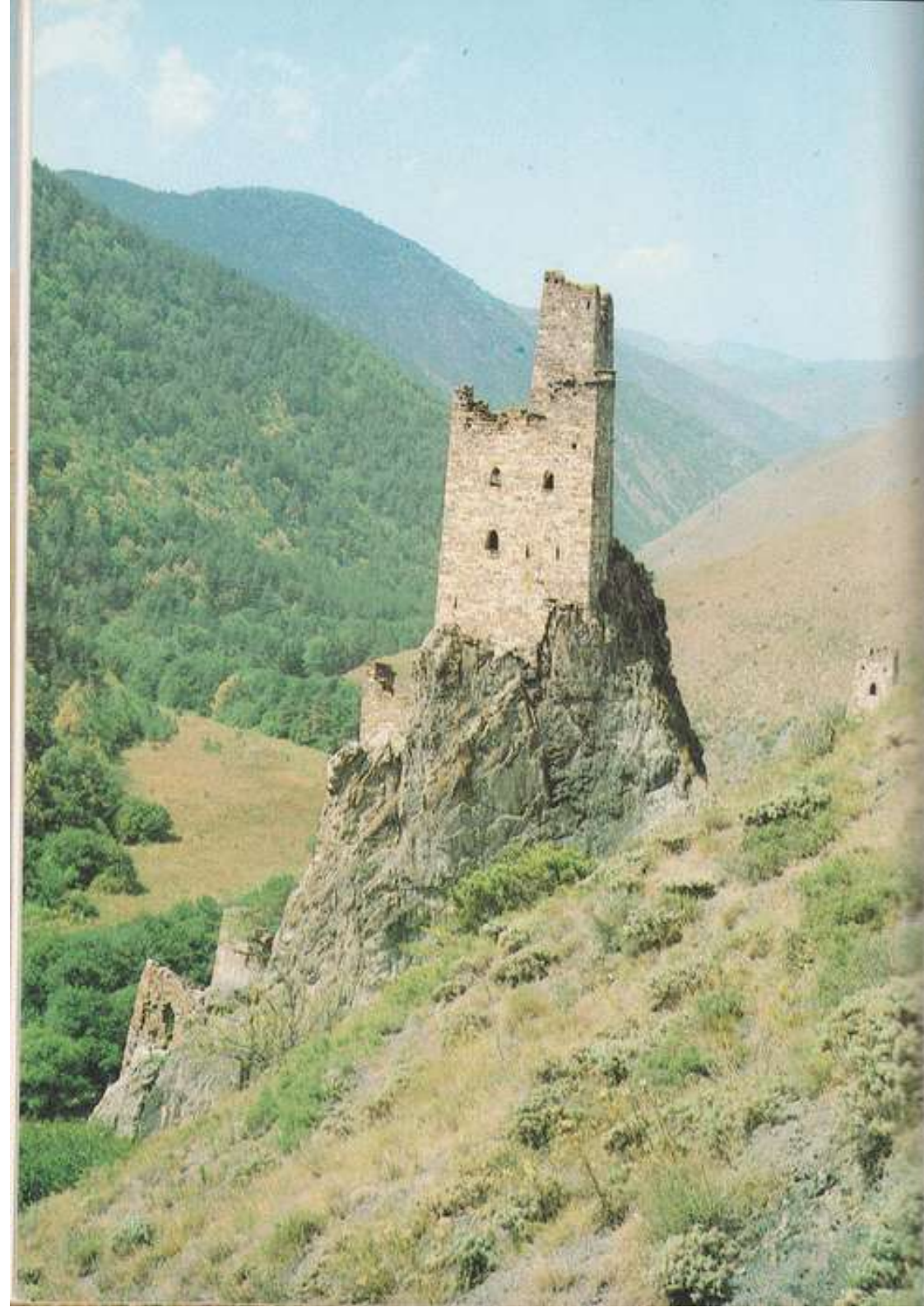
77. Селение Эрзи
Бойница боевой башни с внутренней стороны

78. Замковое селение Вовнушки (Бирг)
Постройки XVI—XVIII вв.

79. Селение Вовнушки (Бирг)
Башенные постройки, XVI—XVIII вв.

81. Селение Хамхи
Жилая башня с остатками заградительных стен.
XVI—XVII вв.

82. Бронзовая водолей из Басры (Ирак).
VIII в.
Найден в святилище селения Эрзи

80. Селение Вовнушки (Вирг)
Боевая башня в замковом комплексе, XVII в.

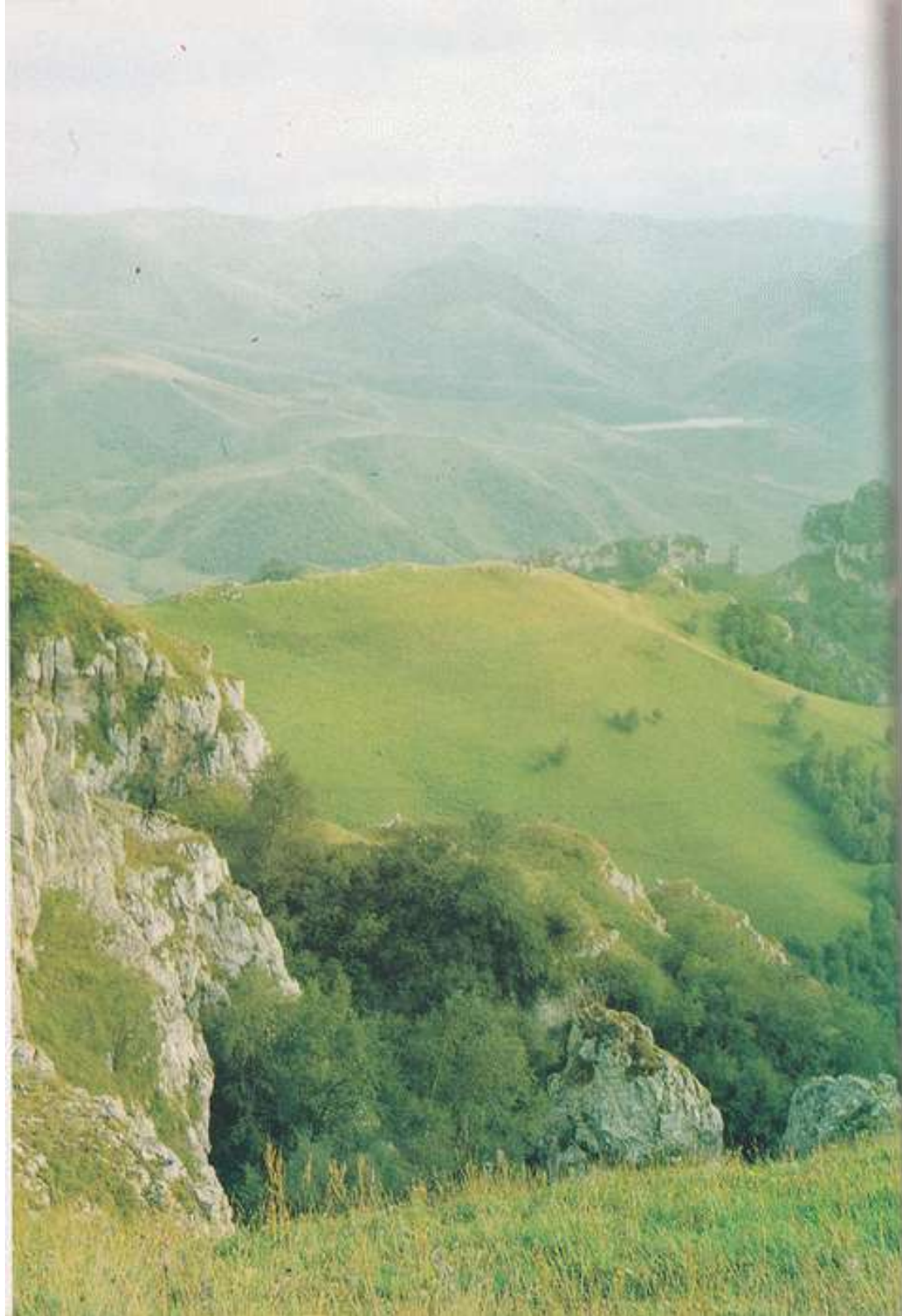
84. Селение Хяни
Боевые башни замкового комплекса. XVI—
XVIII вв.

83. Ассинская котловина
Замковый комплекс Гагневых. XVI—XVIII вв.

85. Селение Белхан (Бялги)
Боевая башня с плоской кровлей.
XV—XVI вв. (?)

86. Вид на озеро Галанчо-Аме

**СВЯТИЛИЩА, ХРАМЫ,
МЕЧЕТИ**

Горский ребенок из окна жилой башни видел прежде всего небольшой двор и затем необъятную громаду скалистых гор с лесами и террасами полей. Горы вздыбились до самого неба, почти заслонили его. И в этом мире ему предстояло жить. Как могла сложиться его судьба?

Оползни, камнепады, землетрясения, разливы рек и десятки других опасных неожиданностей всегда подстерегают горца. Невольно будешь искать помощи у любых сил. И к средним векам люди «заселили» свои горы богами, духами, душами предков, которые помогали верить, надеяться и жить в таких суровых условиях. Трудности каждого дня не могли согнуть горцев. Наоборот, если вслушаться в мелодику вайнахских песен — распевных и речитативных, задорных и насыщенных подлинным трагизмом, последовать за сюжетами местных сказок и медленно разворачивающимися событиями нарт-орстхойского эпоса, то станет ясно, что горцы жили насыщенной опасностями, но интересной жизнью, в которой труд сочетался с умением оглянуться, пофилософствовать и чуточку помечтать.

Десятки сохранившихся средневековых памятников с достоверностью указывают на очень сложные верования вайнахов в «языческую» пору их истории. Она скрашивалась ритуальными действиями. Изучение фольклорных материалов, вероятно, позволит по крупицам восстановить молитвы и культовые обряды тех лет.

Вера, как говорил апостол Павел, «есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом». Но то невидимое, к которому были обращены мысли и надежды вайнахов, являлось для них сущностью. Они верили в реальность того божественного пантеона, который сложился за многие века обитания в трудных условиях гор. Это прежде всего Дэла (Диела, Дяла) — главное божество вайнахов. Оно было человекоподобно и обитало на небесах. Известный этнограф Б. Далгат приводит мифическое сказание, по которому именно Дэла создал человека,— одной рукой, обращенной к востоку, он дал жизнь мужчине, а другой, указывающей на запад,— женщине и предрек им быть супругами. К Дэла обращались с самыми большими просьбами.

Другое божество — Мятсели (Мятцил)—покровитель земледелия — приносил в дом общее благополучие. Это божество считалось сильным, к нему обращались за помощью не только вайнахи, но и осетины. Способствовало плодородию еще одно божество — Галь-Ерды. Это скорее дух, его образ не имел определенных очертаний и являлся в основном патроном ингушского народа. Особенно популярна в народе богиня плодородия Тушоли-ццу. Еще можно назвать военное божество — Молыз-Ерды и покровителя зверей — Елта.

В дремучих лесах бродили «лесные люди»— хьун-нах и алмасы. Это полудухи, чьи козни на каждом шагу подстерегали неудачливого путника. А в горных реках и водоемах обитала Химиханана —«мать вод». Обитательница заоблачных высей Дардза-нянильг особенно страшна в метель, когда снежные хлопья застилают глаза и легко найти свою смерть, свалившись в пропасть с обледеневших гор. Существовали еще местные божества и домашние духи и, как у всех народов, поверья, приметы, предания и суеверия. Но самым главным святилищем, в котором проходили и ритуальные действия, и моления,— был мир, который можно окинуть взором: горы и небо. Они являлись главным объектом молений.

Высоко в горах на ровном, как стол, плоскогорье, среди пестрого ковра трав, мутно-сизым пятном выглядит озеро Галанчо-Ами. К его пустынным берегам весело сбегала рощица и остановилась у самой воды. Горцы рассказывают, что влага озера — это пот

волшебного быка, на которого когда-то люди необдуманно попытались надеть ярмо. Воды озера безжизненны, в них не плещется рыба. И это свойство, объяснимое наличием сероводорода, внушало страх людям, они стали считать его священным. Еще совсем недавно чеченцы клялись чистотой вод озера.

Священной считается мощная гора Цей-Лам. Ее скалистые склоны часто повиты туманами, и тогда она приобретает таинственную мрачность. Может быть, изменчивый вид горы в глазах средневековых горцев и придал ей ореол святости.

Еще одно природное святилище находится у селения Харсеной. Эта небольшая, довольно крутая горка бурно поросла пестрым ковром цветов, на вершине сохранились следы кладбища и более ничего примечательного. Но ее почитают как священное место, а почему — сейчас уже никто объяснить не может.

Европейские путешественники (И. Лука, Пейсонель, Лонгворт и др.) уже с XVII века отмечали поклонение по всему Кавказу некоторым видам деревьев. Им приносили жертвы, а враги стремились их уничтожить⁸.

Когда вайнахи рубят лес, то бережно оставляют деревья дикой груши. И сейчас по зеленым взгорьям страны то здесь, то там разбросаны обласканные солнцем отдельные купы груши. В жаркий солнечный день хорошо отдохнуть в их прохладной тени. Здесь каждое дерево является своеобразным святилищем. Сейчас такие объекты природы (деревья, горы и т. п.) все еще почитаются как святилища, но редко кто знает истинную причину поклонения им.

Довольно рано в истории региона появились и специальные постройки, созданные для молений. В горах до сих пор сохранилось много сооружений, посвященных конкретным божествам. Большая часть их находится в Ингушетии. Это можно объяснить тем, что огонь довольно жестокой Кавказской войны прошлого века в основном прошелся по Чечне и Дагестану и в меньшей степени коснулся Ингушетии.

Наиболее простым видом святилищ являются столпообразные четырехугольные колонны — тумбы с нишами, обращенными к югу. Их называют «сиелинг». Они и сейчас еще стоят у селения Эрзи. Как пояснял мне писатель Халид Ошаев, это слово происходит от имени божества неба, молнии и грома «Сиели», а «Сиелинг» — маленький Сиели. Более высокий столп у Эрзи имеет слегка закругленный верх, который в виде уступчика выделен шиферными плитками. В ниши стрельчатой формы молящиеся ставили смоляные и восковые свечи. Такие святилища сооружались на окраине селения. Они встречали путников и провожали их в дальнюю дорогу, являлись своеобразным залогом счастливого возвращения в родное село. Сами небесные силы гарантировали это.

Сиелинги охраняли не только обиталища живых. Их ставили и у входа на кладбища. Два столпообразных святилища, сложенные из сланцевых плит, расположены в Малхиста у тропы, ведущей в огромный город мертвых Цой-Педе. Здесь они охраняют чуткую тишину и покой усопших, лежащих в склепах.

---

⁸ См.: Вейденбаум Е. Г. Священные рощи и деревья у кавказских народов//Кавказские этюды.— Тифлис, 1901.— С. 71—95.

Сиелинги могут быть разной формы — с нишами и без них, в виде удлиненных прямоугольных столбов и даже крестообразного сечения (в селении Лейми). Почти все они имеют наверху, украшенные выступающими плитками шифера. Возле сиелингов выполнялись «различного рода обрядовые церемонии и приносились жертвы»⁹.

Но в стране вайнахов более известны святилища в виде домиков, в которые можно войти (элгыц, элгац). О них стоит поговорить более подробно.

На Столовой горе (Мат-Лам, высота 3008 м), что со стороны Владикавказа, напоминающей распластанное тело гиганта с высокой грудью, некогда проходили большие моления. Ингуши и чеченцы поднимались сюда по тропинкам из Солнечной долины Арм-хи, а осетины по им одним ведомым путям. Здесь было три святилища: «Сусон-дэла», «Мятер-дэла» и «Мятцил» («Мятцели»). Первое из них уже к 1925 году, в период интенсивной борьбы с религиозными «пережитками», было разрушено. Второе — «Мятер-дэла» («Трон богов») — представляло собой небольшое здание (3,88X2,75 м, при высоте в 3 м) с двухскатной ступенчатой кровлей в семь ступеней. Над входом в святилище имелось узкое вертикальное оконце, фасад украшали рога оленей. Внутри в специальные ниши возлагались приношения.

Это небольшое святилище может служить определенным образцом архитектуры ингушских святилищ, разница между которыми заключалась лишь в деталях интерьера.

Святилище «Мятцил» (в переводе — «Место святилищ», хотя имеются и другие толкования) — более крупное здание (6,98X3,59 м, высота 5,28 м) с двухскатной ступенчатой крышей, украшенной коньком из белых камней. Архитектура здания лаконична и строга. С боковых сторон в него ведут два входа, каждый завершается аркой, замкнутой камнем треугольной формы, над ними прорезаны узкие световые щели. Внутри помещение перекрыто ложным сводом: камни противоположных сторон приострены и до самого верха постепенно смыкаются, а арочная перемычка делит его на две части.

Известный этнограф Е. М. Шиллинг описал моления, происходившие в этих святилищах еще в 20-х годах нашего столетия. Они приходились на конец июня — начало июля. Жрец (цлени стаг) и почетные старики зажигали в нишах святилища свечи и затем благословляли приношения. Это в основном были продукты. Тем временем приводили жертвенных животных. Их трижды обводили вокруг святилища и ставили с северной стороны храма головой на восток. После молитв жреца и двух стариков «о благополучии и исполнении желания каждого жертвователя и всех вообще» производился убой скота. Мясо варили в больших котлах, а затем разносили в деревянных лотках. Во время трапезы два специальных «стольника» (шуней доа) следили за порядком. Люди, вкушавшие жертвенную пищу, сидели по пять человек за «столами», устроенными из камней. Почетные мясные части (задние ножки с курдюком, грудинку и голову) подавали прежде всего старейшим людям, затем оставшееся мясо могло идти по кругу. Праздник длился три дня, по ночам у святилища оставляли стражу.

---

⁹ Щерблыкин И. П. Архитектура древних святилищ // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения; Вып. II — III. — Владикавказ, 1930. — С. 438.

Во время всех действий выносилось культовое знамя (бейрах)— белый флаг с колокольчиками, прикрепленными к вершине древка. Его нес жрец, одетый во все белое. В произносимых молитвах просили Бога «об урожае полей, приплоде скота, благополучии детей — тех, которые уже родились, и тех, которых еще нет, о благоденствии народа»¹⁰.

Подобные пиршественные моления устраивались и во время праздников, проводившихся у святилища общингушского патрона Галь-Ерды. Это происходило два раза в год — зимой и летом. Само святилище несколько отличается от упомянутых выше: помещение разделено арками на три части, задняя (восточная) стена у него глухая. Перед фасадом здания располагался двор, огражденный каменной стеной с нишами, предназначенными для приношений от вполне определенных фамилий. У стен ограды складывались олени рога — дары охотников.

Жарко молились здесь люди, яркими были их просьбы: «О, золотой Галь-Ерды! Кто родился, того сделай счастливым, а кто еще не родился, того тоже подай нам благополучно. Кто не является нашим родственником, чтобы и тот сделался нашим родственником. То, над чем мы трудимся, чтобы целым и невредимым попало в наши руки. Там, где мы сгибаем наши немощные спины для насущного хлеба, кто не любит этого труда, пусть те люди никогда да не восторжествуют над нами»¹¹.

Особенно интересен культ богини Тушоли — весеннего божества, связанного с возрождением природы и плодородием. Среди скал у селения Вилах возвышается огромное изваяние богини — немного обработанный выступ скалы, напоминающий фигуру в виде буквы «Ф» с округлой головой (описано Ю. Д. Чахкиевым).

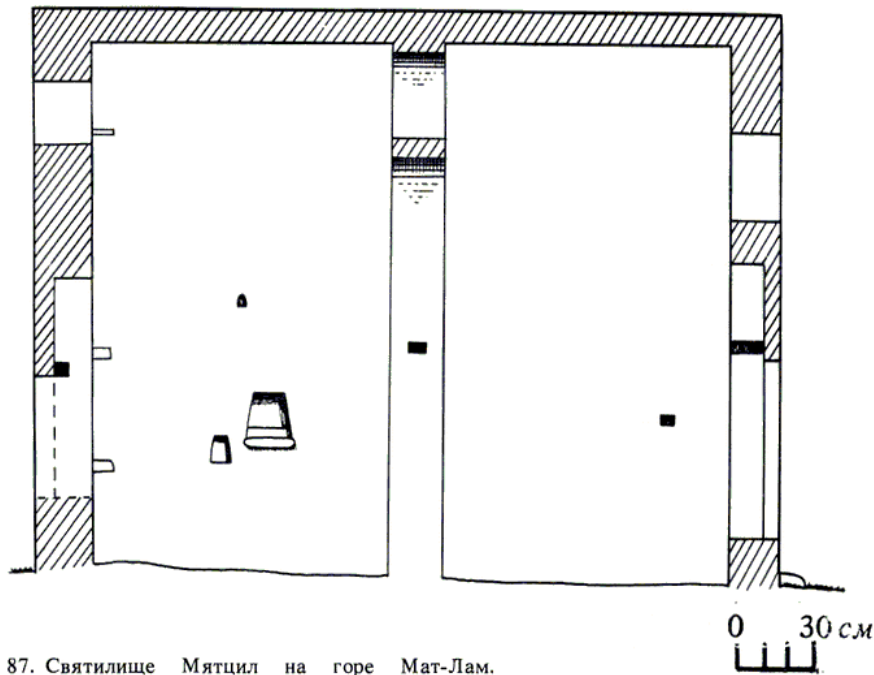
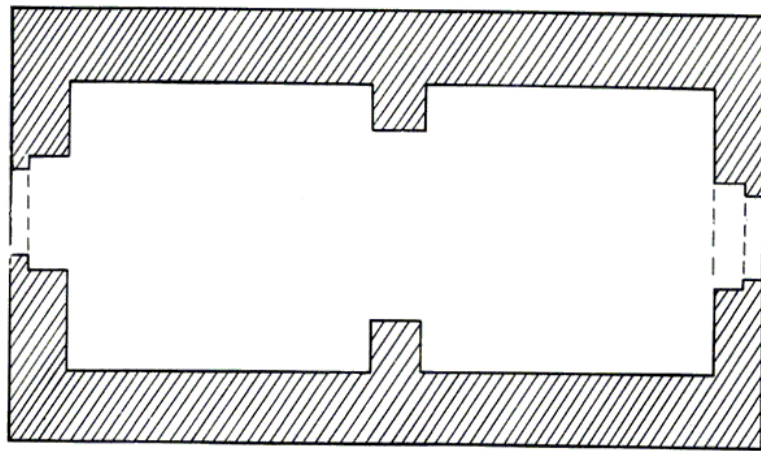
Праздники в честь Тушоли проводились в марте — апреле. К этому времени в горы прилетал удод — красивая птица с хохолком на голове. Ее называли «Тушоли котэм» (курицей Тушоли) и никогда не убивали. Святилища богини находились у многих селений — Мохде, Кок, Сахано и в других местах. В день молений жрец выносил небольшое изображение Тушоли. Хорошо известно одно, сделанное из дерева (высота около 70 см). На его лицо с продолговатым носом и глазами-прорезями была прикреплена металлическая маска. Считалось, что бездетные женщины, прикоснувшись к этой фигуре, смогут обрести здоровье и потомство.

В селении Кок, рядом с храмом Тушоли, возвышался четырехгранный каменный столб (высота 1,65 м) с грибообразным навершием из песчаника (кьобыл-кхера). К этому сооружению в свое время совершали паломничество бездетные женщины, а в период засухи его просили ниспослать дождь. В селениях Тори и Эрзи имелись уплощенные камни с отверстием, которые, как и столб в селении Кок, в самой наивной и натуралистической форме имитировали половые органы человека. Почитание таких памятников уходит в глубокую древность к наиболее откровенным и простым верованиям людей, связанным опять-таки с культом плодородия. Отсюда и убеждение в их целительной силе. Интересно, что даже земля, взятая у подножия святилищ богини Тушоли, считалась «цельбо-носной».

¹⁰ Шиллинг Е. М. Ингуши и чеченцы//Религиозные верования народов СССР,— Т. II.— М.; Л., 1931.— С. 23—35.

¹¹ Алборов Б. А. Ингушское «гальерды» и осетинское «аларды»// Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения; Вып. I.— Владикавказ, 1928,—С. 361.

с

87. Святилище Мятцил на горе Мат-Лам.
XV—XVI вв.
План и разрез
Обмеры В. И. Марковина, 1966 г.

Возле многих ингушских селений имелись святилища (элгыцы), построенные в честь местных божеств. Таковы «Эрдзели» в честь патрона селения Эрзи, «Морч-Сели» в честь покровителя селения Морч, «Тумгой-Ерды» у селения Тумгой. Были они и в чеченских поселках, но, к сожалению, разрушены.

Развитие святилищ, вероятно, шло от упрощенных построек к более сложным, то есть от примитивных по форме сиелингов к более архитектурно совершенным постройкам элгыц, что вполне возможно, так как некоторые из последних членениями своего интерьера напоминают церкви, появившиеся у вайнахов к X веку.

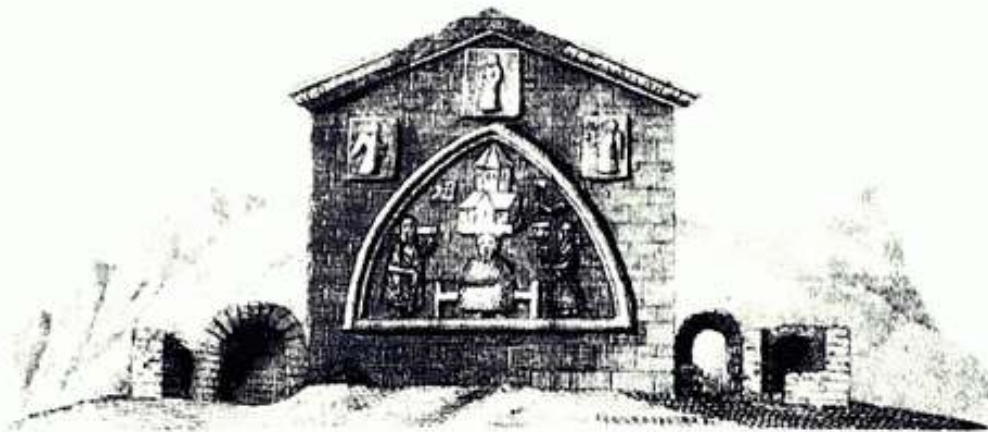
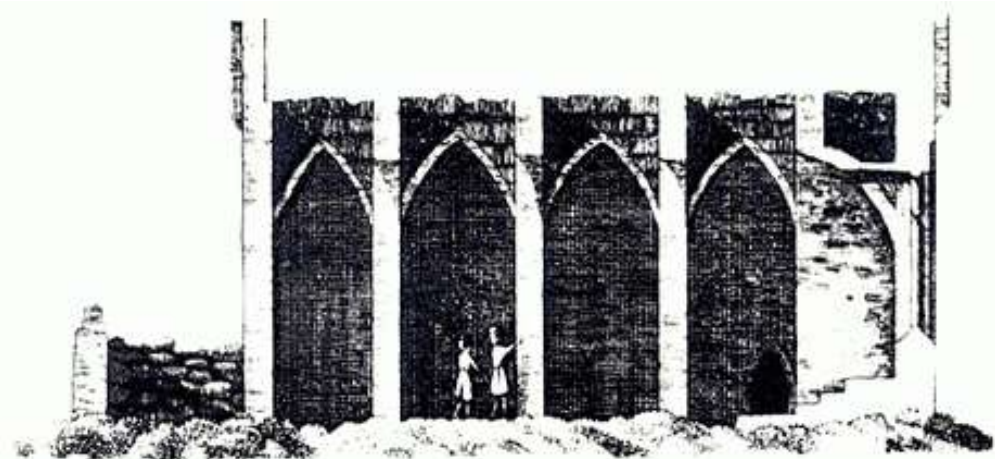
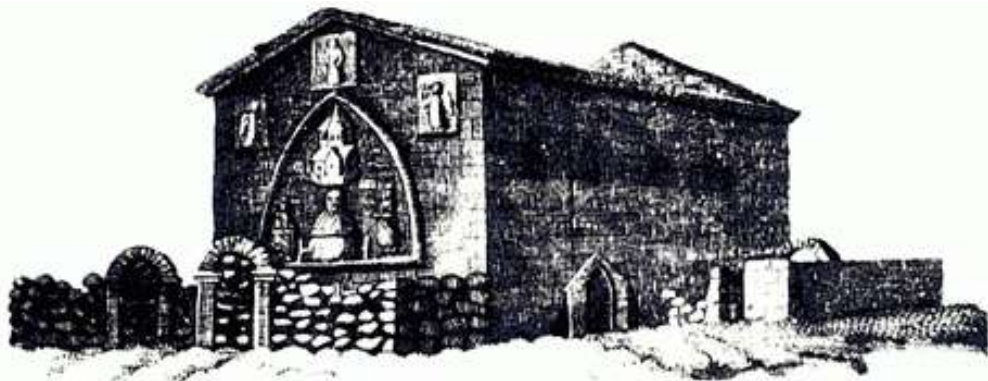
Обследования некоторых святилищ (работы археологов Л. П. Семенова, Е. И. Крупнова, М. Б. Мужухоева и других) позволили найти интересный материал. Это прежде всего кости жертвенных домашних животных и диких зверей (оленей, медведей и др.), которые являлись дарами охотников, затем железные склепанные кресты, наконечники стрел и обломки ножей. Кресты здесь вряд ли являлись христианскими символами, они могли служить обычными оберегами. Стрелы и ножи приносили охотники, а отдельные украшения — молившиеся женщины. Все предметы, которыми пользовались в святилищах, как и случайно оброненные вещи, становились неотчуждаемым «имуществом» святилищ, их нельзя было выносить для своих нужд. Рассматривая эти археологические находки, можно сказать, что самые ранние из них относятся к X—XIII, а поздние — к XVII—XVIII векам. Так определяется время, когда могли строиться святилища и когда они наиболее интенсивно функционировали.

В X—XII веках усиливается проповедь христианства среди народов северо-восточной части Кавказа. Проповедь исходила со стороны Грузии, которая к этому времени представляла собой значительное государство — Сакартвело со столицей в Тбилиси. В ее состав тогда добровольно вошли и некоторые армянские земли (Ширак, Лори, Ани и др.). Усилилось влияние

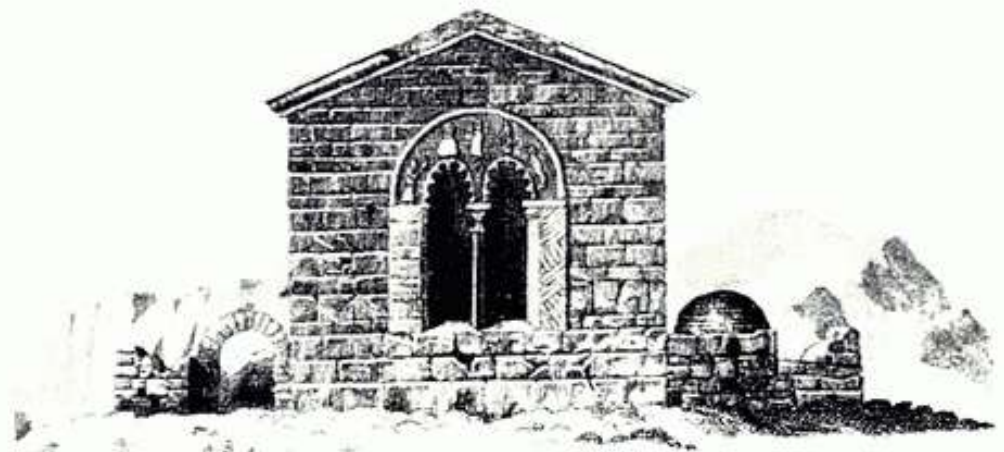
Грузии и на соседние народы. Стало заметно ее стремление обеспечить себе определенную зависимость со стороны северокавказских горцев — в первую очередь вайнахов и дагестанцев. Этому могла способствовать только христианизация, которая велась по слову апостола Петра: «Все почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите!» Только христианизация соседних горцев могла укрепить зыбкие границы Грузии, проходящие вдоль Главного Кавказского хребта. Миссионеры несли в горы не только устную проповедь христианства, распространяли церковные книги и Евангелие, но и стремились воздвигать церкви. Конечно, они испытывали

несомненные трудности в выполнении своих задач. Горцы далеко не всегда понимали, что же от них требуется. К тому же это было соперничество с мусульманством, которое также в те годы стало интенсивно проникать в горы Северного Кавказа. Иллюстрацией этой борьбы может служить легенда, по которой храм Тхаба-Ерды в Ингушетии якобы построен христианами на том самом месте, где пророк Мухаммад зарыл в землю Коран¹².

Храм Тхаба-Ерды интересен во многих отношениях. В 1781 году впервые на его архитектуру обратили внимание путешественники Штедер, затем в 1811 году М. Энгельгардт, позже храм исследовали другие ученые. Когда в 1886 году здесь побывал В. Ф. Миллер, то

88. Храм Тхаба-Ерды
Общий вид и западная стена (по М. Энгельгардту, 1811 г.)

89. Храм Тхаба-Ерды. Разрез и восточная стена
(по М. Энгельгардту, 1811 г.)

¹² См.: Дидебулидзе З. Ш. О культурных взаимосвязях Грузии и Центрального Предкавказья в X—XII веках//Мацне (Тбилиси).— 1973,— № 1,— С. 70—72.

храм стоял в полной сохранности и на его стенах можно было видеть резные грузинские надписи. В них было сказано, что церковь построена неизвестным нам Давидом (возможно, царем) при епископе Георгии.

Здание храма представляет собой одноапсидную постройку со скрытой в ее объемах алтарной частью (апсида не выступает наружу в виде полукружия, что характерно для византийских и русских построек). Помещение храма (в плане 16,20X7,60 м) разделено тремя высокими остроконечными арками на четыре части: притвор, внутренний притвор, трапезную и алтарь. Апсида имеет дугу радиусом в 4,30 метра. Некогда алтарь возвышался над остальной частью здания, а по апсиде проходило сложенное из камней сопрестоліе. На нем во время службы могли восседать высшие церковные иерархи. Алтарь храма обращен к востоку, ибо Христос в церковных песнопениях именуется Востоком и Солнцем правды. Пол здания был выстлан плитами небольших размеров. Ныне храм имеет двухскатную кровлю, хотя изнутри заметны следы четырех куполов, а были ли они вынесены наружу — неизвестно.

Тхаба-Ерды щедро украшен резным декором в виде карнизов, бордюров и других деталей, выполненных искусным мастером по мягкому известковому конгломерату. Орнамент — стилизованные листья ивы и клена, перевитые сложной плетенкой, — характерен для многих памятников грузинской архитектуры. Особенно красив барельефный фриз на западном фасаде храма, где в центре треугольной композиции, обрамленной выпуклым валиком, изображен сидящий человек. Над его головой — модель церкви. Это ктитор — основатель храма, который субсидировал строительство. По обе стороны от ктитора — две стоящие фигуры — одна в одежде священника, другая с крестом и мечом. Вверху, несколько сбоку над ктитором, была высечена десница со строительным угольником. Над фризом имелось еще три барельефа с ангелами, простирающими руки к описанной сцене. К сожалению, камни с резьбой сохранились лишь частично.

Время сильно попортило и барельеф на оконном тимпане в алтарной части храма, где прилично сохранилась лишь мужская фигура со зверем. Но и в таком виде скульптурная резьба Тхаба-Ерды полна очарования, характерного для средневекового искусства: анатомически неточен рисунок персонажей, едва намечены их движения, но мастер с наивной смелостью вписывает сюжет в тесные рамки отведенного для этого пространства. Умело сочетаются рельефы и со вставками из плит, содержащих грузинские надписи. Кроме этого, еще в 1939 году Е. И. Крупнов видел в Тхаба-Ерды остатки фресок красного цвета.

Если обойти храм со всех сторон, то можно увидеть отдельные кронштейны и камни с барельефами, а также каменные изваяния в виде голов каких-то животных. Близкие по характеру изображения уже встречались нам среди декора башен у селений Кезеной, Верхний Кокадой и в других местах. Имеется здесь и типично местный петроглиф в виде всадника. Нет сомнения, что в строительстве храма или в его переделках принимали участие и жители окрестных гор — ингуши. Головы животных и петроглиф — дело их рук.

Обычно название храма Тхаба-Ерды переводят как «Святой двух тысяч» или «Двадцать сот святых». В такой интерпретации название храма никак не согласуется с христианскими традициями наименования церквей. Правда, есть еще перевод слов «Тхаба-Ерды» как «Храм Лица Божьего» (А. И. Шавхелишвили и др.). Это, пожалуй, ближе к истине. Однако вернее всего считать, что храм Тхаба-Ерды назван в честь апостола Фомы. Потому как Фома, сомневавшийся в воскресении Христовом, должен был притронуться к ребрам Спасителя, так и «язычники» с помощью данного храма могли познать истину и приобщиться к христианской вере.

Если храм был построен в XI—XIII веках, о чем пишут многие ученые, то за многовековой период название его как «Храм апостола Фомы» в виде «Тома-Ерды», «Тхома- Ерды» могло получить переогласовку в «Тхаба-Ерды»¹³. А такое вполне возможно, ведь некоторое влияние грузинского языка, пришедшее вместе с христианством, заметно в лексике вайнахов — это названия дней недели, некоторых понятий (успех, время, пост и др.). Даже слово «Элгыц, элгац» (святилище), возможно, является переогласовкой греко-грузинского «эклессия», что означает «храм».

Конечно, идеи христианства были далеки от религиозных воззрений горцев. И все же без особого сопротивления население Северного Кавказа принимало новое вероучение. Это происходило в силу того, что христианство с трисущностью Бога, с целым сонмом святых, с поклонением деве Марии, как подательнице жизни, верой в бессмертие души, молитвенным обращением к духовным силам человека было близко традиционным верованиям горцев. Ведь и они поклонялись духам, их божества «ер- да», «диэла» были столь же высоки, что напоминали христианского Бога. Горские обереги, обращение к душам умерших не так уж отличались от христианских атрибутов, обрядов отпевания и других культовых действий.

Даже отношение к женщине (по апостолу Павлу: «Жена да учится в безмолвии, со всякою покорностью») с приходом новой религии почти ничего не меняло в судьбе горянки. Поэтому горцы-язычники в основном легко восприняли догматы близкого им по сути христианства. Недаром епископ Федор (XIII век) заметил как-то, что горцы были христианами только по названию. Вот и получилось, что храм Тхаба-Ерды уже вскоре после его возведения воспринимался местными жителями как обычное святилище. Здесь собирались жители окрестных селений Эгикал, Таргим, Хамхи и других. Старейшины самых крупных селений занимали четыре отсека в храме и возглавляли моления в честь божества «Тхаба» (Тхъа) — покровителя всей средней части бассейна реки Ассы. Как и в других святилищах, здесь приносили в жертву скот, а охотники приносили свои трофеи и оставляли стрелы. Иначе говоря, храм Тхаба-Ерды успешно выполнял функции весьма почитаемого элгыца.

Описанный храм — не единственный, построенный грузинами к XIII веку. К этому же типу можно отнести храм у селения Таргим, представляющий собой небольшую церковь зального типа (6,90X4,60 м) с внутренней апсидой и небольшим притвором, отделенным от алтаря аркой. Она также довольно быстро стала святилищем, в котором молились еще в XVIII веке. Судя по обилию наконечников стрел, а среди них встречаются и такие, как двурогие наконечники и срезни (в форме лопаточки), храм был особенно почитаем охотниками.

Вторая церковь, известная под названием Алби-Ерды, расположенная в этом же районе, немногим отличается от предыдущей. Оба храма относятся к тем очень характерным для средневековой Грузии маленьким церквушкам, что и сейчас стоят на ее путях-дорогах. Видимо, их форма была традиционной для зодчества X—XIII веков. Наличие в них алтарных полукружий не смущало горцев, и церкви успешно служили им в качестве традиционных святилищ.

С XIV—XV веков к вайнахам более интенсивно начинает проникать ислам. Новое вероучение требовало не забывать о благодеяниях Господа (Аллаха) и быть благодарным Ему, «который землю сделал для вас ковром, а небо — зданием, и низвел с неба воду, и вывел его

¹³ См.: Гамбашидзе Г. Г. Из истории связей Грузии и Ингушетии в средние века: Тезисы докладов IV Крупновских чтений по археологии Кавказа.— Орджоникидзе, 1974.— С. 65—69.

плоды пропитанием для вас» (Коран, сура 2,20). Это учение, проповедующее единобожие, шло со стороны степей от тюркского населения. До гор оно, по-видимому, не дошло, но в предгорьях и в Ичкерии, открытой к степям, его влияние нашло свое отражение в ряде тюркизмов, отложившихся в языке местных вайнахов.

О более интенсивном проникновении мусульманского вероучения можно говорить начиная с XVIII века. К этому времени на Сунже и Тереке уже давно стоят русские торговые городки, растет число казачьих станиц и местечек. По Чечне и Ингушетии проходят торговые пути, и Россия с определенным нажимом, но «мирным» путем пытается весь Северный Кавказ вовлечь в орбиту своего влияния. Возникает естественное противодействие. Целый узел противоречий завязывается на Кавказе, в нем можно заметить интересы Ирана, Турции и кавказских феодалов. Не будем пытаться распутать его. Для нас важен факт усиления проповеди ислама среди горцев, которая особенно интенсивно шла при Ушурме (шейхе Мансуре, 1785—1791 годы) и трех имамах—Гази-Магомед, Гамзате и Шамиле. Это время приходится на довольно кровавую Кавказскую войну, полную героики с обеих сторон, духовных подъемов и спадов, как это бывает при любой войне.

С утверждением ислама в среде чеченцев и ингушей если и не отошли в прошлое верования предыдущих веков, то они несколько изменились. Языческая основа стала приобретать вполне законченные правоверные формы. Со временем в среде вайнахов появились верующие, отбросившие многоликий пантеон языческих божеств во имя единственного для всех и единого в своей воле Аллаха (ат-таухид), в соответствии с богословскими предписаниями Которого они и строили свою жизнь. Эти люди стали покорными, преданными Ему —«муслимами», иначе — мусульманами.

Вместе с исламом здесь появились арабская письменность и летосчисление. Отсчет дат по нему ведется с 622 года н. э.— года, который носит название «хиджра». Тогда пророк Мухаммад со своими сторонниками вынужден был переселиться из Мекки в Медину. Письменность и точное летосчисление явились немаловажными новшествами в жизни вайнахов.

В странах ислама с XVI века было запрещено изображать живые существа. Объясняется это тем, что «творцы изображений являются подражателями Аллаха и заслуживают наказания»¹⁴. Такое предписание привело к развитию орнаментального искусства. Расцвел не только растительный узор с виртуозным переплетением веток, цветов и листьев, но и так называемый эпиграфический орнамент — изумительные по тонкости прориси сплетающихся арабских букв. Они образуют коранические слова и изречения, а часто ничего не означают, лишь подражая буквенной графике. Не избежала этого увлечения и Чечня. В селении Цонторой стены мечети украшены «львами», составленными из буквенных начертаний. Исключение делалось для фигуры крылатого коня Бурака с человеческим лицом. На нем пророк Мухаммад совершил ночное путешествие из Мекки в Иерусалим. Этот сюжет можно видеть на поздних памятниках Чечни и Ингушетии.

Мусульманское, правоверное население не могло обходиться без мечетей — специальных молитвенных домов. Мечеть (по-арабски «масджид» — место земных поклонов) это не только помещение для молитвы, но и своеобразный дом общественных собраний. Здесь зачастую решались важные вопросы местной жизни. Здание, предназначенное под мечеть, специальным образом не освящалось. Единст-

¹⁴ Массэ А. Ислам: (Очерк истории).—М., 1961,—С. 130.

венное необходимое условие,— оно должно было стоять возле родника или бассейна с водой, так как в храм входили после соответствующего омовения. У входа в мечеть оставляли обувь и далее шли по коврам, приглушавшим шаги. Обычно ковры являлись приношениями прихожан. Никаких изображений внутри мечетей не допускалось, ничто не должно было отвлекать от молитвы. Единственной мебелью, достойной упоминания, являлся минбар — высокая кафедра, своеобразная трибуна с лестницей, ведущей на нее, и даже с кровлей, прикрывавшей ее площадку. С кафедры можно было услышать речи местных и приезжих проповедников. Минбар делали из хороших пород дерева, украшали орнаментальной резьбой или росписью и изречениями из Корана. Обычно маленькая сельская мечеть минбара не имела, его наличие придавало храму статус соборной (джами, джума), большой мечети. Высокий минарет, с которого провозглашался призыв к молитве (азан), был частым украшением мечетных построек. Пять раз в день верующий должен был совершать молитву, выражая в ней покорность воле Аллаха. Это делалось всюду, где бы ни находился в соответствующее время правоверный. Только полуденную, пятничную (праздничную) молитву желательно было совершать в храме. Мечети — показатели правоверности мусульманских стран, и страна вайнахов стала входить в их число.

Проповедь мусульманства в основном шла со стороны Дагестана. Вот почему наиболее интересные памятники и находятся в Чаберлое — чеченских землях, граничащих с Андией, территорией ботлихцев и суровыми нагорьями Аварии. Чаберлой — один из красивейших уголков Чечни, расположенный у озера Кезеной-Ам, где трепетная голубизна воды перекликается с серо-белыми красками мерге-левых скал. Сейчас это тихий район, руины башенных поселков молчат, но былое биение жизни ощущается на каждом шагу.

Мечети в селениях Кезеной, Хой, Макажой, Тундухой при всем разнообразии их архитектуры имеют нечто общее. Прежде всего это выступающий из плоскости стены полуконической формы михраб¹⁵. Если у мечети двухэтажное здание, то михраб как бы повисает в воздухе, опираясь на массивные плиты. Такая архитектура характерна для небольших дагестанских мечетей, обслуживающих аульчан. Некоторые мечети чеченских сел украшены петроглифами, среди них довольно много крестов, которые можно считать оберегами. Так снова переплетаются традиционные верования с новой религией.

В селении Макажой под мечеть использован второй этаж жилой башни. При этом в восточную стену была вставлена резная плита с арабской надписью. Из нее явствует, что в реконструкции башни принимал участие Хамза Аварский, работы производились в 1240 году хиджры, то есть в 1824—1825 годах¹⁶. К этому времени Кавказская война для чеченцев уже началась.

Действенное влияние дагестанской архитектуры на местное зодчество заметно и по аркообразным конструкциям в нижних этажах построек Чаберлоя, типичных для жилых зданий всего горного Дагестана. Мечеть в Тундухе (Тундук) украшена каменными кольцами, высеченными вместе с петлями из одного куска песчаника. Кольца свободно покачиваются при порывах ветра. Это тоже излюбленный элемент декора у дагестанских строителей, свидетельствовавший об их мастерстве, символизировавший прочность и неприкосновенность постройки.

¹⁵ Михраб — ниша в мечети, указывающая направление (киблу) на священный город Мекку, в сторону которого молятся мусульмане.

¹⁶ См.: Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа; Вып. III.— М., 1980.—С. 78 (№ 860).

Совершенно отлично от культовых построек Чаберлоя выглядят руины мечети в местечке Эткали в Аргунском ущелье. Она представляет собой ничем не примечательное здание удлинённых пропорций с двухскатной крышей и имеет городской облик: даже окна и двери его перекрыты лучковой аркой с четко выделенным замковым камнем. Однако минарет, пристроенный почти к середине фасада, имеет форму традиционной вайнахской башни, которая завершается перекрытием в девять уступов и увенчана закругленным камнем (Шурку). Машикулей, правда, у «башни» нет, но на месте, где они должны бы быть, имеются проемы. В данном случае они служили окнами, из которых муэдзин призывал верующих к молитве. Минарет украшен петроглифом в виде солярного знака и изображения руки мастера, возводившего здание. К сожалению, две арабские надписи на камнях, вделанных в стены мечети и минарета в 1914—1915 и 1933—1934 годах, дают слабое обоснование даты возведения постройки. Скорее всего, это конец XIX века. Очевидно, строители мечети, столкнувшись с необходимостью создания минарета, использовали для этой цели форму боевой башни, привычную для глаза вайнаха. Памятник поистине уникальный!

Как видим, каждый период истории чеченцев и ингушей оставил в зодчестве нечто свое, неповторимое. И даже то, что было возведено на их земле грузинами и дагестанцами, стало восприниматься как свое, родное, только подверглось некоторому переосмыслению и небольшим изменениям. На этом и держится культура соседствующих народов Кавказа. Так было и, очевидно, так будет.

90. Сиединг — столпообразное святилище возле селения Ний

91. Селение Этикал
Столпообразное святилище и округлый мавзолей. XV—XVI вв.

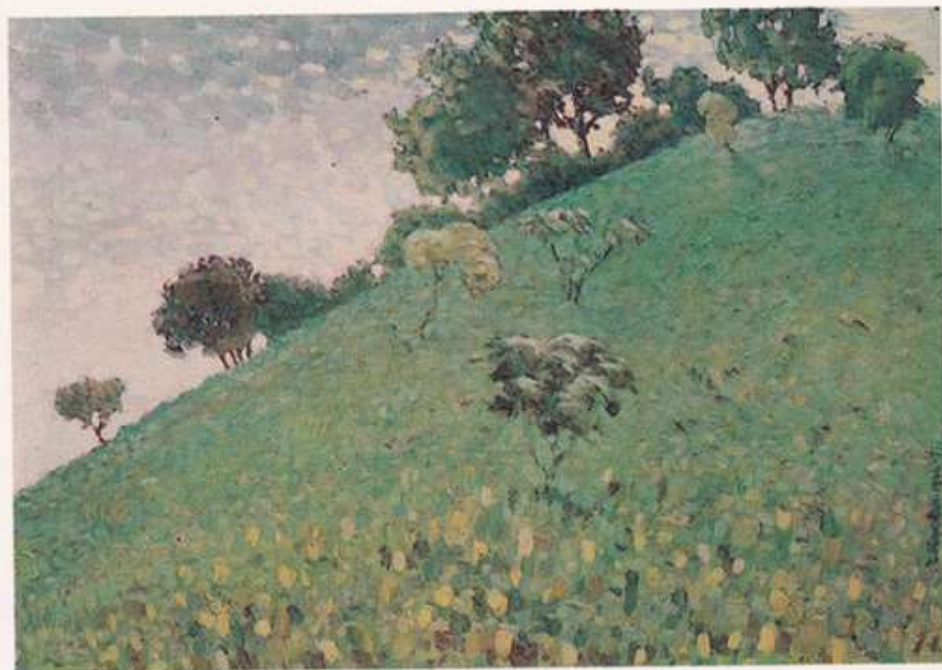
93. Святилище крестообразного плана у селения Верхний Лейми. XIV—XVI вв.

94. Святилище близ селения Барки. XVI в.

92. Святилище Мятцил на горе Мат-Лам. XVI—XVII вв.
Фото 1966 г.

95. В. И. Марковин
Священная гора у селения Малый Харсеной. 1966.
Картон, масло. 48×33 см
Чечено-Ингушский объединенный государственный музей, Грозный

96. Селение Хой
Сводчатые конструкции в нижней части жилой постройки. XVII—XVIII вв.

97. Святилище (згац) Делите возле селения Карт. XV—XVI вв.

100. Селение Вилах (район озера Галанчо-Ами) Каменное изваяние женщины (предположительно богини Тушоли). XVI—XVIII вв. (?)

98. Селение Баркин
Ниша в стене святилища

99. Селение Карт
Святилище Делите. XV—XVII вв.

101. Святилище Морч-Сели у селения Морч.
XV—XVI вв.

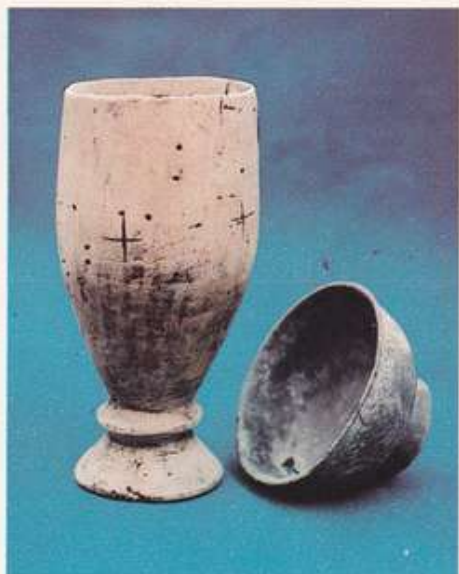
102. Селение Вилах
Каменное изваяние женщины, высеченное из скалы (предположительно богини Тушоли).
XVI—XVIII вв. (?)

103. Голова богини плодородия Тушоли из святища селения Кок. XVI—XVII вв.
Дерево

104. Фаллический памятник (к'обыл к'хера) из селения Кок. XVI—XVII вв.

105. Деревянный бокал и серебряная миска. XVI—XVIII вв.
Культовый инвентарь из святища Эрдзели

106. Предметы вооружения из святищ и склепов вайнахов — наконечники стрел и копий, предохранительное кольцо, XIII—XV вв.
№ 103—106 — Чечено-Ингушский объединенный государственный музей. Грозный

107. Храм Альби-Ерды у селения Таргим.
XII—XIII вв.

108. Святилище Оуша-Сел у селения Таргим

109. Ассинское ущелье
Храм Тхаба-Ерды. XI—XII вв.
Барельеф западной стены

110. Храм Тхаба-Ерды
Барельефный тимпан западной стены
Литография из книги В. Ф. Миллера, 1888 г.

111. Храм Тхаба-Ерды
 Деталь тимпана западной стены — купольная часть церкви, находившейся в руках ктитора Чечено-Ингушский объединенный государственный музей. Грозный

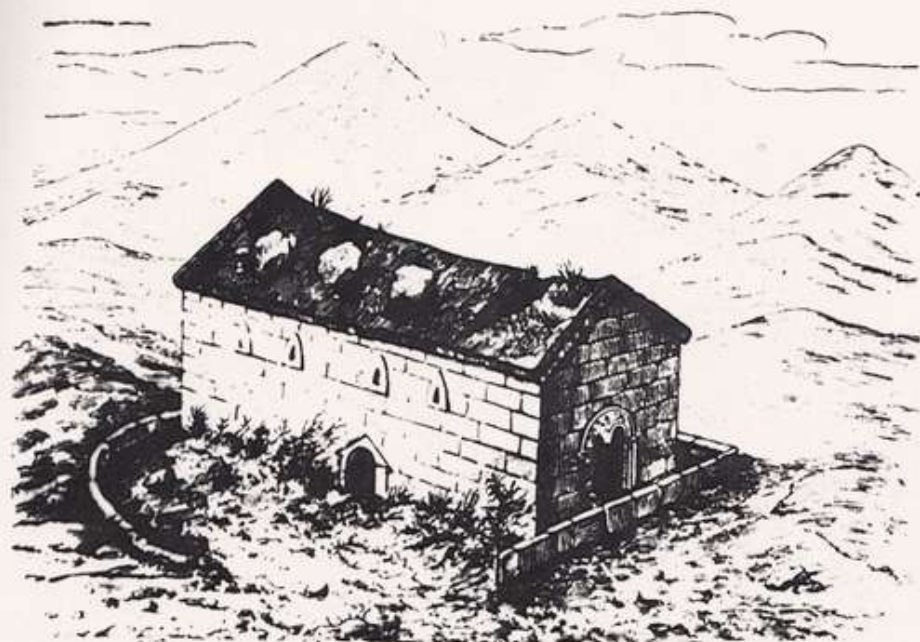
112. Каменная купель в алтарной части

113. Окно с барельефом на восточной стене храма

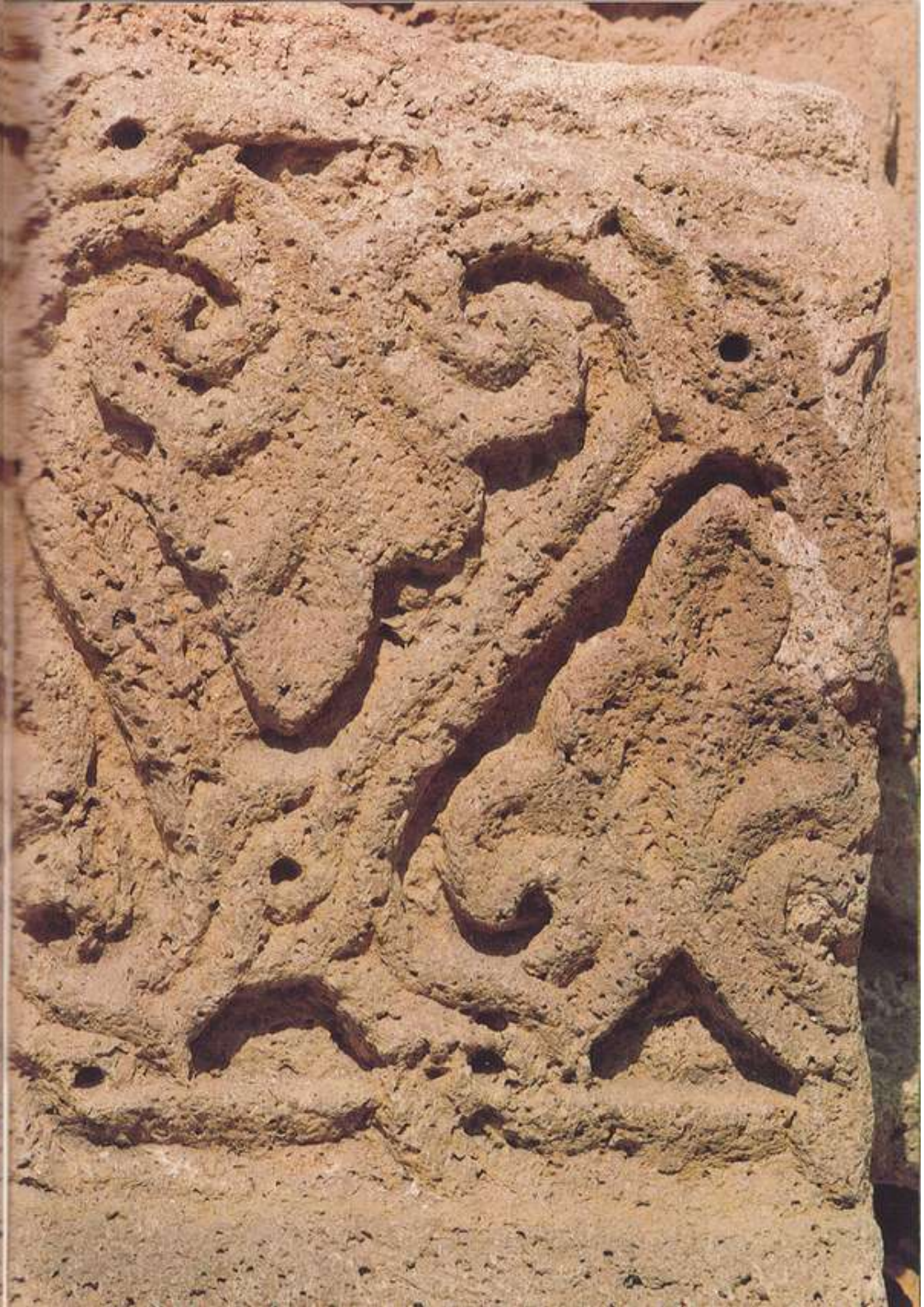
114. Изображение лучника на западной стене храма

115. Храм Тхаба-Ерды
 Рисунок из книги В. Ф. Миллера, 1888 г.

116. Деталь каменного резного декора Чечено-Ингушский объединенный государственный музей. Грозный

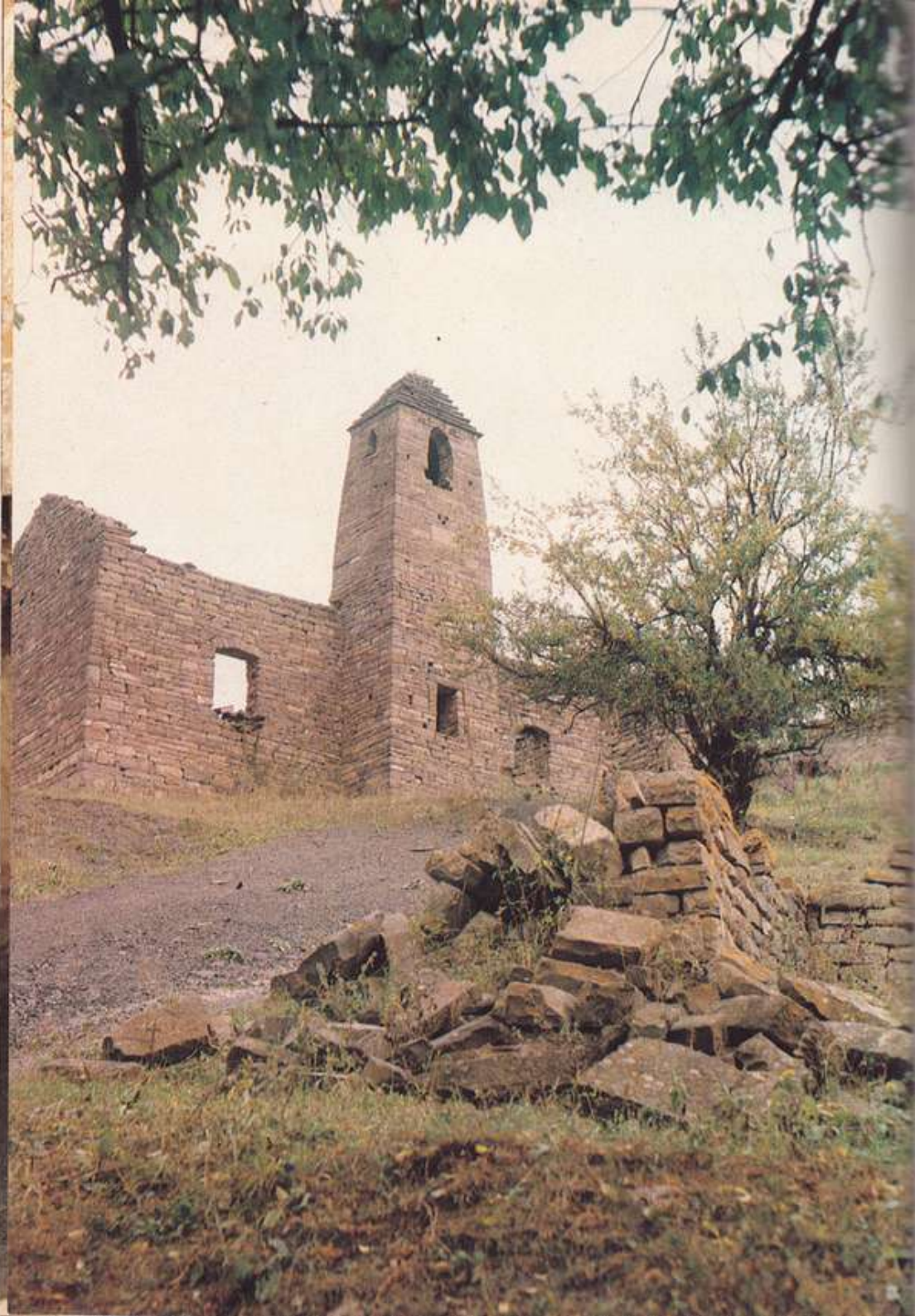
119. Селение Химой
Раннемусульманская мечеть. XVIII в.

120. Селение Химой
Дверной проем мечети

117. Каменный резной орнамент храма Тхаба-Ерды

118. Деталь каменного резного декора храма Тхаба-Ерды
Чечено-Ингушский объединенный государственный музей, Грозный

122. Селение Тундук
Декоративное каменное кольцо в стене мечети.
XIX в.
Фото 1965 г.

123. Селение Цонторой
Эпиграфический декор в виде львов на стене
мечети. XIX в.
Фото 1965 г.

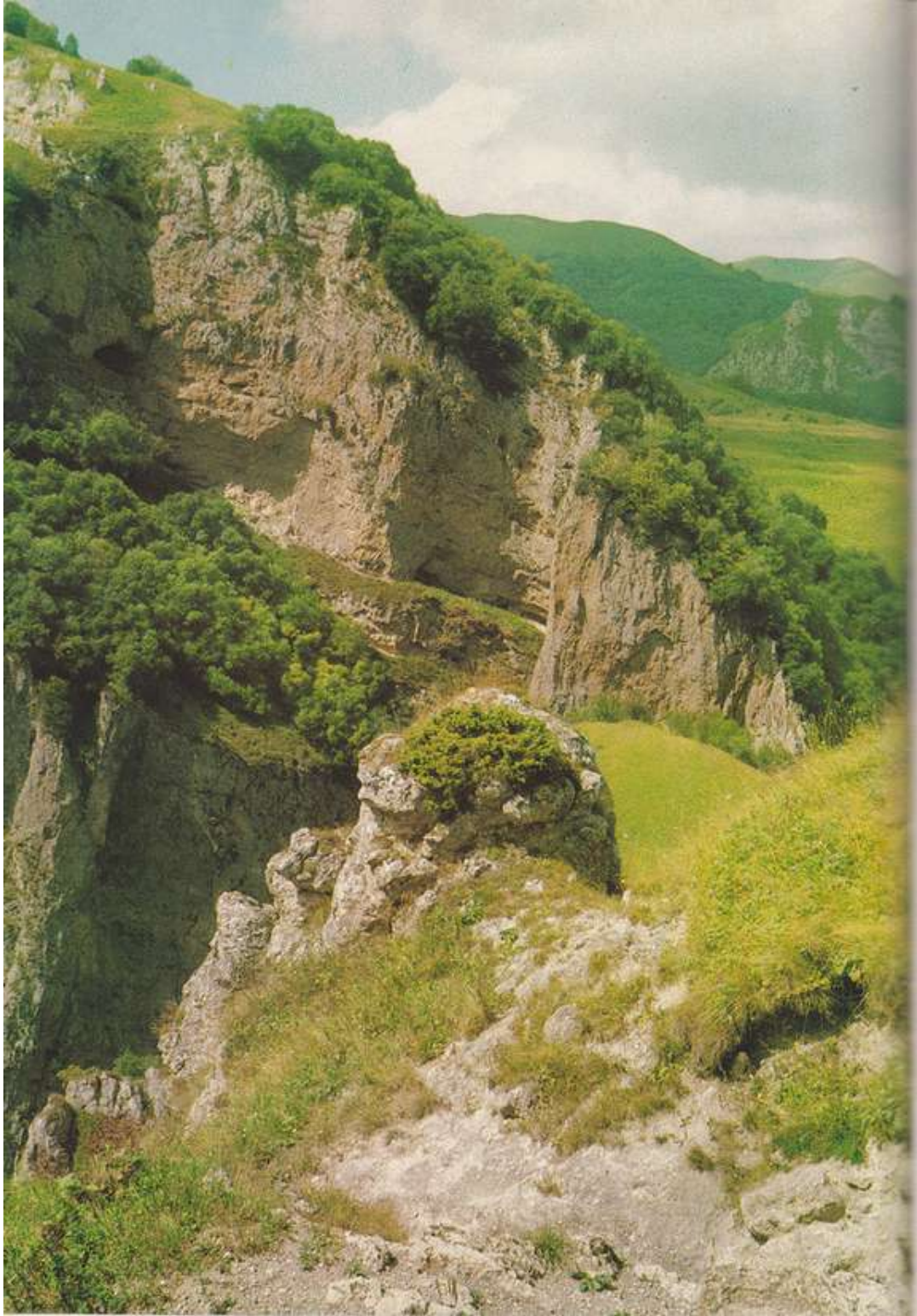

124. Селение Макажой
Жилая башня XVII—XVIII вв., перестроенная
в мечеть в XIX в.

121. Селение Эткали
Мечеть (маъджиг) с минаретом в виде боевой
башни. XIX в.

125. В Аккинском ущелье

НЕКРОПОЛИ

Уважительное отношение к умершим — показатель не только духовности народа, но и его внутренней культуры: умение ценить неразрывность связи с предками, ощущать их незримое присутствие. Даже совершенно одинокий человек, но чувствующий родство с давно отошедшими в мир иной, выступает как бы от лица многих своих предшественников. В почтительном отношении к предкам чеченцы и ингуши могут быть прекрасным примером. Некоторые из них могут назвать имена своих родственников, обращаясь в глубь семейной истории до 12— 15-го поколения. Они знают свой род, к которому принадлежат, и всегда говорят о нем уважительно.

Известный этнограф-кавказовед Башир Далгат замечает, что, по поверьям вайнахов, «солнце днем освещает этот свет, а ночью — тот»¹⁷, хотя в народе бытует мнение, что светилом «того света» (бухара дуьне) является луна. Жизнь умерших управляет божество Эштр или Этер. Ингуши после уборки урожая устраивали специальный ужин, на котором «особую» долю пищи (хето) с молитвой «передавали» своим предкам: «Дай Бог, чтобы благочестивые умершие также хорошо окончили свою работу, как окончили свою мы — живые; дай Бог, чтобы и урожай у них был хороший. От того, что мы передаем, пусть будет им такая польза, какая только желательна им»¹⁸. Иначе говоря, заупокойный мир по традиционным представлениям вайнахов является своеобразной копией мира живых, но со своими «законами» и правилами. Ими регламентировался погребальный обряд, могильные конструкции и поминальные действия.

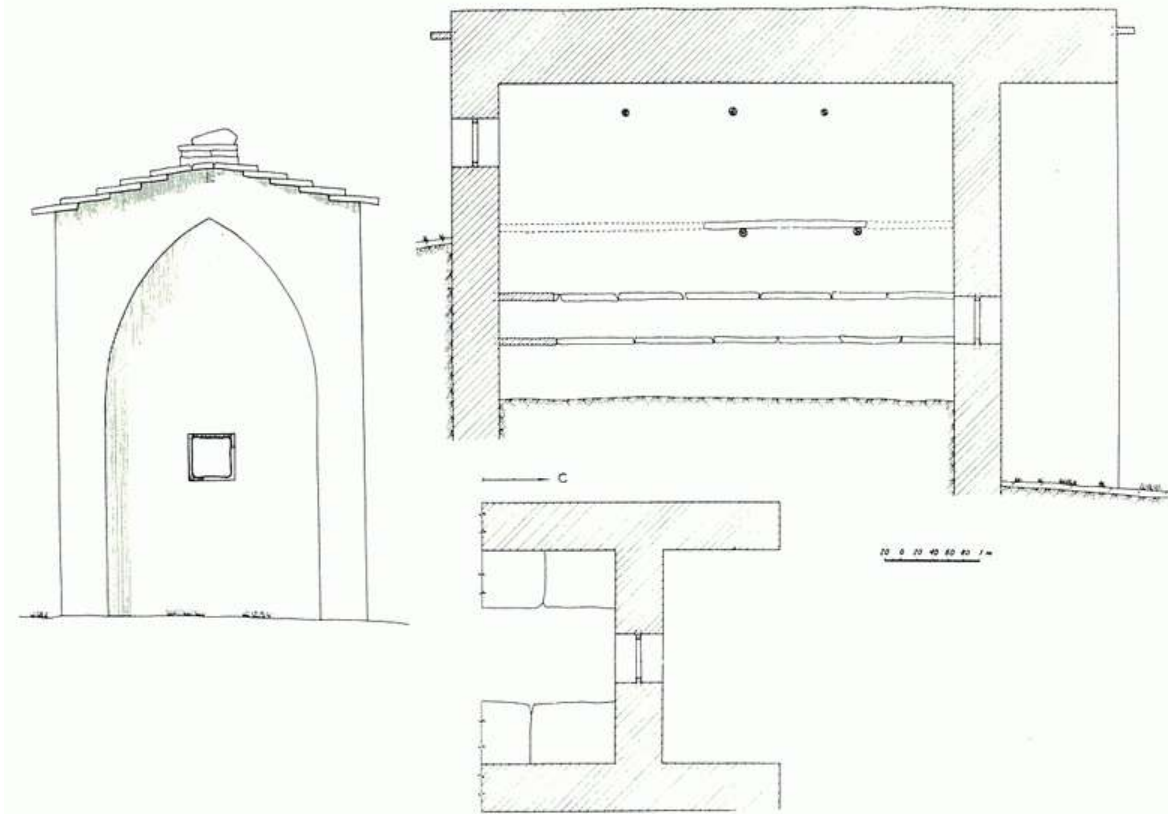
Для вайнахов средневековья характерны некрополи из склепов. Их называют «солнечные могилы» (малх-каш). Таким образом, великое светило — Солнце (Малх) являлось своеобразным покровителем не только живых, но и мертвых.

Известны склепы различных видов — подземные, полуподземные и наземные. Хуже всего изучены подземные постройки, чаще всего по той причине, что входы в них сейчас обнаружить весьма трудно. Они представляют собой помещения вытянутой, слегка скругленной формы (найжены у селений У шкалой и Бугарой), хотя известны склепы и совсем круглого плана (на речке Басты-хи). Сложены они по принципу не доведенного до конца ложного свода (напуском камней), а потолочная часть перекрыта крупными плитами. Внутри склепа устраивались каменные полки, на которые укладывали умерших. С южной или восточной (солнечной) стороны делался лаз — прямоугольное входное отверстие. Его прикрывали каменной плитой, которую при необходимости отваливали.

Фасады полуподземных склепов выступают из горных склонов. Опытный архитектор заметит, что ложно-сводчатое перекрытие в них доведено до самого верха и камни смыкаются, стыки стен образуют прямые углы, а в погребальной камере внутри помещения можно видеть ниши для приношений. В остальном же оба вида кашей (гробниц) схожи — такие же полки и прямоугольный лаз. Внешний декор у полуподземных склепов встречается редко. Монотонную наружную кладку склепа в селении Верхний Кокадой оживляют четыре плиты, поставленные под углом, — своеобразные ниши над входом в камеру. Они образовали узор в виде зигзага или буквы «М».

¹⁷ Далгат Б. У. Первобытная религия чеченцев//Терский сборник; Вып. 3,— Кн. 2,— Владикавказ, 1893.— С. 59.

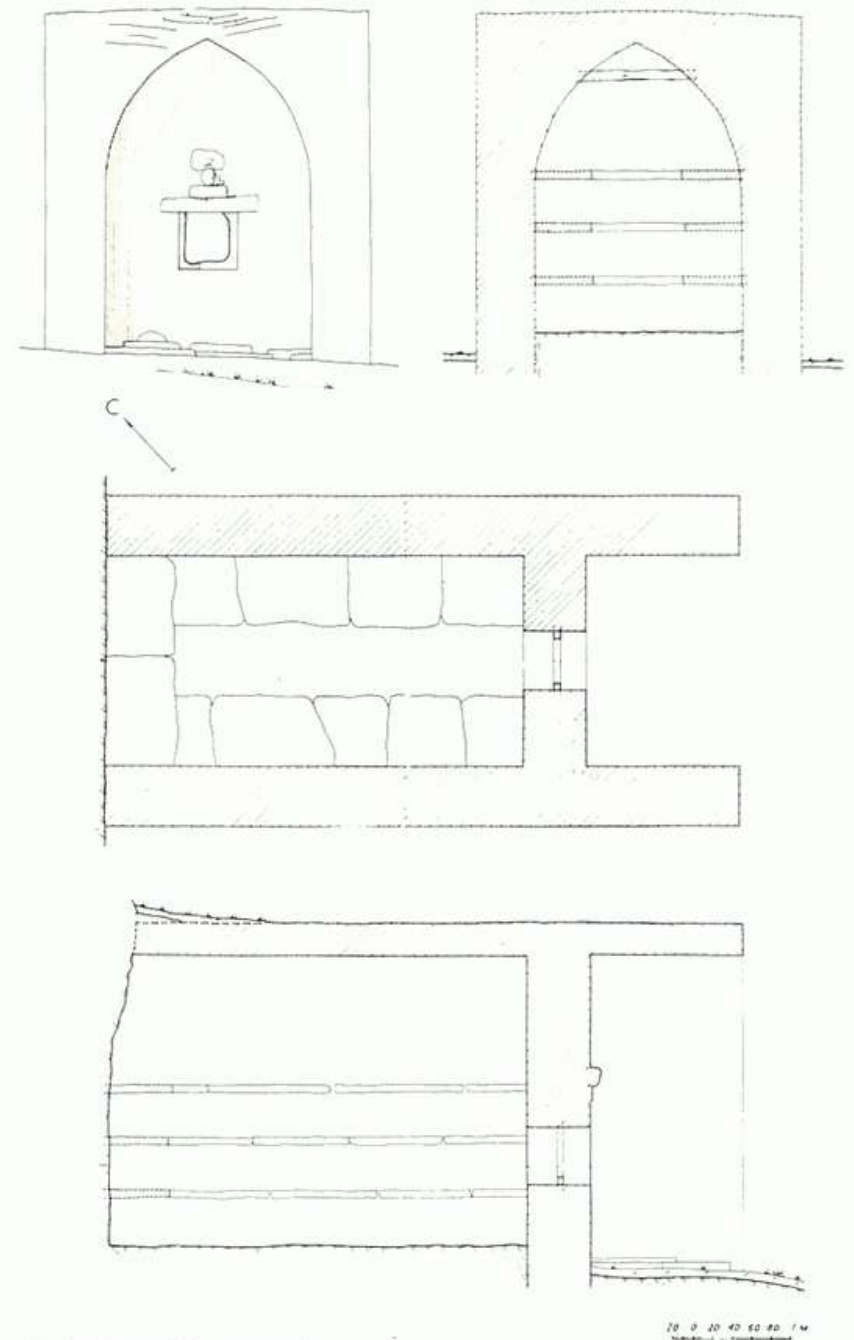
¹⁸ Там же,— С. 60.

127. Цой-Педе (Малхиста)
Наземный склеп. XVI—XVII вв.
Обмеры В. И. Марковина и Э. П. Химина,
1960 г.

Третий вид склепов представлен наземными постройками, которые иногда занимают значительные площади, расположенные на повышающихся склонах, а так как камера разделена на два-три этажа, то лаз на первый этаж устроен у самого подножия, на второй — несколько выше и посередине подъема, а на третий этаж — в верхней части склепа. И получается, что лазы, ведущие в такие склепы (на реке Кенохой-ахк, у селений Фалхан, Харпе, Лежги и в других местах), расположены по спирали. Известны еще склепы округло-конической формы, покрытые выпуклыми ребрами (селения Джерах, Эрзи, Эгикал и другие). Различных вариантов устройства и отделки имеется довольно много.

Наибольшее мрачно-отрешенное впечатление, действительно далекое от обычной повседневной жизни, производит «город мертвых» Цой-

128. Цой-Педе (Малхиста)
Наземный склеп (задняя часть упирается в скалу). XVI—XVII вв.
Обмеры В. И. Марковина и Э. П. Химина,
1960 г.

Педе в Малхиста (Цайн- Пхьеда, Цай-Пхьеда, что переводится как «Поселение божества» и «Святылище Цая»). На скалистом горбатом мысу, омываемом реками Меши-Хи и Чанты-Аргун, сорок два склепа образуют замкнутый поселок, который с севера «охраняют» два сиелинга, а в центре боевая башня, называемая «Кошун-В1ов» (Кладбищенская башня).

На склепах вайнахов редко, но встречаются петроглифы. Особенно интересные камни с ними можно видеть на кашах селений Эрзи, Хамхи и Бирх. На них нанесены ряды горизонтальных и вертикальных штрихов, дополненные крестиками, которые образуют прямоугольную композицию. Их считают календарными знаками и даже разметками для какой-то игры, но вряд ли у склепов могли как-либо забавляться. Скорее всего, знаки петроглифов служили для гаданий о судьбе («что исполнится и на что можно надеяться»), при этом вопрошали душу умершего жреца-предсказателя, погребенного рядом.

Если заглянуть внутрь склепов, то можно увидеть полки с умершими. Они лежат в вытянутом положении, иногда на плетеных носилках или в прямоугольных гробах, а дети в люльках (ага), сделанных из досок и скрепленных шпонками. Склепы использовались в течение столетий. Останки ранее похороненных, чтобы освободить место, складывали на пол. Костей огромное количество. Особенно много людей умирало во время эпидемий.

На том свете люди должны были предстать в приличном виде — в хорошей одежде, обуви, женщины со своими украшениями, а мужчины вооруженными. Обычно средневековая одежда сшита из грубого холста и шерстяной ткани ручной выделки (синей, коричневой, красноватой). Подол и рукава шерстяной одежды обшиты шелковой и бумажной тесьмой¹⁹. Мужская одежда иногда дополнена узким ремешком с металлическими бляшками. В Ингушетии женщины носили головной убор конической формы (кур-харс) с бляхой и массивным «рогом» в передней части. Русские послы, проезжавшие в XVII веке через ингушские земли, писали, что местные «жонки носят на головах... что роги вверх в пол-аршина»²⁰. Изредка в склепах встречаются дорогие привозные ткани. В склепе селения Хамхи найдены обрывок иранской ткани XVI века с изображением юноши среди цветов и сумочка из парчового шелка XIV — XV веков.

В каше селения Оздик обнаружено захоронение женщины на резной деревянной кровати. Она имела все присущие ее полу украшения, на голове кур-харс, но на груди у нее лежали необычные предметы — соединенные вместе три сумочки (одна пятиугольной формы), кусок пакли, обрывки веревки, железные цепочки, а в одной из сумок зеркальце. Археологи условно назвали ее знахаркой-чародейкой²¹.

¹⁹ См.: А б ду л в а х а б о в а Б. Б.-А., М а д а е в а З. А. Женская одежда горной Чечено-Ингушетии в XVII — XVIII вв. Традиционная материальная культура Чечено-Ингушетии.— Грозный, 1989.

²⁰ Полиевктов М. Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений (1615—1640 гг.).—Тбилиси, 1937.—С. 251.

²¹ См.: Виноградов В. Б. Погребение знахарки-чародейки в поздне- средневековом ингушском склепе//Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период.— Грозный, 1981.

Материал, собранный в склепах — предметы вооружения, украшения и хозяйственные вещи, — дает довольно полное представление о повседневном быте вайнахов от X до XVIII веков. Воин-вайнах всегда имел при себе холодное оружие (кинжал, а то и саблю), лук и набор стрел с железными наконечниками. Если же дело доходило до настоящей брани, он облачался в кольчужную рубаху с короткими рукавами из хорошо прокованных железных колечек, надевал цельнокованный железный шлем и брал круглый щит. Налокотники в виде лотков, скрепленных ремешками, завершали его экипировку. Судя по рисунку путешественника Яна Потоцкого, примерно так вооружался ингушский воин еще в начале XIX века.

Велик набор украшений, которыми пользовались вай-нахские женщины. Одежду для красоты обшивали бронзовыми и серебряными бубенчиками-пуговками с ушком, а крупные служили для застегивания ее. Серьги были самой различной формы. Особенно модными в XV—XVII веках являлись изогнутые в виде знака вопроса. Такие сережки часто украшались зернью или каменной бусинкой, нанизанной на стерженек «вопроса». Ингушские женщины носили специальные серебряные височные украшения в виде восьмиллопастной подвески с гравировкой и чернью. Возможно, их прикрепляли к головному убору. К этому можно добавить кольца, браслеты и ожерелья с бусами из цветного стекла и красивых камней (гагат, сердолик, халцедон, хрусталь). А так как рядом с умершими клали на полки предметы домашнего обихода — иглы, наперстки, кресала для высекания огня, посуду из дерева и глины (кубки, кружки, миски), инструменты (топоры, долота и проч.), игральные кости (альчики), то при желании отошедший в прошлое быт горцев может быть восстановлен до мелочей.

В склепах встречаются пробитые монеты. Женщины носили их среди ожерелий как украшения. Но, главное, они указывают на былые связи с Европой и Азией. Кроме того, отдельные найденные предметы подтверждают наличие торговых отношений с Русью и Грузией, а также обменных операций с населением всего Северного Кавказа.

Сейчас в научных кругах довольно много говорят о Великом Шелковом пути, который со II века до н. э. связывал многие страны мира в единый торговый узел. Делается даже попытка «расширительно» рассматривать его хронологический диапазон, чуть ли не с эпохи бронзы, когда только закладывались первые обменные тропы и не было не только шелковых тканей, но даже и малейшего намека на их возможное существование.

Кавказ, очевидно, входил в маршруты Шелкового пути, идущего от Китая, Индии, стран Передней Азии к Риму и Византии. Отдельные археологические находки не только соответствующих тканей, но и сопутствующих им вещей — ювелирных изделий, посуды из стекла и металлов, наборов бус — становятся теми документами, которые позволяют наметить древние пути-дороги. Для обширного региона Северного Кавказа и прилегающих с севера степей пока еще только намечаются бесспорные пункты с находками подобного эпохального значения (Архыз, Сенты, Мощевая Балка в Карачаево-Черкесии, отдельные захоронения близ Кисловодска, некоторые курганные находки Калмыкии и др.). Но они могут быть вполне закономерно расширены. Я имею в виду склеповый материал из Чечни и Ингушетии. Ведь XII—XIV века — время довольно интенсивного использования склепов для захоронений. Оно совпадает с временем усиленного движения караванов по Шелковому пути. И склепы вайнахов дают много интересных материалов. Я думаю, что не отвлекаясь от темы книги, упомянув об этом. Ученым стоит еще и еще раз обратить внимание на средневековые редкости чеченцев и ингушей. Известный кавказовед Е. И. Крупное в 1970 году писал об «эпизодических связях и контактах с внешним миром» местных

горцев, имея в виду в основном материалы данного времени²². Новые коллекции, накопившиеся с тех пор, позволяют более полно изучить затронутый вопрос. Однако вернемся к памятникам местной архитектуры.

Далеко не всех хоронили в склепах, между ними едва заметны так называемые каменные ящики. Это могилы, отдаленно напоминающие гроб, выложенный из каменных плит, в который клали умершего. Захоронения в «ящиках» были широко распространены по всей Чечено-Ингушетии. Судя по найденным вещам, относятся они к одному времени со склепами. Вероятно, в таких могилах могли хоронить «иноземцев», то есть вайнахов — представителей других тейпов (родов), по каким-то причинам умерших вне родных селений. Это, конечно, предположение, но интересно, что в селении Фалхан самый крупный склеп с двухскатной крышей предназначался для погребений приезжих — жителей других, не местных фамилий.

В предгорьях и там, где не было хорошего строительного камня, склепы заменяли искусственные пещеры. Они имеют ровный пол, ниши, «сводчатые» потолки, а некоторые даже состоят из двух камер. Такие пещеры были обнаружены у селений Шатой, Бамут, Закан-Юрт и в других местах. В горных районах, где среди скал много естественных гротов, использовали и их, для этого только сбивали лишние выступы на потолках, подправляли пол и дополняли стены кладкой. Такие могилы можно видеть по дороге к озеру Галанчожа-Ами.

Возникновение склепов как особого вида усыпальниц часто объясняют малоземельем. Иначе говоря, нехватка удобных площадей для земледелия привела к созданию погребальных сооружений, не занимающих много места. Это не совсем так, если учесть наличие подземных и полуподземных склепов. Вероятно, горцы стремились поместить всех своих предков под крышей одного «общего дома». Могло сказаться и стремление полностью сохранить останки умерших. Только в таком случае ушедшие могли сохранять связь с живыми и влиять на их благополучие (в горских сказках встречается пожелание не ломать и сохранять кости убитых животных, тогда их поголовье не уменьшится, что обеспечит благоденствие людям²³).

Изучение склепов у селения Эгикал, имевших полки и перекрытых обломками скал, наличие в них вещей эпохи бронзы (II тысячелетие до н. э.) позволяют утверждать их длительную эволюцию и местное происхождение.

С течением времени из склепов выделяются особые постройки, которые можно назвать мавзолеями. Они служили для индивидуальных захоронений и могли возникнуть у вайнахов довольно рано, хотя традиционно их связывают с проникновением на Кавказ мусульманской обрядности²⁴. В Чечено-Ингушетии мавзолеи хорошо изучены в районе селений Цеча-Ахк, Каратхо, Терте. Особенно интересен тот, что у селения Тарш, имеющий округло-цилиндрическую форму, похожую на приостренную часть яйца. Через

---

²² См.: Крупной В. И. Средневековая Ингушетия. — М., 1971. — С. 203.

²³ См.: Марковин В. И. О возникновении склеповых построек на Северном Кавказе // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. — М., 1978.

²⁴ См.: Даутова Р. А. О ранней группе мавзолеев Северного Кавказа // Новые материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. — Грозный, 1983.

лаз в нижней части можно попасть в лож-нокупольное помещение с нишами. Ниже уровня пола находится могильное углубление из камней, закрытое плитами. В нем находились два деревянных гроба, вероятно это была семейная пара. При них имелся обычный набор вооружения и украшений, характерный для XVII—XVIII веков. Обычно в мавзолеях хоронили знатных людей. Видимо, в Ингушетии к указанному времени уже выделялись сильные феодализирующиеся фамилии. Такой же процесс происходил и в среде чеченцев.

Туристы обычно посещают мавзолей Борга-Каш у селения Плиево. Название мавзолея можно перевести как «Могила Боргана», а слово «борган» (барагъан, баргъан) как «подвижные люди». Мавзолей представляет собой довольно правильный куб с полушарным куполом. Перед входом устроен стрельчатой формы притвор. Прямоугольный вход ведет в своеобразную крипту²⁵, увенчанную сферой купола и украшенную сдвоенными пилястрами и стрельчатыми арками. Интерьер должен был создавать впечатление отрешенности от всего земного. Мавзолей построен в 1405—1406 годах для Бек-Султана — представителя ногайской знати. Путешественники XVIII века видели в цокольной части постройки гробы с останками Бек-Султана и еще каких-то лиц.

Борга-Каш не имеет прямого отношения к вайнахам, он лишь свидетельствует о сложности исторических процессов, происходивших на территории современных республик. Правда, некоторое время он почитался ингушским населением как святилище. Считалось, что в нем погребены нарты — эпические герои горцев. Подобные факты нужно расценивать как стремление народа по-своему осмыслить и объяснить возникновение загадочного сооружения.

Мавзолей Борга-Каш построен в традициях мусульманской погребальной архитектуры и значительного влияния на зодчество вайнахов иметь не мог.

С усилением проповеди ислама, начиная с XVII века, в местных горах резко меняется обряд похорон. Теперь уже все реже строят новые склепы, и семьи, принявшие мусульманство, перестают пользоваться ими для погребения умерших родственников. Это не значит, что прерывается связь с прошлым, с предками. По-прежнему лежащим в склепах приносят дары, к ним обращаются с просьбами, и в нишах сиелингов время от времени мерцает огонек свечей. Предки святы! Этот закон вайнахи никогда не забывали. Лишь в наше нигилистическое время все более зарастают тропы в «солнечных городках», и редко можно увидеть у каша согбенного человека, навестившего прах своего родича.

Ислам принес индивидуальный обряд захоронения. Умершего, обернутого в белый саван, приносили на специальных носилках и укладывали в вырытую могилу. Яму ориентировали с запада на восток, в южной стене делали подбой (лахът). В него и клали покойника в вытянутом положении, головой на запад. Он слегка повернут на правый бок, так что лицо обращено на юг. Затем подбой прикрывали косо поставленными плитами или досками (упха), яму засыпали землей и сверху водружали стелу — чурт. «Человек принадлежит Богу и к Нему должен вернуться» — так учит Коран. Умерший чист, уста и уши у него замкнуты, а душа предуготовлена следовать тем путем, который уже со дня рождения был предначертан ему Богом.

---

²⁵ Крипта — подземный или полуподземный склеп, предназначенный для захоронения знатного человека.

В Чечне и Ингушетии можно проследить смену «языческой» обрядности на мусульманскую и найти примеры их сочетания в переходный период. В местечке Пакоч (район Итум-Кале) обнаружен чурт с петроглифом, изображающим распростертого человека, спираль, солнечный знак и лук. Под стелой находилось склеповидное сооружение, сложенное из камней, а уже ниже под ним — могила с подбоем. Интересно, что на верхнем углу стелы читается выбитое арабскими буквами имя «Мухаммад». Можно предположить, что этот погребенный являлся новообращенным из язычников, а среда, в которой он жил, обладала своеобразным «двоеверием».

«Двоеверие» — закономерная фаза в медленной смене довольно аморфных старых верований новой мусульманской религией. В соперничестве язычества и мусульманства победителем стал ислам. В этом большую роль сыграла строгая целостность и завершенность его философской системы, в которой, очевидно, и заключена вероисповедная привлекательность мусульманства для многих миллионов жителей мира. Чечня и Ингушетия здесь не исключение.

Мусульманство сильно изменило представление людей о загробном мире. Аллах, единый и единственный, милостивый и милосердный, создавший Мировой разум, явился первопричиной в возникновении небес, земли и всего, населяющего ее. Человек, душой и телом подобный ангелам, относительно волен в своих поступках, хотя они предопределены Богом. Но в Судный день судьба души умершего будет оценена мерой содеянного при жизни. При этом души праведников, соединяясь друг с другом, получают возможность постичь радости Великого воскресения. В отличие от них, души неверных рассыплются в прах. В исламе, как и во многих других вероучениях, воплотилась мечта человека о бессмертии. Отсюда и строгая ритуальная практика во время похорон. Однако сохранение языческих пережитков характерно для многих религий и наличие их у верующих вайнахов не должно удивлять.

В стране вайнахов нередко можно видеть антропоморфные памятники, напоминающие фигуру человека с распростертыми руками, что делает их похожими на крест. Когда в 1886 году В. Ф. Миллер увидел такую стелу у селения Нихалой, он посчитал ее за знак былого христианства и не оставлял эту мысль долгие годы. Близкие по форме «кресты» известны в селениях Химой, Макажой, Памятой, Мужичи, Верды и в других местах. Раскопки под некоторыми из них дали характерную картину мусульманских захоронений — с подбоем, плитами, прикрывающими его, и т. д.

Видимо, распространению обычных мусульманских стел предшествовал период, представленный рядом грубо оббитых памятников в виде крестообразных изваяний, иногда украшенных петроглифами. Такова стела эла Халча, стоявшая в местечке Тундухой (общество Чаберлой) и заботливо украшенная целым набором крестов и солнечных знаков (ныне в историко-краеведческом музее Грозного). Халча известен в народе как воитель против даннических повинностей, за что и получил почетную приставку «эла» (равносильную русскому «князь»). Жил он в XVII веке, могила его неизвестна, и данная стела (кенотаф) была поставлена лишь в память о нем. Имеются крестообразные чурты с изображением лица человека (селения Джерах и Фуртоуг), в виде голов животных (у селения Химой). Все это дань прошлому язычеству.

В районе озера Кезеной-Ам (селения Хой, Макажой и другие) на границе с Дагестаном, откуда более всего могла идти проповедь ислама, возвышаются склеповидные постройки, сложенные насухо. Очевидно, почти до самого последнего времени чеченцы продолжали воздвигать памятники, которые в миниатюре были схожи с массивными усыпальницами городов мертвых. В некоторые из них вделаны

плиты с эпитафиями на арабском языке. Здесь же можно увидеть традиционный для Чечни петроглиф геометрических очертаний, выбитый на арочном монолите, завершающем сооружение. И среди этих псевдосклепов высятся настоящие чурты.

Надмогильные стелы по форме довольно разнообразны и имеют свою символику: если изображено подобие головы человека — здесь похоронен мужчина, если вокруг «головы» выбит венок — это могила хаджи (человека, побывавшего в святых для мусульманина местах, прежде всего в Мекке). Покатые, без «головы», стелы — женские. Все чурты украшают не только виртуозно выбитая надпись и затейливая вязь орнамента, но и такие детали, как изображение оружия и газырей (нагрудных патронташей) на мужских стелах и различные украшения соответственно на женских. Стелы часто расписаны красками. Колорит их гармоничен и производит впечатление хорошо продуманного сочетания красок. Многие чурты снабжены своеобразными навесами в виде крыши — от дождя и снега.

Старые кладбища заставляют любого путника вспомнить о своих предках, соразмерить уже сделанное с тем, что еще можно успеть совершить. Они приносят душе покой и легкую, очищающую грусть. Это очень помогает жить в наше стремительно изменчивое время.

129. Подземные и полуподземные склеповые усыпальницы Шоанского могильника. XIII—XVI вв.

130. Склеповый комплекс на Шоанском некрополе (Мохде). XIII—XVIII вв.

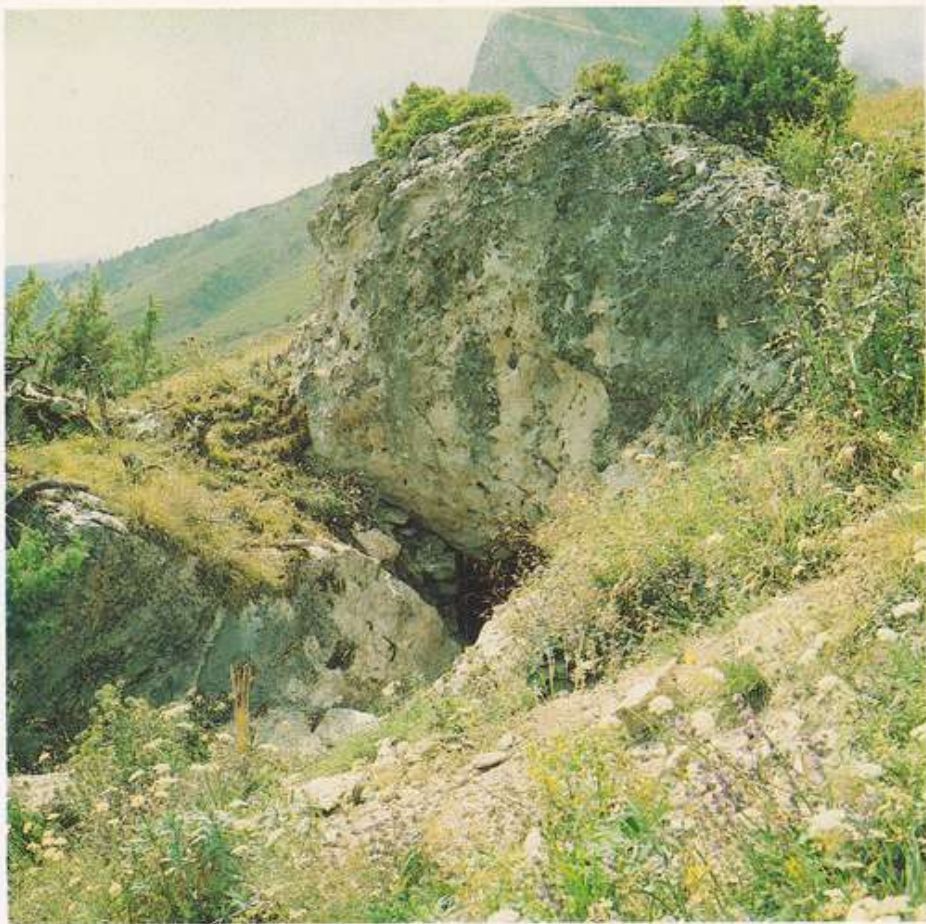
131. Лаз-вход в подземный склеп Шоанского могильника. XIV в.

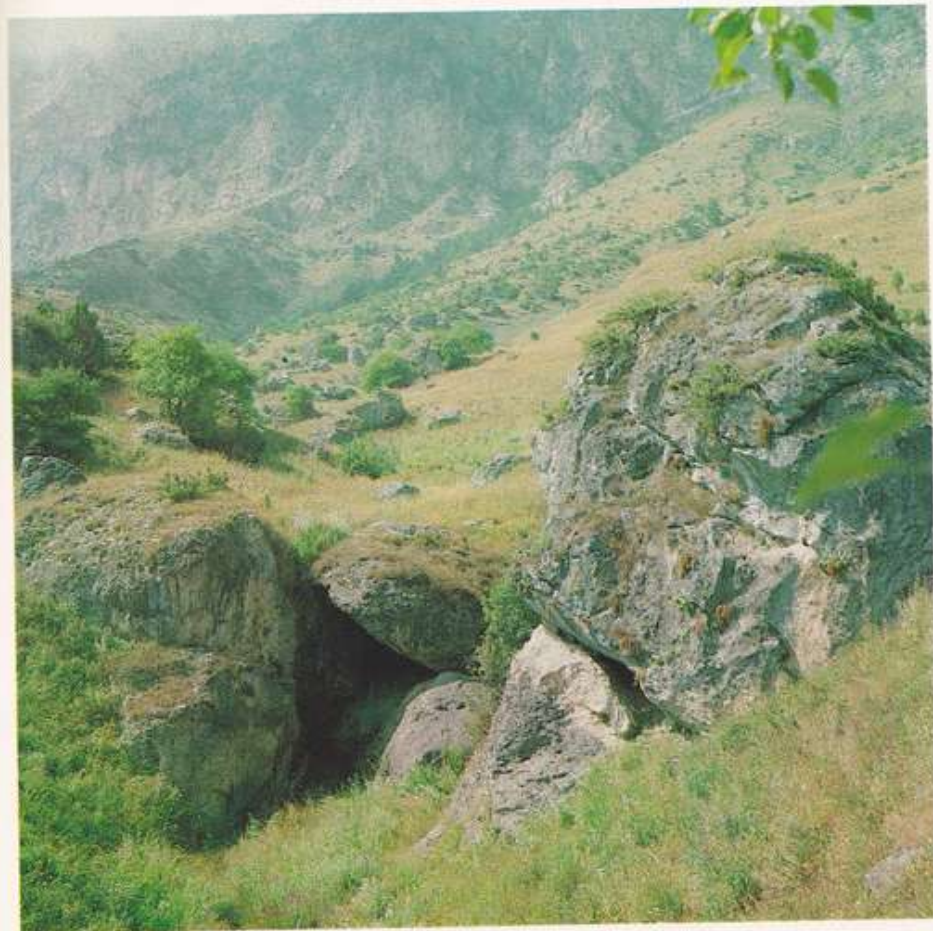
132. Кладка полуподземного склепа у селения Кели. XIV—XV вв.

133. Ущелье реки Чанты-Аргун

134. Селение Кели
Пещерные захоронения под скалой. XVI—
XVIII вв. (?)

135. Селение Кели
Вход в пещерные захоронения

136. Майсты
Город мертвых
Рисунок В. И. Марковина по фотографии
Б. Плечке, опубликованной в 1929 г.

137. Район озера Галанчо-Ами
Захоронения в скалах. XVI—XVIII вв. (?)

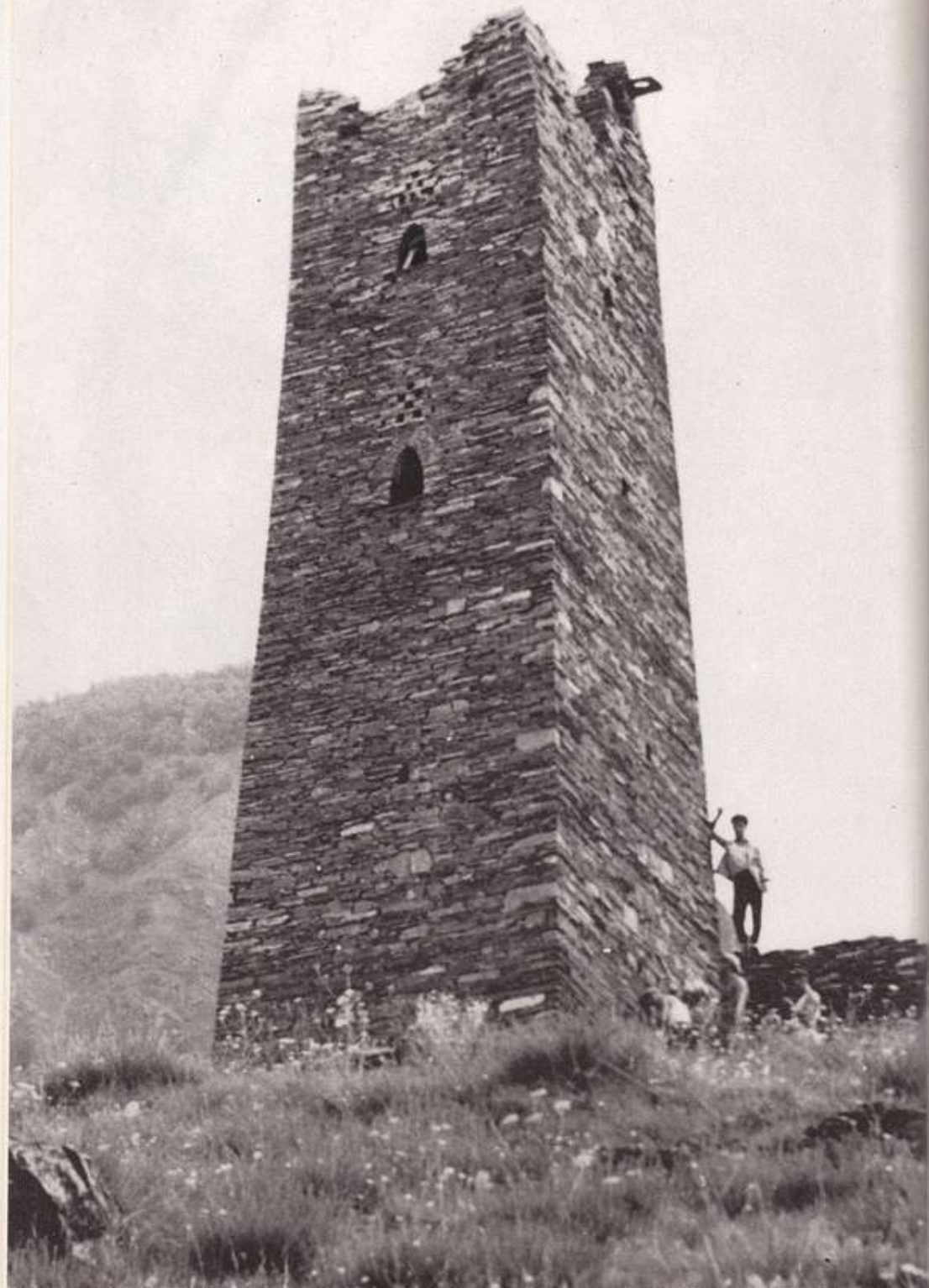

138. Селение Кели
Крестовидная погребальная стела. XVIII в.

139. Цой-Педе (Малхиста)
Группа склеповых сооружений. XVI—XVII вв.
Фото 1960 г.

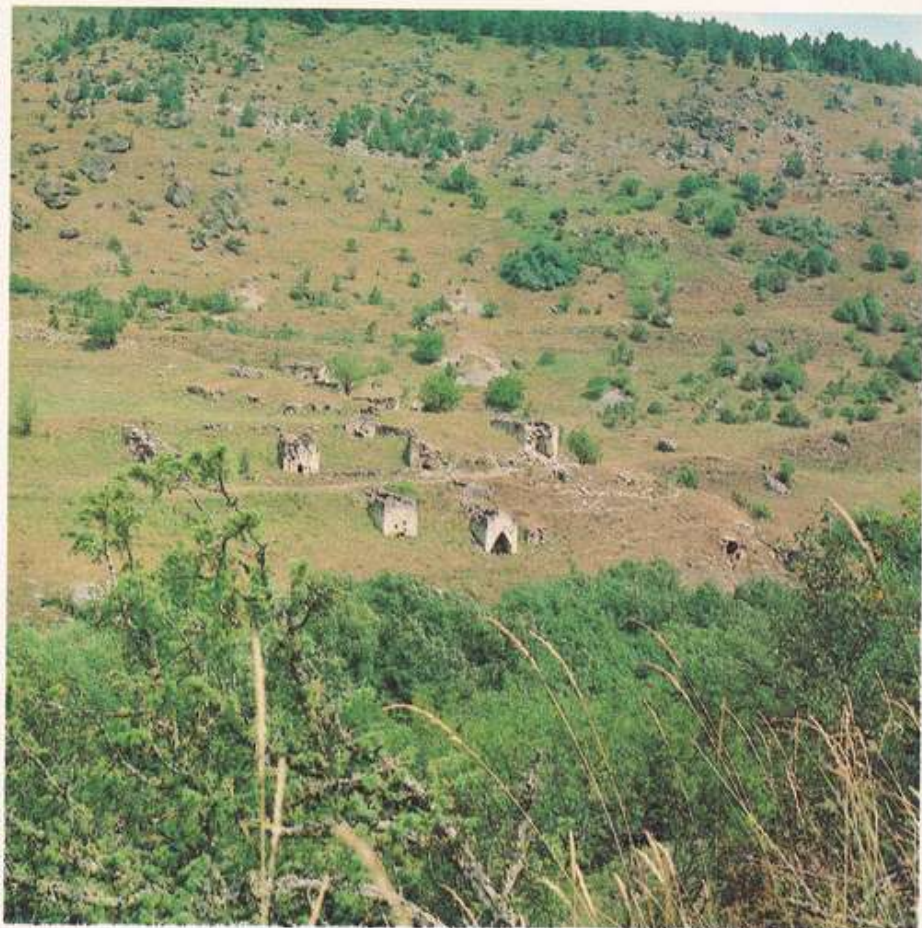
140. Цой-Педе (Малхиста)
Боевая башня
Фото 1960 г.

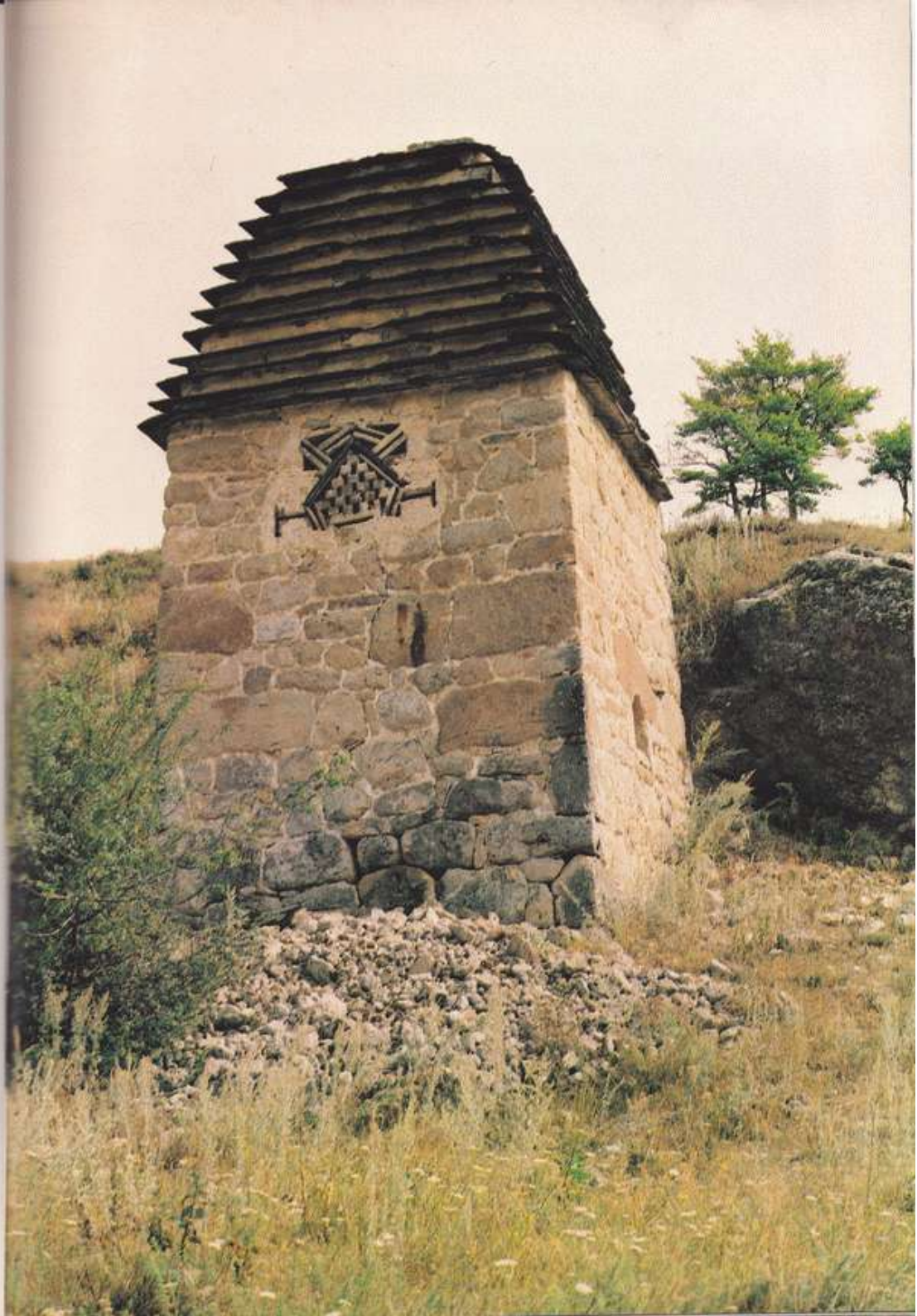
141. В. И. Марковин
Туман в горах. Цой-Педе. 1979.
Картон, масло. 48×33 см.
Чечено-Ингушский объединенный государствен-
ный музей. Грозный

142. Селение Вонушки (Бирг)
Округлый мавзолей и столпообразное святили-
ще. XVII—XVIII вв.

143. Селение Эгикал
Город мертвых. XV—XVIII вв.

144. Селение Эгикал
Башнеобразный склеп с пирамидально-ступенчатой кровлей. XV—XVII вв.

145. Селение Эгикал
Декор башнеобразного склепа

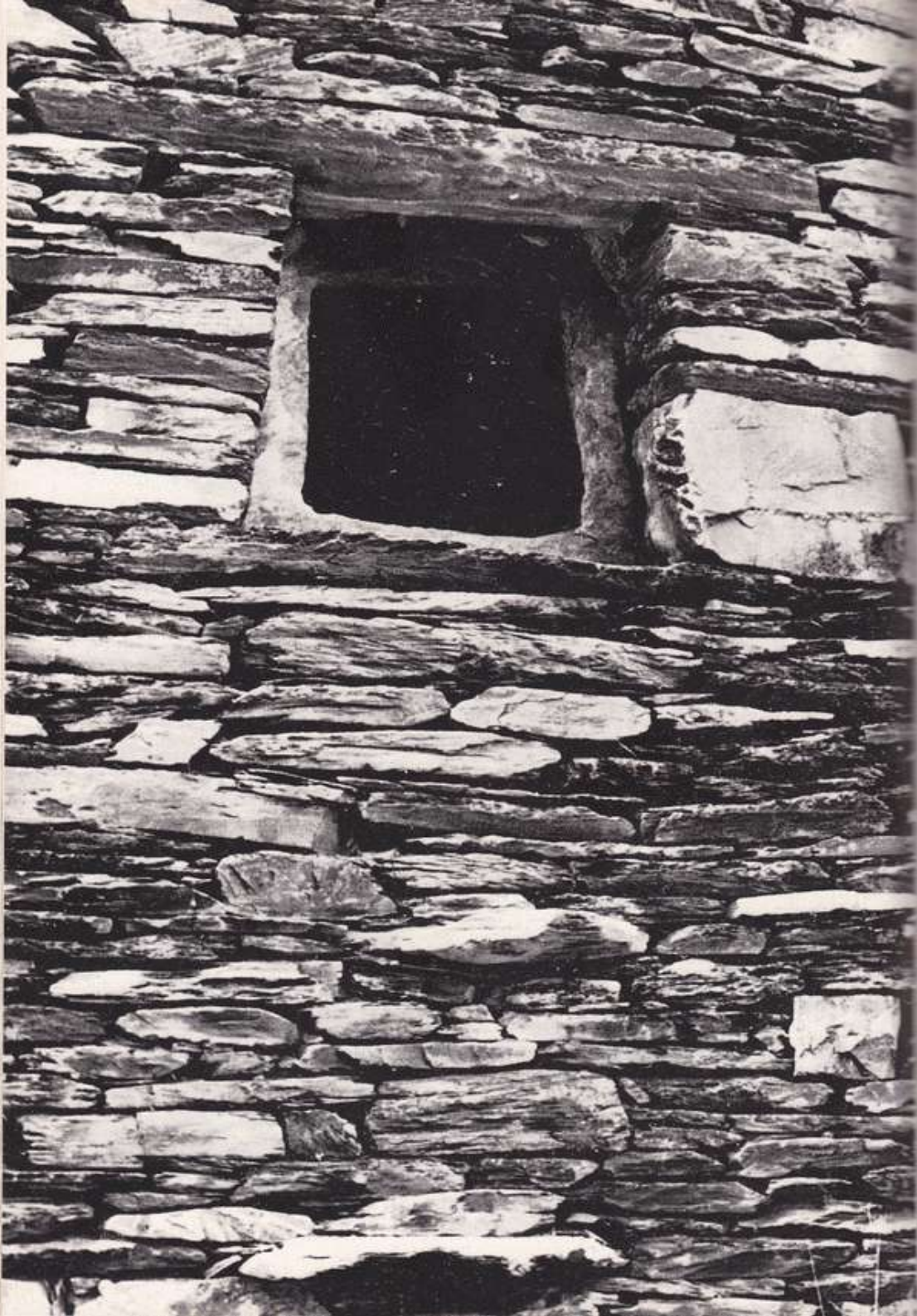
146. Селение Верхний Кокадой
Вход в полуподземный склеп. XIII—XV вв.
Фото 1962 г.

147. Селение Эгикал
Наземный склеп с притвором. XV—XVII вв.

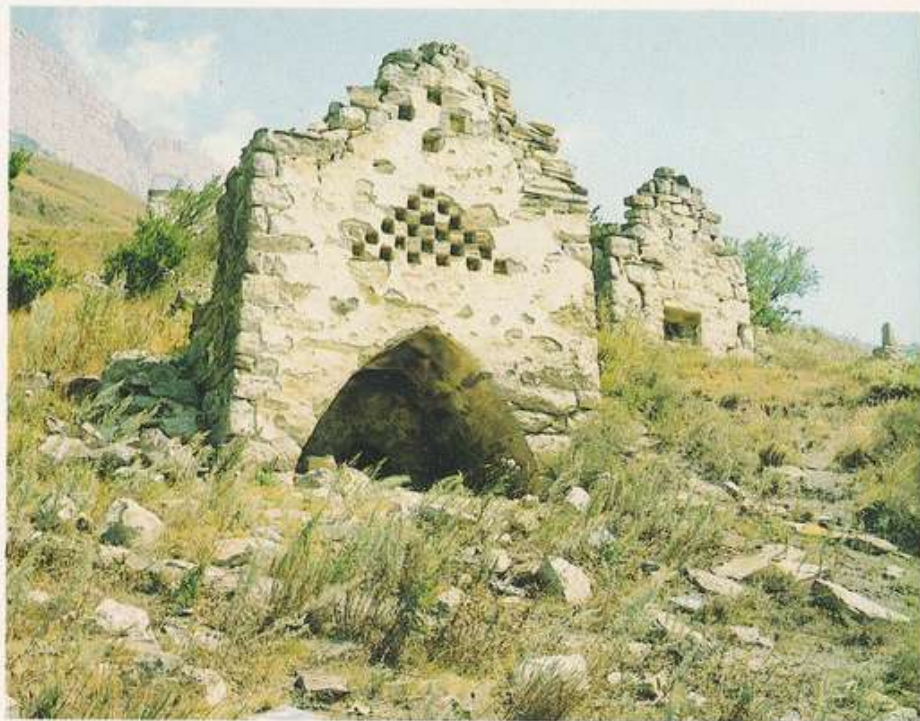

148. Селение Эгикал
Башнеобразный склеп с плоской кровлей.
XIV—XVII вв.

150. Селение Таргим
Некрополь из «солнечных» могил (склепов).
XVI—XVII вв.

149. Цой-Педе (Малхиста)
Вход в наземный склеп. XVI—XVII вв.
Фото 1960 г.

151. Селение Таргим
Наземные склепы в городе мертвых. XVI—
XVII вв.

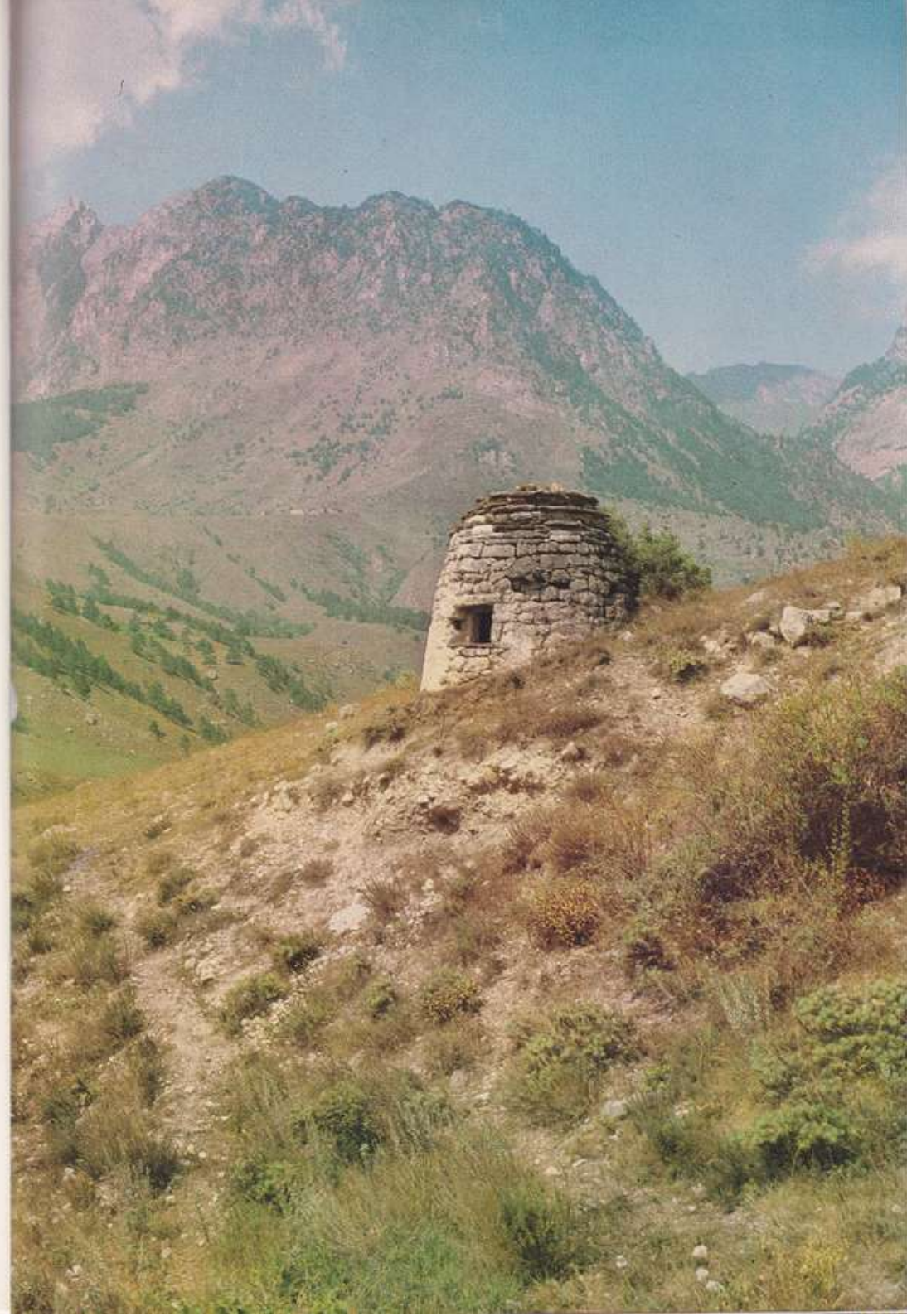
153. Селение Таргим
Башнеобразный склеп в городе мертвых.
XVI—XVII вв.

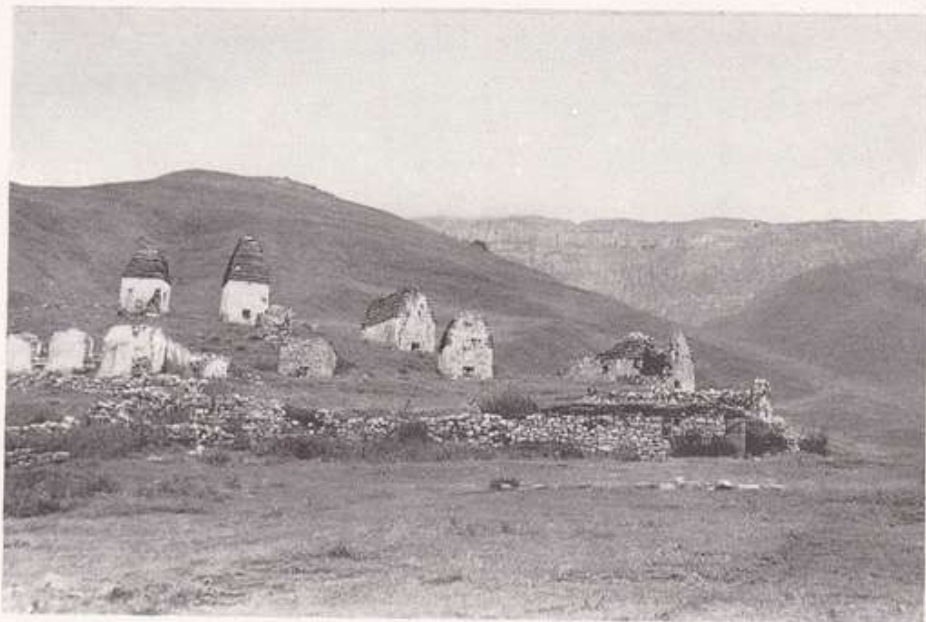

152. Ассинская котловина
Наземный двухэтажный склеп. XV—XVII вв.

154. Селение Таргим
Округлый мавзолей с купольно-ступенчатой
крышей. XVI—XVII вв. (?)

155. Селение Фалхан
Склепы города мертвых. XVI—XVIII вв.
Фото 1966 г.

156. Селение Хяни
Лаз и выступающая плита для траурного флага
в наземном склепе

157. Селение Хяни
Руины наземных склепов

158. Селение Хамхи
Наземный склеп с двухскатно-ступенчатой
кровлей. XVII—XVIII вв.

160. Селение Цизды
Башнеобразный склеп с зубцами на кровле.▷
XVII—XVIII вв.

159. Селение Хамхи
Сидение поминальной камеры склепа с петроглифическими знаками,
XVI—XVII вв. Общий вид и деталь

161. Селение Цизды
Наземный склеп с двухскатной кровлей

162. Селение Цизды
Наземный склеп с притвором и изображением креста-годеофы. XVI—XVII вв.

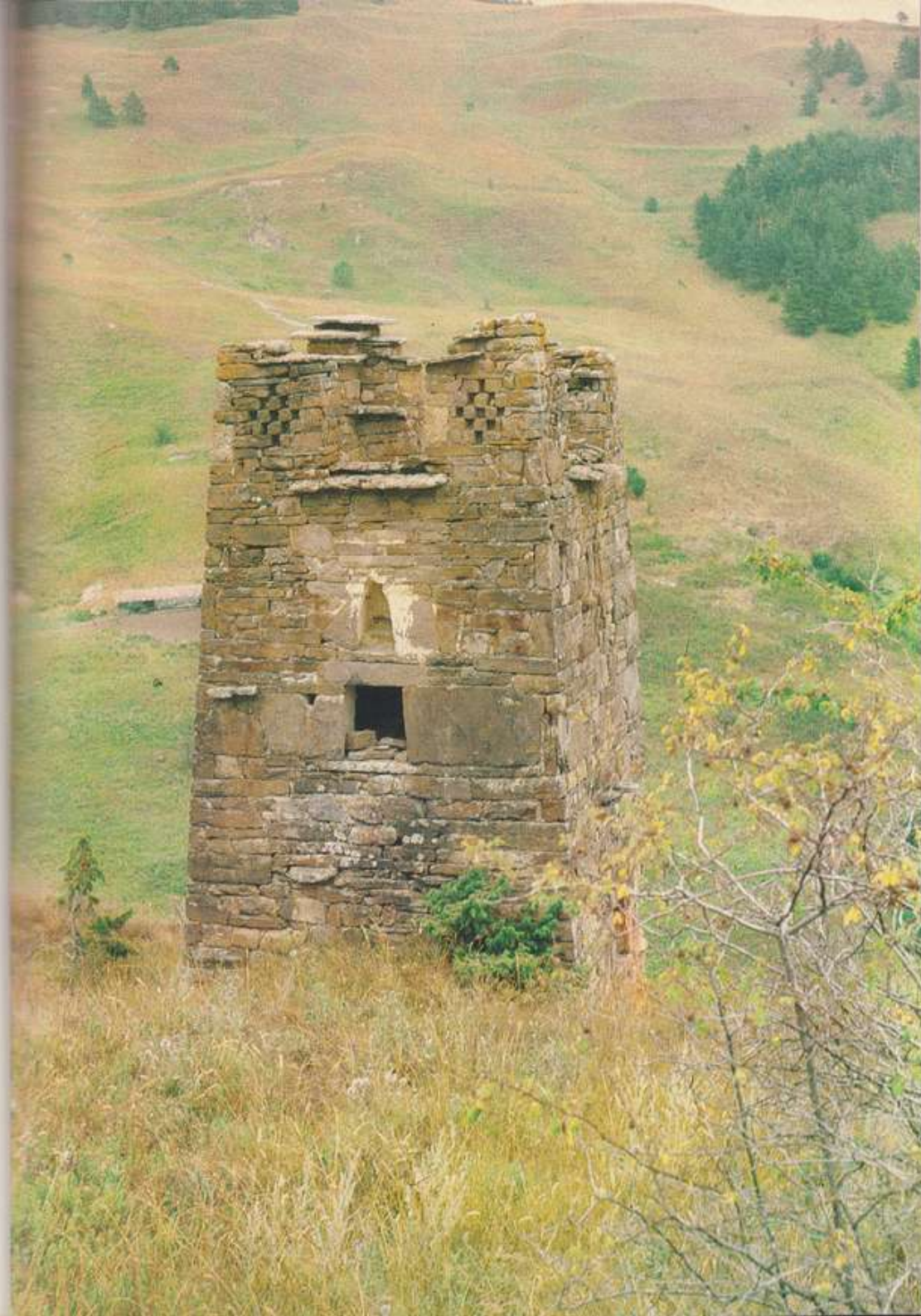

163. Селение Цизды
Мавзолей. XVIII в.

164. Селение Мяшки
Наземный склеп с поминальной камерой.
XVI—XVII вв.

165. Селение Цизды
Башнеобразный склеп. XVII—XVIII вв.

166. Селение Лялах
Наземный склеп с двухскатно-ступенчатой
кровлей. XVI—XVII вв.

167. Селение Лялах
Внутренняя часть склепа. Видны ложный свод и
каменные полки

168. Селение Лялах
Башнеобразный склеп с плоской кровлей.
XVI—XVII вв.

169. Местность Мизир-Кала
Склеповая постройка на скале. XVI—XVII вв.

170. Селение Хамхи
Руины склепа с поминальной камерой.
XVI—XVII вв.

171. Селение Лежги
Крестовидное углубление на фасаде башнеобразного склепа. XVI в.

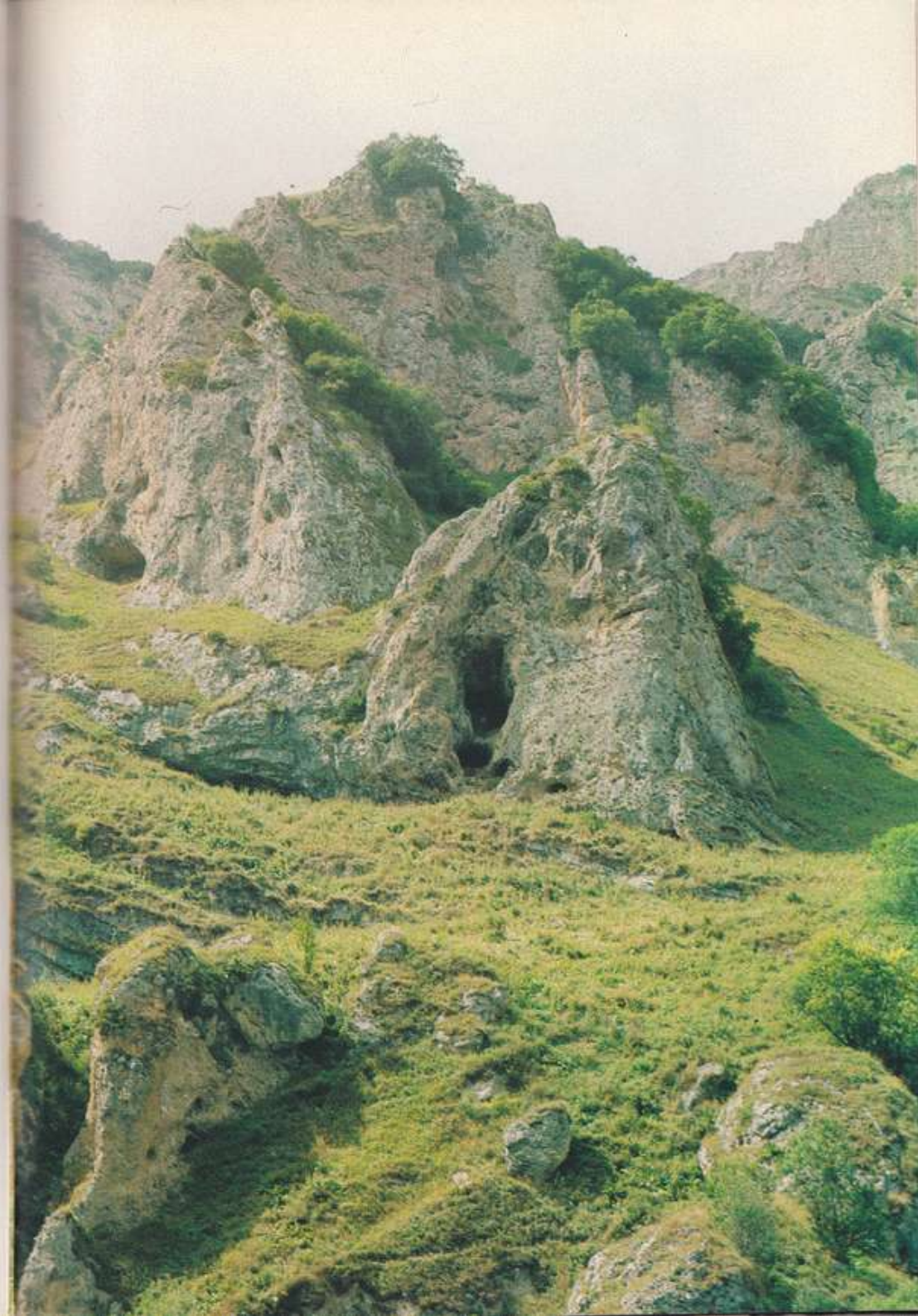

172. Селение Эрзи
Округлый мавзолей с гуртами. XVIII в.

173. Селение Эгикал
Склеповые постройки эпохи бронзы.
Вторая половина II тысячелетия до н. э.

174. Селение Вилах
Пещерный некрополь. XIII—XV вв.

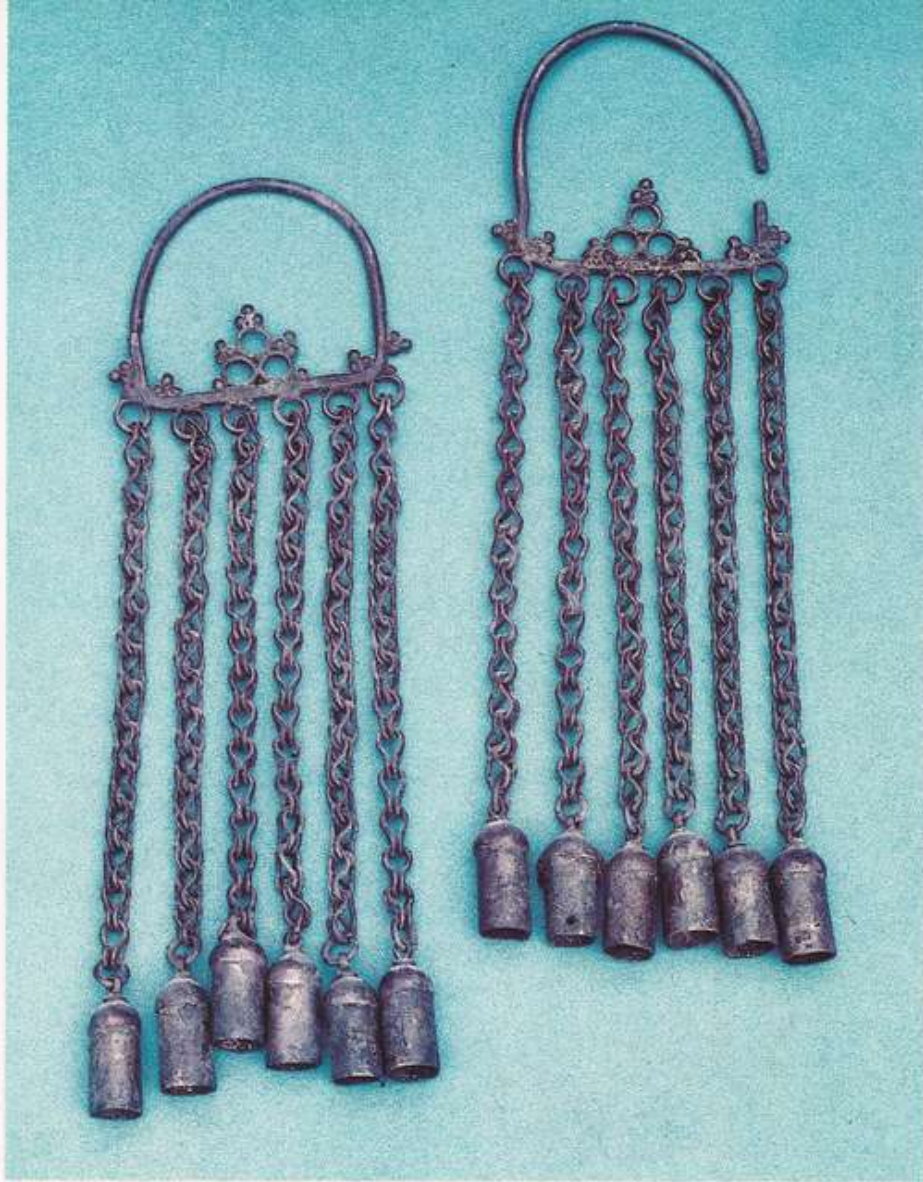

175. Предметы быта из погребальных склепов вайнахов. XVI—XVII вв. *Дерево*
Чечено-Ингушский объединенный государственный музей, Грозный

176. Женские украшения (серьги, бусы и височная подвеска),
найденные в склепах Ингушетии XIV—XVIII вв.
Чечено-Ингушский объединенный государственный музей, Грозный

177. Бронзовые височные подвески или серьги, найденные в склепе Чечено-Ингушский объединенный государственный музей, Грозный

178. Головной убор ингушских женщин «курхарс». XVI—XVIII вв. Найден в склепе селения Верхний Оздик Чечено-Ингушский объединенный государственный музей, Грозный

179. Детская верхняя одежда из склепов селений Пялинг и Цори. XVII—XVIII вв. Чечено-Ингушский объединенный государственный музей, Грозный

180. Сабли и щит вайнаха. XVI—XVIII вв. Чечено-Ингушский объединенный государственный музей, Грозный

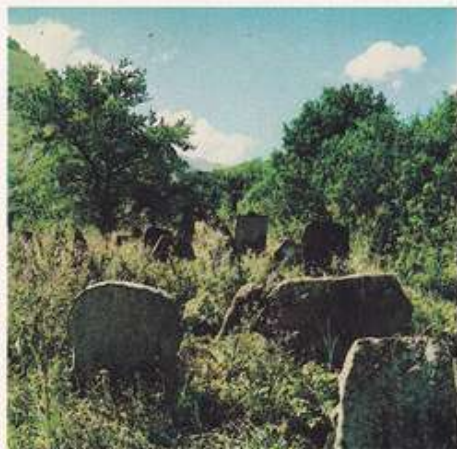
181. Окрестности селения Плиево
Мавзолей Борга-Каш. 1405—1406 гг.

182. Купол мавзолея Борга-Каш
Внутренний вид

183. Окрестности селения Плиево
Мавзолей Борга-Каш. 1405—1406 гг.
Вход и деталь интерьера

184. Раннемусульманское кладбище близ селения Химой

185. Селение Химой
Надмогильная стела (чурт). XVIII в.

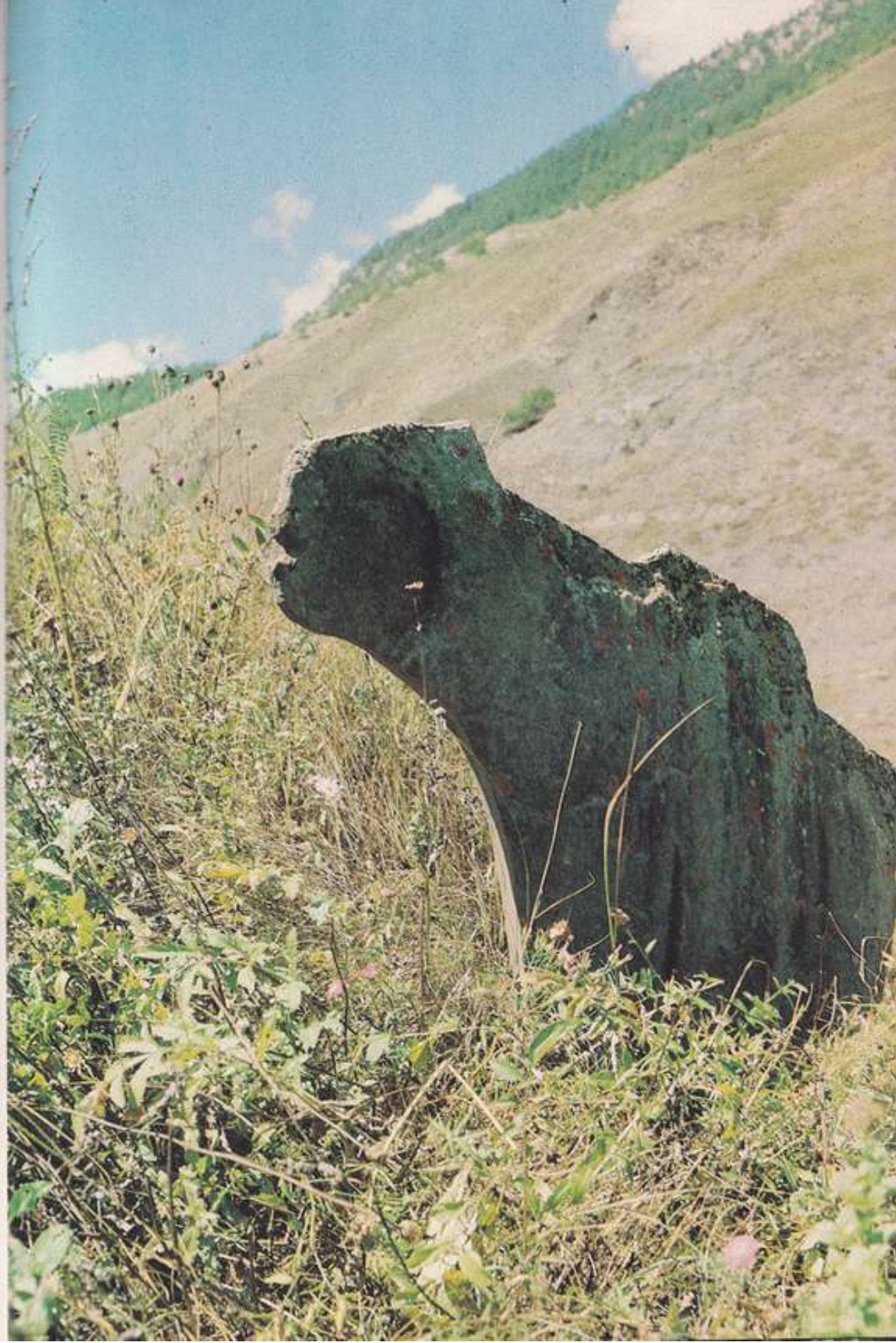

186. Селение Химой
Крестовидная надмогильная стела. XVIII в.

187. Селение Химой
Раннемусульманский надмогильный памятник
столпообразной формы. XVIII в.

188. Селение Химой
Надмогильная стела в виде головы животного.
XVIII в.

190. Каменная крестообразная стела у селения Карг. XVIII—XIX вв.

191. Кладбище возле высокогорного селения Хой

192. Селение Хой
Склеповидное надгробие с нишей для плиты с эпитафией. XIX в.

193. Селение Хой
Стела со склеповидным обрамлением. XIX в.

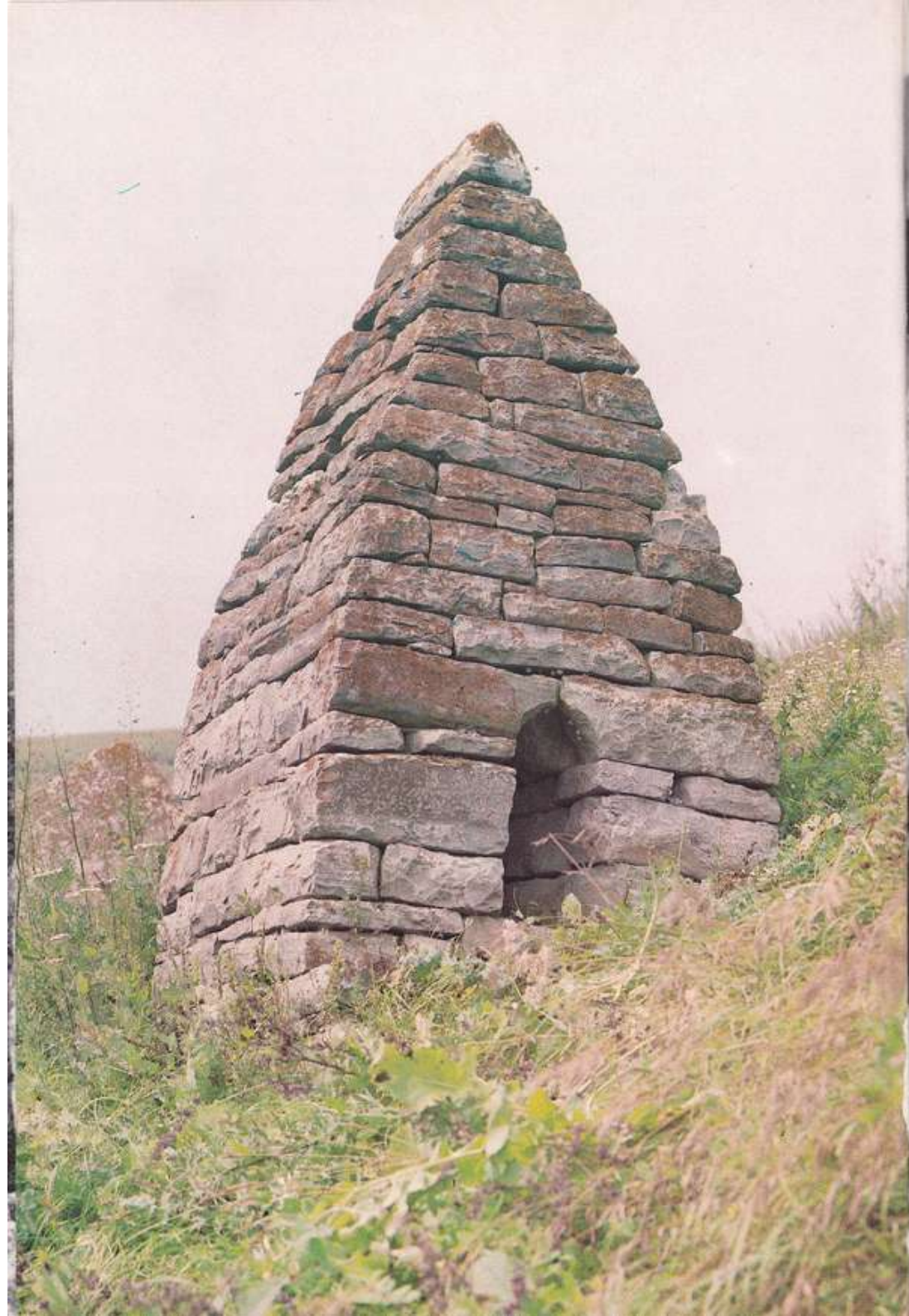
194. Селение Макажой
Столпообразный надмогильный памятник. XIX в.

195. Селение Хой
Женская надмогильная стела с изображением украшений. XIX в. Фото 1964 г.

196. Селение Макажой
Надмогильная стела. XX в.

189. Селение Хой
Надгробная стела в склеповидном обрамлении. XIX в.
Фото 1964 г.

197. Селение Агишты
Надмогильная стела с навесом. XX в.
Фото 1964 г.

Искусство и архитектура вайнахов, вероятно, не могут оставить равнодушным любого человека. В них навсегда запечатлено прошлое народа, полное тревог, героических усилий выстоять и сохранить свое национальное достоинство и культуру.

Если рассматривать архитектуру вайнахов в целом, то лишь на первый взгляд она покажется довольно однообразной. Однако в ней можно выделить отдельные районы, полные особого, местного своеобразия. Так, в западной, собственно ингушской части страны боевые башни особенно стройны и величественны, в центральной (у озера Галанчож-Ами, в Майсты, Малхиста) — башенные постройки выглядят более приземленными и, наконец, на востоке (у озера Кезеной-Ам, по ущелью Чанты-Аргуна) чаще можно видеть боевые башни с плоскими кровлями. Значит, местные зодчие при единстве утилитарных требований к создаваемым постройкам умели придать им своеобразие, характерное для отдельных частей Чечни и Ингушетии.

Традиционная архитектура вайнахов, как и искусство в целом, никогда не развивалась в полной изоляции от соседних народов. Рядом со страной вайнахов издавна жили прекрасные каменщики и искусные мастера в Грузии, Дагестане, Осетии. Успехи одних в том или ином деле вскоре воспринимались другими. Вот и можно видеть в районе озера Кезеной-Ам полуподземные постройки чеченцев с множеством арок, а в ближайших районах Дагестана ступенчатую кладку на некоторых хозяйственных постройках. Мастерство вайнахов в возведении боевых башен было настолько общепризнанным, что элементы их архитектуры можно обнаружить в соседней Осетии. Есть сведения, что здесь иногда работали наемные строители из ингушей. Но как бы ни были взаимосвязаны соседствующие народы, каждый из них создал нечто свое в области архитектуры и искусства. Так, только в стране вайнахов можно видеть башни со ступенчатопирамидальной кровлей с венчающим ее каменным шишаком, жилые дома башенного типа с опорным столбом, поддерживающим межэтажные перекрытия. Поэтому, если вам где-либо встретится подобная башня, можно с уверенностью говорить, что ее построили вайнахи. Другие особенности, присущие только культуре вайнахов, можно выделить и в других архитектурных деталях, в наборах петроглифических элементов и их сочетаниях.

Необходимо отметить, что эстетика горской архитектуры почти не изучена, все ограничивается лишь всеобщим восхищением ею. Например, мало кто обращает внимание на то, что мастер выбирал для строительства не только удобную и в военном отношении труднодоступную площадку, он еще думал о красоте данного места, стремился поставить башню так, чтобы главным фасадом, где наибольший набор декоративных элементов, она была обращена в сторону выхода из ущелья, откуда имеется наилучший обзор. Путник должен был увидеть ее издали, оценить боевые достоинства и красоту декора.

Трудно встретить среди вайнахских построек посредственное здание. Все сооружения гармоничны, прекрасно вписаны в пейзаж, ритмика частей (периодичность большого и малого как в одном здании, так и в комплексе их) способствует восприятию природы и созданного людьми как единого целого. Вот где школа для современных зодчих, создающих наши безликие города и села.

Несомненно, черты национального характера чеченцев и ингушей не могли бы сложиться вне величественного пейзажа своей родины с ее неприступными горами, башенными поселками, тихими некрополями и таинственными святилищами. И этот исторический пейзаж надо ценить и беречь, относиться к нему как к бесценному дару, полученному от предков.

ЛИТЕРАТУРА

- Алироев И. Ю. Нахские языки и культура.— Грозный, 1978. Ахриев Ч. Ингуши (их предания, верования и поверия)//Сб. сведений о кавказских горцах; Вып. VIII.— Тифлис, 1875.
- Б а с и л о в Н. В., К о б ы ч е в В. П. Галгай — страна башен//Сов. этнография.— 1971,— № 1.
- Бе р же А. П. Чечня и чеченцы.— Тифлис, 1859.
- Бунак В. В. Черепа из склепов горного Кавказа в сравнительно-антропологическом отношении//Сб. Музея антропологии и этнографии.— Т. XIV.—Л., 1953.
- Виноградов В. Б., Марковин В. И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР.— Грозный, 1966.
- Виноградов В. Б. Тайны минувших времен.— М.: Наука, 1966. Гольд штейн А. Ф. Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии.— М.: Наука, 1975.
- Далгат Б. У. Героический эпос чеченцев и ингушей.— М.: Наука, 1972.
- Даутова Р. А., Мамаев Х. М. Новые данные о средневековых подземных склепах Чечено-Ингушетии// Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии.— Грозный, 1985.
- Дахкильгов И. А. Исторический фольклор чеченцев и ингушей.— Грозный, 1978.
- И пполитов А. П. Этнографические очерки Аргунского округа//Сб. сведений о кавказских горцах; Вып. 1.— Тифлис, 1868.
- Исламов А. А. К вопросу о средневековых погребальных сооружениях в верховьях реки Чанты-Аргуна//Известия Чечено-Ингушского НИИ.— Т. III.— Вып. 1: (Статьи и материалы по истории народов Чечено-Ингушетии).— Грозный, 1963.
- Крупное Е. И. Средневековая Ингушетия.— М.: Наука, 1971. Лаудаев У. Чеченское племя//Сб. сведений о кавказских горцах; Вып. VI.— Тифлис, 1872.
- Марковин В. И. Чеченские средневековые памятники в верховьях реки Чанты-Аргуна//Древности Чечено-Ингушетии.— М., 1963.
- Марковин В. И. В ущельях Аргуна и Фортанги.— М.: Наука, 1965. Марковин В. И. В стране вайнахов.— М.: Искусство, 1969.
- Марк о вин В. И. Некоторые особенности средневековой ингушской архитектуры//Архит. наследство; Вып. 23.— М.: Стройиздат, 1975.
- Марковин В. И. Памятники зодчества в горной Чечне//Северный Кавказ в древности и в средние века.— М.: Наука, 1980. Миллер В. Ф. Терская область: Археологические экскурсии//Материалы по археологии Кавказа.— Т. 1.— М., 1888.

Мужухоев М. Б. Новые археологические памятники горной Ингушетии эпохи позднего средневековья//Археолого-этнографический сборник.— Т. IV.— Грозный, 1976.

Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии.— Грозный, 1977.

Мужухоев М. Б. Средневековые культовые памятники Центрального Кавказа.— Грозный, 1989.

Ошаев Х. Д. В сердце Чечни.— Грозный, 1928.

Ошаев Х. Д. Малхиста//Революция и горец (Ростов-на-Дону).— 1930.— № 8.

Ошаев М. Х. Рекогносцировочное описание памятников средневековья реки Терлой-Ахк (горная Чечня)//Археолого-этнографический сборник.— Т. I.— Грозный, 1966.

Робакидзе А. И. Жилища и поселения горных ингушей//Кавказский этнографический сборник.— Т. 2.— Тбилиси, 1968.

Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 годах.— Грозный, 1963.

Умаров С. Ц. Новые археологические памятники эпохи позднего средневековья в горной Чечено-Ингушетии//Археолого-этнографический сборник.— Т. II.— Грозный, 1968.

Умаров С. Ц. Архитектура позднесредневековой горной Чечено-Ингушетии//Памятники Отечества.— Кн. 2.— М., 1975. Чахкиев Д. Ю. Полуподземный склеп у селения Верхний Лейми (горная Ингушетия)//Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии.— Грозный, 1985.

Шамилев А. И. Пути проникновения ислама к чеченцам и ингушам// Известия Чечено-Ингушского НИИ.— Т. III.— Вып. I: (Статьи и материалы по истории народов Чечено-Ингушетии).— Грозный, 1963. Щерблыкин И. П. Искусство ингушей в памятниках материальной культуры//Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения; Вып. I.— Владикавказ, 1928. Яковлев Н. Ф. Ингуши,— М.; JL, 1925.

SUMMARY

The Land of Vainakhs uniting the territory of Chechnya and Ingushetia occupies the north-eastern part of the Caucasus. The word «Vainakh» means «our people». This is how the Chechens and Ingushi call themselves while their modern name comes from the settlements of Chechenaul and Angusht. In their national languages the names of the peoples sound like «Nokhcho» for Chechens and «Galgai» for Ingushi.

The Land of Vainakhs is situated high in the mountains, crossed by numerous canyons with vast hollows. Exactly in this part of the country—in the basin of the rivers Chanty-Argun, Sharo-Argun, Assa and Fortanga — and their tributaries the most noteworthy ancient masterpieces of local peoples are concentrated.

Vainakhs had no written language of their own before the early 19th century and so architectural monuments and archaeological excavations are the sole source of information for studying ancient and medieval history of the region, serving a stone chronicle of sorts of the Land of Vainakhs. Folklore alone can entice the data obtained through examination of the relics of the past.

The book is dealing with medieval architecture of Vainakhs, dwelling and combat towers, religious quarters and shrines, necropolises, petroglyphs, cut out on construction stones, utensils and other finds of archaeological excavations.

Towers built by Vainakhs can be divided into two groups, dwelling and combat ones. The towers intended for residence had two or three floors and were topped with a flat roofing. The floor was resting on a special stone pillar in the centre, built of stone blocks. As the fragments of cyclic constructions assembled from huge stones, found in settlements Doshkhakle, Kart, Tsecha- Akh, Orsoi, etc., testify, the first dwelling towers could be dated to the early period of the Middle Ages or even earlier. The craftsmanship of the builders reached its peak in the **13th-16th** centuries.

Combat towers were 30-metre high, with four or five floors and a square base approximately six metres wide. The propped ladder led to the second floor. The defenders fired at the enemy through special loop-holes and the top of the tower had mashikuls, overhanging balconies without a floor. Combat towers were usually crowned with a pyramid-shaped roofing built in steps and completing with a sharpened white stone. This type of towerconstruction flourished in the period from the 14th to the 17th century.

Structures combining the functions of a living and combat towers can be called semi-combat. They were smaller in size than the living quarters, but a bit wider than combat ones, and had loop-holes and mashikuls.

The towers used to be decorated with petrographs with a preferable subject of solar signs and the depiction of the author's hands, animals and the like. Good wishes and prayers were expressed in petroglyphs. Tower decoration was rather modest. Of special interest was the Golgotha-cross on the combat towers, serving a protection sign of sorts.

Sanctuaries, temples and mosques. A whole number of peculiar monuments, natural included, served for ritual services. Vainakhs chose mountains (Tsei-Lam), lakes (Galanchozh-Ami) and some species of plants, pear-tree in particular, for exercising rituals. Most primitive were pillar-shaped shrines, sielingi, not high, stone rectangular structures with a niche for candles. Sielingi were raised on the village outskirts and at the graveyards for protecting both the living and the dead. Shrines in the form of small houses topped with ridged stepped roofing, like Myatsil Sanctuary on the Mount of Mat- Lam near the town of Vladikavkaz are more famous. Such a large range of shrines belonging to Vainakhs testifies to a developed pantheon of gods and a complicated ritual system, including supreme God Dela, Goddess of Fertility Tusholi, phallic cults, etc. Praying was held in front of the shrines and domestic animals were sacrificed.

Beginning from the 11th — 12th century obvious attempts from Georgia to baptize local tribes became noticeable. The Church of Tkhaba-Erdu consecrated to St. Thomas in the Assa Valley, and some other churches intact primarily in Ingushetia, date approximately to that historical period.

Orientation to Islam especially intensified in the 18th—19th century and was governed, as a rule, by Daghestan. Tower-shaped mosques in the villages of Makazhoi, Khimoi and others can serve good example of contemporary clerical architecture.

Necropolises. Burial vaults or crypts remained from the pagan period in the history of Vainakhs. They were built either a bit deepening into the ground or half- underground and on the surface. The latter formed whole «towns of the dead» on the outskirts of the villages and reminded sanctuaries from the outside, with a dummy vault constructed of overlapping stones. The deceased were placed on special shelves in the crypts, in clothes and decorations and arms. As the excavation finds testify the burial vaults were used for several centuries running.

The general Islamic rituals established in burials with the further penetration of Islam inside the mountainous regions of Chechnya and Ingushetia. Stone stelae, churts, inscribed with prayers and epitaphs, began to be erected at the graves and more prosperous mountaineers were honoured with mausoleums after death. The Borg- ha-Kash Mausoleum dating to the 15th century and built for a Noghai prince, is a good example of these.

CAPTIONS FOR THE ALBUM «THE STONE CHRONICLES OF THE LAND OF VAINAKHS»

TOWERS

1. Alpine Lake Kezenoi-Am
2. Combat tower (cross-section, plan of the 2nd and 5th floors, details). Design by I. P. Shcheblykin, 1927
3. Dwelling tower at the Village of Verkhny Kokadoi. 16th—17th century. Measured by E. P. Khimin in 1960
4. Shcula Tower at the Village of Etkali (Tazbichi Gorge). 16th— 17th century. Measured by V. I. Markovin in 1960
5. Combat tower in the Village of Khaibakhoi. 16th — 17th century. Measured by V. I. Markovin in 1964
6. Upper part of the Dyore I Tower (Tazbichi Gorge). Photo of 1960
7. Upper part of the Dyore II Tower (Dyore-Akh, Tazbichi Gorge). Photo of 1960
8. Petroglyphs on towers:
I — the Village of Verkhny Kokadoi
2—7 — the Village of Pakoch
9. Tundukhoi (near the Lake Kezenoi-Am)

- Stele El Khalcha. Mid— 17th century. Now in the collection of the Checheno-Ingush United State Museum
10. Pakoch (canyon of the Chanty-Argun River)
Stele with petroglyphs (the name Mukhammad in Arab is in the upper part). 18th century. Photo of 1960
  11. Tsoi-Pede (Malkhista)
Petroglyph on the combat tower. 16th—17th century. Photo of 1960
  12. Complex of towers at the Mount of Tsei-Lam in Ingushetia
  13. Canyon of the Chanty-Argun River Tower-asylum at the Village of Ushkaloi. 17th century
  14. Canyon of the Chanty-Argun River in the mountains of Chechnya
  15. The Village of Kharachoi at the Khulhulau River
  16. The Village of Eghikal
  17. Canyon of the Sharo-Argun River
  18. Towers of the Village of Tsui. 16th—17th century
  19. Remnants of Cyclopien buildings dating to the early Middle Ages near the Village of Nizhny Leimi
  20. The Village of Nizhny Leimi
Masonry of the Cyclopien building from the early Middle Ages
  21. Tower Village of Eghikal
Dwelling and semi-combat towers are in the centre, combat tower — to the right. 15th —18th century
  22. Lyalakh, a village of the castle-like type. 16th — 18th century
  23. General view of the Village of Eghikal
  24. The Village of Sharoi with remnants of towers

25. The Village of Barkin. Buildings of the 17th—18th century
26. A group of towers near the Village of Verkhny Kokadoi
27. Dwelling tower in the Village of Verkhny Kokadoi. 16th—17th century. Photo of 1964
28. The Borough of Shchilkag (Tazbichi Gorge) Ruins of dwelling towers. 17th (?) century Design by V. I. Markovin, 1963
29. Tower Village of Khimoi Buildings of the 16th—18th century
30. Medieval dwelling quarters in the Village of Khimoi. 16th— 18th century.
31. The Village of Shoan
Window opening of a half-ruined dwelling tower (view from inside)
32. The Village of Tsui
Household niche in the wall of a dwelling tower
33. The Village of Eghikal. Second floor doorway of a dwelling tower
34. The Village of Lezhgni
Central supporting column (kogh) of a dwelling tower
35. The Village of Targhim
Remnants of the floors of a dwelling towers
36. Castle (ghalan) in the Village of Lezhghi. 16th—18th century
37. The Village of Eghikal Semi-combat towers. 15th—16th century
38. L. P. Shcheblykin (1884—1947) Towers in the Mountains. 1926

Oil on cardboard. 32X25 cm

From the collection of the Checheno-Ingush United State Museum

39. The Region of Mizir-Kala

Semi-combat tower with decorative masonry in the upper part. 16th—17th century

40. The Village of Tsui

Tower doorway with an overhanging mashikul

41. The Village of Eghikal

General view of a well-preserved semi-combat tower. 15th — 17th century

42. Semi-combat tower in the Region of Mizir-Kala. 16th — 17th century

43. Tower-asylum near the Village of Ushkaloi (Canyon of the Chanty-Argun River). 17th century

44. The Village of Verkhny Ozdik Towers of the 16th—18th century

45. Major tower complex in the Village of Erzi («Eagle»). 16th—18th century

46. The Village of Erzi

Combat tower (viov, biov). 17th—18th century

47. The Village of Pyaling

Castle complex. 16th—18th century

48. Towers in the Village of Haibahoi Lithograph in V. F. Miller's book, 1888

49. Tower-asylum of Maghoi-Jel (shepherd's tower) on the way to the Village of Lyalakh. 17th—18th century

50. The Village of Khamkhi Semi-combat tower. 15th—17th century

51. Shchula Tower near the Village of Etkali (Tazbichi Gorge). 16th—17th century.

Photo of 1960

52. Tazbichi Gorge

Combat Tower Dyore I before the restoration work. 16th—17th century. Photo of 1960

53. Dyore I Tower (interior) Corner-stones and niches Photo of 1960

54. Malkhiasta

A group of towers in the Meshikho River Gorge. 16th—17th century. Photo of 1964

55. Towers near the Village of Shatoi

Drawing by Dusterdick (from the book by A. P. Ippolitova, 1868)

56. Tazbichi Gorge

Towers Dyore I and II (Dyore-Akh). 16th—17th century

57. The Village of Khyani Towers. 16th — 18th century

58. The Village of Khyani Upper part of a combat tower

59. Combat tower near the Village of Khaskali. 17th century

60. Canyon of the Chanty-Argun River Combat tower of Ghuchan-Kale. 17th century

61. Castle in the Village of Verkhny Leimi. 17th—18th century

62. Ruins of a combat tower on the Kenokhoi-Akh. 16th—17th century. Photo of 1963

63. The Village of Verkhny Leimi

Upper part of a castle combat tower with the Golgotha-cross

64. The Village of Kart

Upper part of a combat tower with a mashikul

65. The Village of Meshi

View of a castle complex (two crypts are in the foreground). 16th—17th century Photo of the 1920s

66. Castle complex in the Village of Kart. 17 th century

67. Castle complex in the Village of Pyaling. Photo of 1928

68. Combat tower in the Village of Ozmi Photo of 1928

69. The Village of Khoi

Combat tower after the restoration of the 1970s

70. Towers in the Village of Pogho. 16th—17th century Photo of the 1920s

71. Straddling stone completing the roofing of a combat tower

72. The Village of Khimoi

Stylized picture of a ram's head on the wall of a dwelling tower

73. The Village of Khimoi

Petroglyphs on the arch corner stone of a dwelling tower. Petroglyphs on the arch corner of a dwelling tower. 16th—17th century

74. The Village of Sharoi

Stone with petroglyphs in the masonry of a dwelling tower. 16th—17th century

75. Dome-like vaulting of a combat tower with droves View from inside

76. The Village of Sharoi

Petroglyphs on the wall of a combat tower. 16th—17th century

77. The Village of Erzi

Loop-hole of a combat tower from inside

78. Castle Village of Vovnushki (Birgh) Buildings of the 16th—18th century

79. The Village of Vovnushki (Birgh) Towers. 16th—18th century

80. The Village of Vovnushki (Birgh) Combat tower in a castle complex. 17th century

81. The Village of Khamkhi

Dwelling tower with fragments of defence walls. 16th—17th century

82. Bronze Water-carrier from Basra (Iraq). 8th century. Found at the sanctuary of the Village of Erzi

83. Assinskaya hollow

Gagiyevs' castle complex. 16th—18th century

84. The Village of Khyani

Combat towers of the castle complex. 16th—18th century

85. The Village of Belkhan (Byalgin)

Combat tower with flat roofing. 15th—16th century (?)

86. View of the Lake Ghalanchozh-Ami

SANCTUARIES. TEMPLES AND MOSQUES

87. Myatsil Sanctuary on the Mount of Mat-Lam. 15th—16th century. Plan and cross-section

Measured by V. I. Markovin in 1966

88. Tkhaba-Erdy Temple

General view and western wall (after M. Engelgardt, 1811)

89. Tkhaba-Erdy Temple

Cross-section and eastern wall (after M. Engelgardt, 1811)

90. Siyeling, pillar-shaped sanctuary near the Village of Niy

91. The Village of Eghikal

Pillar-shaped sanctuary and round mausoleum. 15th—16th century

92. Myatsil Sanctuary on the Mount of Mat-Lam. 16th—17th century Photo of 1966

93. Cruciform sancluary near the Village of Verkliny Leimi. 14th—16th century

94. Sanctuary near the Village of Barkin. 16th century

95. V. I. Markovin

Sacred mountain near the Village of Maly Kharsenoi. 1966.

Oil on cardboard. 48X33 cm

From the Checheno-Ingush United State Museum

96. The Village of Khoi

Arched ceiling in the lower part of the living quarters. 17th—18th century

97. Delite Sanctuary (elghats) near the Village of Karl. 15th—16th century

98. The Village of Barkin Niche in the sanctuary wall

99. The Lillage of Kart

Delile Sanctuary. 15th—17th century Interior

100. The Village of Vilakh (in the vicinity of Lake Ghalanchozh-Ami) Stone figure of a woman (presumably Goddess Tusholi). 16th — 18th century (?)

101. Morch-Seli Sanctuary near the Village of Morch. 15th—16th century

102. The Village of Vilakh

Stone figure of a woman cut from the rock (presumably Goddess Tusholi). 16th—18th century (?)

103. Head of the Fertility Goddess Tusholi from the sanctuary of the Village of Kok. 16th—17th century

Wood

104. Phallic monument (Kyobyl khera) from the Village of Kok. 16th—17th century

105. Wooden goblet and silver plate. 17th—18th century Cult implements from the Erdzeli Sanctuary

106. Armaments from sanctuaries and crypts belonging to Vainakhs—arrow — and spear-heads and a safety ring. 13th — 15th century.

Nos. 103—106—from the Checheno-Ingush United State Museum

107. Albi-Erdy Temple near the Village of Targhim. 12th—13th century

108. Ousha-Sel Sanctuary near the Village of Targhim

109. Assinskoye Gorge Tkhaba-Erby Temple. 11th- 12th century Bas-relief on the western wall

110. Tkhaba-Erby Temple

Bas-relief tympanum on the western wall Lithograph from V. F. Miller's book, 1888

111. Tkhaba-Erby Temple.

Detail of the western wall tympanum: the church dome held by the ktitor in his hands

From the Checheno-Ingush United State Museum

112. Stone font in the altar

113. Window with a bas-relief decoration on the western wall of the temple

115. Tkhaba-Erdy Temple

Drawing from V. F. Miller's book, 1888

116. Detail of the stone carved decor

From the Checheno-Ingush United State Museum

117. Stone carved ornament from the Tkhaba-Erdy Temple

118. Detail of the stone carved decor from the Tkhaba-Erdy Temple. From the Checheno-Ingush United State Museum

119. The Village of Khimoi

Early Islamic mosque. 18th century

120. The Village of Khimoi Mosque doorway

121. The Village of Etkali

Mosque (mazhdigh) with a minareth in the form of a combat tower. 19th century

122. The Village of Tunduk

Decorative stone ring in the mosque wall. 19th century Photo of 1965

123. The Village of Tsontoroi

Epigraphic decor in the form of lions in the mosque wall. 19th century Photo of 1965

124. The Village of Makazhoi

Dwelling tower of the 17th—18th century, transformed into a mosque in the 19th century

125. In the Akkinskoye Gorge

NECROPOLISES

126. Ghalghai-Che Gorge

View of the Central Caucasian Ridge

127. Tsoi-Pede (Malkhista) Surface crypt. 16th — 17th century

Measured by V. I. Markovin and E. P. Khimin in 1960

128. Tsoi-Pede (Malkhista)

Surface crypt (with the back setting against the rock). 16th — 17th century

Measured by V. I. Markovin and E. P. Khimin in 1960

- 129. Underground and semi-underground crypt burial-vaults of the Shoan Sepulchre. 13th—16th century
- 130. Crypt complex in the Shoan necropolis (Mokhde). 13th—18th century
- 131. Manhole entrance into the underground crypt of the Shoan sepulchre. 14th century
- 132. Masonry of the semi-underground crypt near the Village of Keli. 14th—15th century
- 133. Canyon of the River Chanty-Argun
- 134. The Village of Keli

Burial cave under the rock. 16th — 18th century (?)

- 135. The Village of Keli Entrance into the burial cave
- 136. Maisty

The town of the dead

Drawing by V. I. Markovin from the photograph by B. Plechke, published in 1929

- 137. The area near Galanchozh-Ami Lake Rock burial-ground. 16th—18th century (?)
- 138. The Village of Keli Cross-shaped burial stele. 18th century
- 139. Tsoi-Pede (Malkhista)

A group of crypts. 16th—17th century Photo of 1960

- 140. Tsoi-Pede (Malkhista) Combat lower

Photo of 1960

- 141. V. I. Markovin

Fog in the Mountains. Tsoi-Pede. 1979

Oil on cardboard. 4SX33 an

From the Checheno-Ingush United State Museum

142. The Village of Vovnushki (Birgh)

Round mausoleum and pillar-shaped sanctuary. 17th—18th century

143. The Village of Eghikal

The town of the dead. 15th—18th century

144. The Village of Eghikal

Tower-shaped crypt with a pyramid-stepped roofing. 15th—17th century

145. The Village of Eghikal Decor of the tower-shaped crypt

146. The Village of Verkhny Kokadoi

Entrance into the semi-underground crypt. 13th—15th century Photo of 1962

147. The Village of Eghikal

Surface crypt with a chapel. 15th—17th century

148. The Village of Eghikal

Tower-shaped crypt with a flat roofing. 14th — 17th century

149. Tsoi-Pede (Malkhista)

Entrance into the surface crypt. 14th — 17th century Photo of 1960

150. The Village of Targhim

Necropolis from the «sunny» crypts. 16th—17th century

151. The Village of Targhim

Surface crypts in the town of the dead. 16th—17th century

152. The Assinskaya hollow

Surface two-storey crypt. 15th — 17th century

153. The Village of Targhim

Tower-shaped crypt in the town of the dead. 16th—17th century

154. The Village of Targhim

Round mausoleum with a dome-like stepped gable. 16th — 17th century (?)

155. The Village of Falkhan

Crypts in the town of the dead. 16th—18th century Photo of 1966

156. The Village of Khyani

Manhole and a projecting plate for a funeral flag in the surface crypt

157. The Village of Khyani Ruins of surface crypts

158. The Village of Khamkhi

Surface crypt with a gable stepped roof. 17th—18th century

159. The Village of Khamkhi

Seat in the crypt mourning chamber with petroglyphs. 16th—17th century General view and detail

160. The Village of Tszidy

Tower-shaped crypt with merlons on the gable. 17th—18th century

161. The Village of Tszidy Surface crypt with a gable roof

162. The Village of Tsziby

Surface crypt with a chapel and the Golgotha-cross. 16th—17th century

163. The Village of Tszidy Mausoleum. 18th century

164. The Village of Myashkhi

Surface crypt with a mourning chamber. 16th—17th century

165. The Village of Tszidy Tower-shaped crypt. 17th—18th century

166. The Village of Lyalakh

Surface crypt with a gable stepped roof. 16th—17th century

167. The Village of Lyalakh

Interior of the crypt. Dummy vault and stone shelves are visible

168. The Village of Lyalakh

Tower-shaped crypt with a flat roofing. 16th—17th century

169. The Region Mizir-Kala

Crypt on the rock. 16th—17th century

170. The Village of Khamkhi

Ruins of a crypt with a mourning chamber. 16th—17th century

171. The Village of Lezhghi

Cruciform niche of the facade of the tower-shaped crypt. 16th century

172. The Village of Erzi

Round mausoleum with droves. 18th century

173. The Village of Eghikal

Crypts of the Bronze Age. Second half of the II millennium B. C.

174. The Village of Vilakh

Cave necropolis. 13th — 15th century

175. Household utensils from Vainakhs' crypts. 16th—18th century Wood

From the Checheno-Ingush United State Museum

176. Female decoration (ear-rings, beads and pendants) found in Ingush crypts. 16th — 18th century

From the Checheno-Ingush United State Museum

177. Bronze pendants or ear-rings found in a crypt From the Checheno-Ingush United State Museum

178. Head-dress of Ingush women called «kur-khars». 16th—18th century Found in the crypt of the Village of Verkhny Ozdik

From the Checheno-Ingush United State Museum

179. Child's coat from the crypts in the Villages of Pyaling and Tsori. 17th—18th century

From the Checheno-Ingush United State Museum

180. Vainakhs' sabres and a shield. 16th — 18th century From the Checheno-Ingush United State Museum

181. Environs of the Village of Pliyevy Borgha-Kash Mausoleum. 1405—1406

182. Dome of the Borgha-Kash Mausoleum View from inside Interior

183. Environs of the Village of Pliyevy Borgha-Kash Mausoleum. 1405—1506 Entrance and detail of the interior

184. Early Moslem grave-yard near the Village of Khimoi

185. The Village of Khimoi Grave stele (churt). 18th century

186. The Village of Khimoi Cruciform grave stele. 18th century

187. The Village of Khimoi

Early Moslem tombstone in the form of a pillar. 18th century

188. The Village of Khimoi

Tombstone in the form of an animal's head. 18th century

189. The Village of Khoi

Grave stele in a vault-like frame. 19th century Photo of 1964

190. Stone cruciform stele near the Village of Kart. 18th—19th century

191. Graveyard near the Alpine Village of Khoi

192. The Village of Khoi

Crypt-like tombstone with niche for a plate with epitaph. 19th century

193. The Village of Khoi

Stele in a crypt-like frame. 19th century

194. The Village of Makazhoi

Tombstone in the form of a pillar. 19th century

195. The Village of Khoi

Female tombstone stele decorated with female adornments. 19th century Photo of 1964

196. The Village of Makazhoi Tombstone. 20th century

197. The Village of Aghishty Tombstone with a shed. 20th century Photo of 1964

На переплете:

Башенный комплекс селения Таргим *На форзаце:*

Рельеф на погребальной стеле из селения Ма-кажой с изображением мифического коня Буракъ. Конец XIX в. Фото 1965 г.

На обороте авантюла: Башенное селение Лялах (ЛялагП)

On cover:

Towers in the Village of Targhim *On fly-leaf:*

Relief on the burial stele from the Village of Makazhoi showing mythical horse Burak. Late 19th century Photo of 1965

Half-title back: Tower village of Lyalakh

Составители: **Магомед Ахметович Азиев Джабраил Юрьевич Чахкиев**

Автор текста: **Владимир Иванович Марковин**

КАМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ СТРАНЫ ВАЙНАХОВ

Фотоальбом

В альбоме использована фотосъемка В. И. Марковина (№ 6, 7, 10, 11, 51—54, 62, 92, 122, 123, 140, 146, 149, 155, 189, 195, 197, на форзаце), В. Л. Василевского (№ 27, 139), И. П. Щеблыкина (№ 67, 68).

Редактор Н. Г. Анисимов

Художественный редактор В. Д. Демидов

Технический редактор В. В. Горшкова Корректоры Л. М. Логунова, А. З. Лазуткина

Лицензия на издательскую деятельность ЛРН№ 010058 от 18.09.91. ИБ № 6395

Сдано в набор 18.08.92. Подписано в печать 22.09.94. Формат 70^x 100 ¹/₁₆ Бумага мел. офсетная. Гарнитура «Тайме». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 16,25. Усл. кр.-отг. 66,30. Уч.-изд. л. 19,33. Тираж 15 000 экз. Заказ № 1420. С 49. ИЗО-212.

Издательство «Русская книга» Комитета Российской Федерации по печати, 123557. Москва, Б. Тишинский пер., 38. Издание отпечатано с диапозитивов, изготовленных на Тверском ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР Комитета Российской Федерации по печати. 170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

Издательско-полиграфическое предприятие «Янтарный сказ». 236000, г. Калининград ул. Карла Маркса, 18.